10
164

10
164

А. Ельницкий.

Роза Люксембург

207
3

А. ЕЛЬНИЦКИЙ

РОЗА ЛЮКСЕМБУРГ

ОЧЕРК ЕЕ ЖИЗНИ, ОБЩЕСТВЕННОЙ, РЕВОЛЮЦИОННОЙ, ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОЙ И НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

ИЗДАТЕЛЬСКОЕ ТОВАРИЩЕСТВО „КНИГА“
Ленинград, Пр. 25-го Октября, 74. Тел. 1-34-34 и 1-70-94.
Москва, Тверская ул., 38. Тел. 2-64-61.
1925

Государственная публичная
ордена Трудового Красного Знамени
библиотека РСФСР
1299704

ИЗ КНИГ
СТЕПАНА САВВИЧА
КРИВЦОВА.

14.652 — 10.1.25.

Ленинградский Гублит № 10175. Тираж 6000 экз., 9 печ. лист.

Типография Первой Ленинград. Труд. Арт. Печ., Моховая, 40.

1. Общая характеристика Розы Люксембург.

В истории международного социализма найдется немного таких выдающихся и великих и в то же время таких чарующих и обаятельных обликов, как Роза Люксембург.

Крупный мыслитель, вдумчиво разбирающийся в самых запутанных социальных взаимоотношениях современности; тонкий аналитик, вскрывающий ошибки мысли противника острым, как нож хирурга, взором своего пытливого ума; талантливый писатель, блестяще излагающий самые трудные вопросы обществоведения и умеющий передать читателю самую сущность обсуждаемого вопроса наиболее ярко и полно, писатель, язык которого сверкает умом, остроумием, образностью, передает страстность и убежденность автора и показывает широкое общее образование и богатство внутренней жизни; страстный полемист, не знающий пощады по отношению к своему идейному противнику, разящий его ядом беспощадного сарказма—уже этих черт вполне достаточно, чтобы Р. Люксембург имела вполне законное право сохранить навеки свое имя в летописях борющегося международного пролетариата. Проницательная, глубокая и всегда вполне самостоятельная в своей умственной работе, Р. Люксембург настолько выделяется среди крупных теоретиков с.-демократии, что такой, в свою очередь, крупный деятель марксизма, как Ф. Ме-

ринг справедливо называл ее самой светлой голово среди учеников К. Маркса. Каждая ее работа, даже са мая незначительная,—содержит хотя бы крупицу чего-т нового, еще не сказанного, всегда богата живой, твор ческой мыслью и всегда заставляет и читателя не меха нически воспринимать содержимое, а шевелить мозгам чтобы с совершенно новой точки зрения проверить свои взгляды в данной области. Сама она—также вечно ищущая, никогда не удовлетворяющаяся уже достигнутым результатом. И поэтому, когда она говорила про себя: «Жизнь со мною вечно играет в прятки. Мне всегда кажется, что она не во мне, не там, где я, но где-то далеко... Я была уверена, что «жизнь», «настоящая» жизнь где-то далеко там за крышами домов. С тех пор я ищу ее повсюду. Но она всегда прячется за какими-нибудь крышами» [1]),—то наряду с звучащей в этих строках иронией чувствуется и какая-то проникновенная правда ее вечно ищущей души.

Она могла сама ошибаться, прокладывая новые пути в разработке теории международного социализма, могла переоценивать значение и влияние того или иного фактор в сложном хаосе перекрещивающихся общественны взаимоотношений, но это были всегда ошибки живог ума, пытливо искавшего ответы на запросы и не прини мавшего на веру ни одной установленной формулы.

Эти «ошибки» Р. Люксембург чаще всего бывали таковы, что сами служили толчком для нового пересмотр вопроса, для разработки новых, неожиданно выплывших, благодаря им проблем.

Крупный вклад, внесенный Р. Люксембург в науку не так легко достойно оценить в нескольких строках, так же трудно правильно оценить и то живое влияние, какое она, как мыслитель и ученый, с одной стороны, и как талантливый педагог, учивший самостоятельно мы-

[1]) Р. Люксембург, Письма к К. и Л. Каутским, стр. 72.

слить, с другой, оказала на целое поколение германского пролетариата.

Но все это—только одна и даже не главная грань многогранной и богато одаренной натуры Р. Люксембург.

Она не только теоретик и крупный мыслитель борющегося пролетариата.

Она прежде всего сама—политический борец, отдавшийся этому делу всей душой.

От дней ранней юности и до последнего вздоха, в буквальном смысле слова,—вся жизнь Красной Розы была посвящена непрерывной и неутомимой политической борьбе в рядах пролетариата.

Выходец из мелкобуржуазной среды, обреченной на постепенную пролетаризацию развивавшимся капитализмом Царства Польского, Р. Люксембург, как только начала жить сознательной жизнью, отдалась всецело делу борьбы с Молохом капитализма, тщательно подготовившись к ней и быстро заняв место в первом ряду борцов.

Дело беспощадной политической борьбы за осуществление социалистического идеала становится для нее родной стихией, настолько наполняет всю ее душу, подчиняет себе деятельность всего ее интеллекта, что Р. Люксембург нельзя представить себе вне этой борьбы.

Бесстрашно, отдавая буквально все свои силы, буквально не щадя себя, Р. Люксембург живет исключительно этой борьбой.

Если жизнь—борьба, то для Р. Люксембург жизнь—борьба в рядах пролетариата за осуществление переустройства жизни.

Этой борьбе она отдает все силы, отдает всю свою душу, подчиняет ей все чувства, словом, отдается ей безраздельно вся.

Болезненно-хрупкая по природе, принужденная вечно считаться с своим здоровьем, Р. Люксембург умела уделять политической борьбе в рядах пролетариата столько

энергии и сил, что поражала буквально всех своих соратников.

Но стоило последним заговорить о подвижничестве, о самопожертвовании, как Р. Люксембург энергично готова была протестовать против подобной оценки ее поведения.

В том, что она отдавала делу, в которое уверовала, все свои силы, она не могла находить ни подвижничества, ни мученичества. Раз этого требует дело, о чем же тут разговаривать? И она отдавалась этому делу часто до потери сил, не щадя совершенно себя.

«Надо быть как свеча, которая горит с обоих концов»,—было одним из ее любимых изречений. И она воистину сжигала себя на алтаре служения делу рабочего класса, которое вошло в ее плоть и кровь и стало ее собственным делом до конца жизни.

Борьбу Р. Люксембург пришлось вести не только с капиталистическим обществом, но еще в большей степени ей приходилось уделять внимание всякого рода отступлениям в рядах борющегося пролетариата.

И еще более беспощадно, чем на основных врагов рабочего класса, обрушивалась она на подобных отступников, разоблачая ошибки одних и бичуя сознательную измену пролетарскому знамени других.

Завоевав уже вскоре, после выступления на эту арену борьбы, почетное звание теоретика международного пролетариата и заняв подобающее место в ряду деятелей Интернационала, Р. Люксембург умела заставить считаться с собой, как с крупным и часто весьма опасным противником. Могущественное германское правительство, не побоявшееся ринуться в международную бойню, в надежде подчинить себе всю Европу, вынуждено было считаться с Р. Люксембург, как с сильным неприятелем, который может испортить ему всю музыку и поспешил упрятать ее почти на все время войны за толстые тюремные стены.

Центральный комитет германской с.-демократии также неоднократно испытывал на себе силу ударов Р. Люксембург, бичевавшей его половинчатость, нерешительность стать на путь открытых революционных выступлений в довоенный период и его открытую измену заветам Интернационала после исторического голосования 4-го августа 1914 г.

Политические противники Розы боялись ее сарказма и ядовитых насмешек и знали по опыту, что часто достаточно ей бросить несколько слов, чтобы пригвоздить и уничтожить противника.

Розу Люксембург все ее близкие рисуют как человека исключительно сильной воли, которую она целиком направляла на дело служения интересам международного пролетариата.

Умея заставлять себя отдаваться целиком делу политической борьбы, отдавая ему весь свой труд изо дня в день в течение долгих лет своей жизни, она получала право требовать это же и от других, чтобы и они отдавали делу социализма все свои помыслы и даже самую жизнь.

Эту же беззаветность, бескорыстность и преданность интересам пролетариата она заповедывала и своим ученикам, слушателям германской партийной школы, в которой она работала с самого ее основания, заражая их своей работоспособностью, боевым настроением и верой в близкое торжество исповедываемого идеала.

Такова Р. Люксембург в главных своих проявлениях. В очерченных штрихах—существенное содержание ее личности и ее деятельности. Но в этом еще далеко не вся Роза.

Глубокий мыслитель и крупный политический борец в ней соединялись с богато-одаренной душой поэта, удивительно глубоко и чутко воспринимающего всю окружающую жизнь. Рассудочность и углубленность ученого не развили в ней душевной сухости и односторонней

близорукости. Напротив, поэзию детских дней она сумела сохранить в себе до конца жизни и даже углубила ее понимание разносторонним философским содержанием.

И благодаря этому вся окружающая обстановка для Р. Люксембург, куда бы ее не забросила судьба, всегда полна красоты и наслаждения.

Умея с детства довольствоваться немногим, она находит неисчерпаемые источники удовлетворения от созерцания заката солнца хотя бы из кухонного окна в Берлине, она часами готова наблюдать за разбуханием почек, за чириканием и возней птичек.

«Случалось, вспоминает ее близкий друг, Клара Цеткин, что «Красная Роза», усталая, заваленная работой, останавливалась на дороге для того, чтобы поднять заблудившуюся гусеницу и перенести ее на спасительный листок» [1]).

Это не случайные штрихи, но одна из основных черт ее характера.

Когда знакомишься с ее письмами к Карлу и Луизе Каутским, или к Соне Либкнехт, там буквально на каждом шагу наталкиваешься на глубокие переживания или воспоминания о прошлых переживаниях, полные такой неподдельной поэзии, что многие из этих писем с успехом могут поспорить с лучшими из стихотворений в прозе наших классиков.

Их можно было бы привести десятки, но, чтобы не загромождать изложения, мы ограничимся только двумя наиболее яркими. Оба отрывка заимствованы мною из переписки Р. Люксембург с С. Либкнехт. В первом из них Р. Люксембург описывает расцвет весны в мае 1917 г., сидя за тюремной решеткой во Вронке.

«Моих синичек, пишет она, больше совсем не видно. Только вчера я получила короткий привет издалека от одной синички и это меня всю взволновало... Она вна-

[1]) Р. Люксембург. Сборник статей. Госуд. Изд. 1921 г., стр. 3.

чале всегда держалась вблизи моего окна, подлетала с другими к окну и прилежно пела свое смешное: «цици-бэ», но так растянуто, что это звучало совсем, как детское шаловливое поддразнивание. Я каждый раз смеялась и отвечала ей точно так же. Затем в начале мая она исчезла вместе с другими, чтобы где-нибудь высиживать птенцов. Я неделями больше не видела и не слышала ее. Вчера я вдруг услышала из-за стены, отделяющей наш двор от территории другой тюрьмы, знакомый привет, но совершенно изменившийся, совсем коротко и быстро, три раза подряд: «цици-бэ-цици-бэ-цици-бэ», и все смолкло. У меня сердце екнуло, так много было вложено в этот торопливый далекий призыв, целая маленькая птичья история. Это было воспоминание синички о чудной поре любви и ухаживания ранней весной, когда целый день можно было петь и кокетничать, теперь приходится целый день летать и собирать мошек и для себя и для семейства, так что можно позволить себе только коротенькое воспоминание: «У меня нет времени—ах, да, это было хорошо—весна скоро кончается, цици-бэ-цици-бэ-цици-бэ».

В другом письме, мечтая после окончания войны поехать вместе с Либкнехт на юг и показать ей Корсику, Р. Люксембург вся уходит в воспоминания своей первой поездки туда и рисует следующую, полную чарующей поэзии картину.

«Представьте себе широкий героический ландшафт со строгими очертаниями гор и долин, наверху ничего, кроме голых каменных глыб, благородного серого цвета, внизу развесистые оливки, лавровые деревья и древние каштаны. И кругом первобытная тишина, — ни человеческого голоса, ни птичьего крика, только ручеек журчит где-нибудь между камнями, или в вышине между скал шумит ветер, тот же самый, который надувал паруса Одиссея. И те люди, которых вы встречаете, точно подходят к ландшафту. Внезапно появляется, например, из-за поворота горной тропы караван—корсиканцы всегда

ходят друг за другом растянутым караваном, а не гурьбой, как наши крестьяне.

«Впереди обычно бежит собака, за ней медленно выступает либо коза, либо ослик, нагруженный мешками, наполненными каштанами; затем следует большой мул, на котором сидит женщина, в профиль к животному, с прямо свисающими ногами, держа ребенка на руках, она сидит выпрямившись, стройная, как кипарис, неподвижно; рядом шагает бородатый мужчина спокойным твердым шагом, оба молчат. Вы могли бы поклясться, что это святое семейство.

«И такие сцены вы там встречаете на каждом шагу. Я каждый раз бывала так потрясена, что мне невольно хотелось опуститься на колени, как мне всегда хочется перед совершенной красотой. Там библия жива и древний мир тоже» [1]).

Такова была Роза Люксембург в ее восприятиях окружающей жизни; она не могла воспринимать его иначе, как охватывая все существующее, как одно целое.

Само собой разумеется, что это же отношение она в еще большей степени переносила и на окружающих людей.

Но строгая к себе самой, по отношению к другим она всегда проявляла исключительную снисходительность.

Холодная и замкнутая с виду, она всегда готова была проявить чуткую восприимчивость к чужому горю, заботам и печалям и сплошь и рядом переживала их сильнее, чем свои собственные лишения. Больше всего и ближе всего эти черты ее характера были известны ее друзьям, к которым она проявляла редкую заботливость и преданность, вплоть до самопожертвования. Но это же остается верным и для ее отношений буквально ко всем, с кем только приходилось ей сталкиваться в ее кипучей жизни и деятельности.

---

[1]) Р. Люксембург, Письма из тюрьмы, стр. 9—10.

Даже самые суровые прусские чиновники из мира тюремной администрации испытывали на себе влияние ее духовной личности и в свою очередь относились к ней с чувством глубокого уважения, считая честью для себя с ней побеседовать, старались проявить к ней особую предупредительность и обращаться с ней мягче, чем с остальными заключенными.

«Она была волшебницей в искусстве привлекать людей», вспоминает о Розе Люксембург ее близкая подруга Луиза Каутская, поясняя при этом что «тайна чарующей силы ее существа в значительной мере объяснялась тем, что она, как немногие, умела по-человечески интересоваться людьми. Она обладала редким даром слушать с концентрированным вниманием, и как ухо ее было открыто всякой жалобе, так сердце ее внимало боли всякого существа. Сокровищница ее любви к человечеству была неисчерпаема». Но здесь мы должны оговориться, была одна область, в которой для Р. Люксембург не существовало ни дружбы, ни вообще какого то ни было снисхождения, это—область политики.

Политический борец до мозга костей, Р. Люксембург была насквозь пропитана политикой и здесь она не допускала никаких компромиссов.

Политика была та стихия, в которой она чувствовала себя как рыба в воде, свидетельствует та же Л. Каутская: и если она могла быть очень терпимой по отношению к *личным* друзьям, знакомым, родным; если она, подмечая своим зорким взглядом их слабости, острым языком добродушно вышучивала их,—у своих *политических* друзей она не любила шуток. В партийных конфликтах она бичевала гибкость, как слабость, уступчивость, как трусость, компромисс, как измену. Уступки, даже по отношению к самым близким политическим друзьям, были для нее нестерпимы. Ее страстная натура заставляла ее всюду итти напрямик. Сама твердая и несгибающаяся в этих вещах, она требовала того же

от своих политических друзей и ближайших соратников и если ей не удавалось иметь их безоговорочно на своей стороне, она не останавливалась перед разрывом. «Кто не со мной, тот против меня». Таков был ее политический лейтмотив» [1]). И это она доказала своим разрывом с Карлом Каутским, когда последний уклонился вправо и стал поддерживать в вопросах тактики и отношения к империалистической войне ошибочную позицию центрального комитета германской с.-демократической партии.

Преодолевая глубокую привязанность к нему самому, который долгие годы был ее учителем и авторитетом, крепкую связь и испытанную дружбу ко всей семье Каутских, Роза Люксембург смело пошла на разрыв, раз этого, по ее глубокому убеждению, требовала занятая ею позиция и правильно понятые интересы пролетариата.

Такова еще одна грань в характеристике яркой индивидуальности Розы. Наряду с ней необходимо подчеркнуть ее непоколебимую стойкость, упорство и неустрашимость, с которой она все время шла к раз намеченной и логически проверенной цели.

Ее не могли смутить насмешки, ее не останавливали козни политических противников; смело и открыто, с презрением отметая все закулисные ходы, пускаемые против нее последними, она страстно и решительно кидалась в бой, не взирая на неравенство сил. Когда ей пришлось бороться с большинством центрального комитета партии, а ее точку зрения поддерживали лишь немногие, Р. Люксембург проявляла свое обычное упорство мыслителя, убежденного в своей правоте; когда ставился вопрос об ее исключении из партии, она не изменила присущей ей стойкости, которую кто-то из ее биографов вполне правильно сравнивает со стойкостью Галилея, для которого выводы логики—высший закон.

Упорство и стойкость Розы Люксембург, как мысли-

[1]) Р. Люксембург, Письма к К. и Л. Каутским, стр. 27.

теля и политического борца соединялись в ней с здоровой и крепкой волевой дисциплиной.

Хрупкая по своему здоровью, она являлась воплощением какой-то безграничной энергии. Какими-то особыми, ей одной ведомыми, способами она умела властно распоряжаться своими небольшими физическими силами и могла предъявлять к себе самой самые беспощадные требования.

«Когда казалось, вспоминает Клара Цеткин, что она вот-вот свалится от переутомления, она «для отдыха» бралась за что-нибудь еще более трудное. Работа и борьба окрыляли ее. От нее редко приходилось слышать: «я не могу», но тем чаще она говорила: «я должна». Болезненность и неблагоприятные внешние обстоятельства не имели над ней никакой власти. Страдая от физических недугов, окруженная трудностями и опасностями, она всегда оставалась сама собой. Внутренняя свобода поднимала ее над всеми преградами» [1]). Дисциплина воли была развита у Р. Люксембург необычайно, подчиняя работе мозга все проявления движений ее души и сердца. Мыслитель, политик и политический борец руководили основными проявлениями ее личности и перевешивали собой самые глубокие эмоции ее сердца. Самой высшей страстью, поглощавшей ее всецело, было служение социализму, как заветной цели, к которой она стремилась всем существом. Революционер до мозга костей, Р. Люксембург не признавала иных путей к достижению этой цели кроме революционных, а потому работа по подготовке революции являлась для нее задачей всей ее жизни. Осуществить эту задачу, дожить до революции и самой принять участие в революционных битвах, являлось для нее высшим счастьем, о котором она постоянно мечтала.

И в какие бы тяжелые условия не ставила ее жизнь,

---

[1]) Р. Люксембург. Гос. Изд. 1921 г., стр. 4.

она всегда горела надеждой на осуществление своей заветной мечты и не только верила в это сама, но умела поддержать эту веру и в других.

Ее боевая натура находила удовлетворение в непрерывных упорных схватках с противником и буквально рвалась навстречу опасностям и, зная себя, она почти предугадала свою судьбу, когда писала С. Либкнехт, что погибнет на посту «в уличной битве или в тюрьме».

Другой ее страстью была неисчерпаемая жажда знания. Никогда не удовлетворяясь достигнутым, она еще в конце 1917 г. вполне искренно восклицала: «Мне становится страшно, когда подумаю, как мало мне осталось жить, и как много нужно бы еще учиться».

Особенно усиленно стремилась она всегда к пополнению и проверке своего собственного научного миросозерцания, озабочиваясь, чтобы оно было всегда так же цельно и гармонично, как и вся ее натура. «Я не знаю, писала она из тюрьмы Л. Каутской, заметили ли вы, поглощенные заботами о Шейдемане, что в прошлом (1916) году было сделано открытие, составляющее эпоху. Англичанин Иоки открыл, как сообщают, «центр вселенной» и этим центром является звезда *Канопус* в созвездии Аргонавтов (южное полушарие), которая удалена от нас всего «лишь» на 500 световых лет и приблизительно в полтора миллиона раз больше солнца. Мне, как человеку закаленному, размеры эти нисколько не импонируют. Но меня одолевает другая забота: центр, вокруг которого все движется, превращает вселенную в шар. Я же считаю полнейшей безвкусицей и не могу себе представить вселенную в виде шара,—вроде огромной картофельной клецки или шарика мороженого. Эта симметричность фигуры, именно в данном случае, когда «на карту поставлено все», является плоским, просто мещанским представлением. Но это еще не все. Ведь при этом идет на смарку и *бесконечность* вселенной. Ибо шарообразная бесконечность ведь вздор. И мне, для умственного

комфорта, непременно нужно мыслить себе бесконечным еще что-нибудь, кроме человеческой глупости» [1]).

Не принимая непосредственного участия в социалистическом женском движении, Р. Люксембург подвигом всей своей жизни и результатами своей глубокой умственной работы больше чем кто-либо содействовала признанию фактической равноценности и фактическому раскрепощению женщины.

Ее имя, несомненно, останется вписанным крупными буквами в историю пролетарской науки, а ее труды на долгие десятилетия сохранят свое значение и будут продолжать зажигать сердца идущих на смену поколений борцов с той же силою, как это делала она живая.

Не обладая выдающейся внешностью, низкая ростом, тщедушная, слегка прихрамывающая, Роза в избытке обладала иной красотой—яркой красотой своей многогранной души, такой цельной, гармонично развитой, непосредственной, всегда переполненной через край жизнерадостностью. Эта ее внутренняя духовная красота настолько доминировала над дефектами тела, что она могла безраздельно и властно царить над сердцами миллионов людей при жизни, увлекая их не только своим ораторским красноречием, но и яркой красочностью своего духовного облика.

Эти же черты ее души на долгие годы сохранят ее образ и после смерти и он будет сиять в сумерках человеческого бытия и будет манить к себе величием духа «Красной Розы» до тех пор, пока не осуществятся в жизни те заветы, за которые так страстно и упорно она боролась и так трагически должна была заплатить своей жизнью.

---

[1]) Р. Люксембург, Письма к К. и Л. Каутским, стр. 165.

2. Детство, юность и студенческие годы Розы.

Роза Люксембург—уроженка русской Польши.

Она родилась в 1871 г., 5-го мая в маленьком городке Замостье, в еврейской буржуазной семье.

Отец занимался торговлей, которая первое время давала достаточные средства к жизни и семья Розы в годы ее раннего детства жила даже зажиточно.

Но затем торговля отца сильно пошатнулась и для семьи началась длинная полоса постоянной борьбы за существование, порой граничившая с самой настоящей бедностью. Глава семьи пытался продолжать свою коммерческую деятельность, но зарабатывал такие жалкие гроши, что трудно было сводить концы с концами; семье зачастую приходилось буквально бедствовать и нередко к ростовщику тащили последнюю подушку и одеяло, чтобы заложить их за несколько рублей.

Как об отце, так и о матери Розы имеются лишь самые отрывочные сведения, по которым очень трудно установить хотя бы общую их характеристику; еще труднее благодаря этому оттенить то влияние, какое оказывала семья на глубокую и впечатлительную душевную организацию Розы.

Несомненно только одно, что семья, в которой Красная Роза провела свое детство, отрочество и почти всю

юность, своим укладом жизни, отношением к окружающему, своими интересами и запросами, довольно резко отличалась от среднего уровня тогдашнего польско-еврейского общества. Жизнь семьи Розы не только не напоминала того тусклого и дикого прозябания, каким обычно характеризуют существование ее единоверцев в Польше и вообще в черте еврейской оседлости в России в 70—80-ые годы; напротив, в ней царила какая-то особенная атмосфера, которая не только уничтожала упадок духа или озлобление, столь обычные при материальных невзгодах, но, наоборот, поддерживала у всех членов семьи жизнерадостность, веру в свои силы и добрые чувства друг к другу, как бы ни были тяжелы условия существования.

Эта жизнерадостность, о которой у Розы на всю жизнь сохранились самые светлые воспоминания, позволяла ее семье легко переносить свою бедность, смотреть сверху вниз на земные блага и не придавать особо важного значения вопросам денежного характера.

Так, например, однажды, вспоминает сама Роза, она зажгла лампу бумажкой за отсутствием спички, и потом оказалось, что эта бумажка последние в доме деньги, которые с таким трудом удалось раздобыть ее старику отцу. Последний не только не набросился на нее с попреками на рассеянность, но сам же стал утешать ее шутками о дорогой спичке и успокаивал ее надеждами раздобыть еще денег.

Такая семейная обстановка, прежде всего, содействовала гармоническому развитию в ребенке целостной человеческой личности, развитию всех его духовных способностей и наклонностей и сказалась впоследствии в том, что из Розы выработался наредкость цельный тип, развитой, богато одаренной и глубоко восприимчивой женщины-борца.

Мать Розы также усердно поддерживала эту жизнерадостную атмосферу в семье, заботливо оберегая подрастающую дочь от гнетущих забот о завтрашнем дне.

Дать детям образование и притом возможно лучшее тогда в России, не взирая на недостаток средств, стремились как отец, так и мать, отказывая для осуществления этого себе в самом необходимом. С этой целью семья переехала в Варшаву и Роза попала в гимназию, где сразу обнаружила блестящие способности, беспримерно острый ум, так поражавший впоследствии всех сталкивавшихся с ней и редкую работоспособность.

Самая маленькая в классе, как по фигуре, так и по возрасту, Р. Люксембург в гимназии всегда шла первой ученицей и переходила из класса в класс с наградой. Особенную склонность и способность она обнаруживала в математике. К 15-ти годам она уже окончила гимназию и кроме того, помимо гимназии, много и плодотворно поработала над выработкой своего естественно-научного миросозерцания, жадно проглатывая книги по ботанике, геологии, астрономии и т. д.

Она должна была кончить гимназию с золотой медалью, но не получила ее потому, что уже тогда ее политическая благонадежность оказалась под сомнением у гимназического начальства.

Но как бы там ни было, гимназия была окончена и молодая 15-ти летняя Роза с ее пытливым и острым умом, с ее бесчисленными запросами, вступала в окружающую жизнь с значительным уже багажем знаний и с полным запасом духовных и нравственных сил, воспитанных в ней окружавшей ее с детства здоровой атмосферой семьи и в особенности влиянием ее матери.

Мать, помимо этих обычных забот о будущем детей, приносила в их жизнь и много такого, чего нельзя было встретить в еврейских буржуазных семьях того времени.

Она, повидимому, своим образованием выделялась из общего уровня и сумела и в своей семейной обстановке, несмотря на все невзгоды, сохранить и поддерживать идейные интересы, прививая их постепенно и детям.

Правда, сама Роза в одном из своих писем из тюрьмы

к С. Либкнехт говорит, что ее мать «признавала библию наряду с Шиллером за источник вечной мудрости, твердо и определенно верила, что царь Соломон понимал птичий язык», но эта вера в библию и мудрость царя Соломона не помешала ей не только самой следить за польской и немецкой художественной литературой, но и привить эти вкусы своим детям; благодаря ей в семье вместо жаргона царил польский язык, и вместо Талмуда — немецкие и польские классики: Шиллер, Гёте, Мицкевич и др.

Их поэтические произведения она любила читать с детьми и впечатлительная Роза под влиянием этих чтений одно время сама начала писать стихи и пробовать свои силы в беллетристических произведениях.

Особенно страстно она полюбила Мицкевича и позднее, в пору своей литературной деятельности, редко обходилась без цитат из его поэм в своих польских статьях.

Точно так же сохранила она на всю жизнь какую-то особенную любовь к произведениям Шиллера и Гёте, любовь, которую не смогла в ней убить ее бурная последующая политическая карьера и которая помогала ей скрашивать томительное однообразие ее бесконечных тюремных злоключений.

Правда, внешняя обстановка жизни, в особенности когда семья перебралась в Варшаву, была очень однообразна...

Вот в каких красках вспоминала сама Роза Люксембург свое детство позднее:

«Бывало, дома я ранним утром осторожно подкрадывалась к окну—было строго запрещено вставать раньше отца,—тихо его открывала и смотрела на большой двор.

«Видеть там было почти нечего. Все еще спало. Кошки мягкими шажками подкрадывались через двор. Пара воробьев возилась, дерзко чирикая, а длинный Антон в своей короткой бараньей шубе, которую он носил зимой и летом, стоял около водокачки, опершись обеими руками и подбородком на метлу, с выражением глубокой задумчи-

вости на заспанном немытом лице. Этот Антон был человек с возвышенными наклонностями.

«Каждый вечер после закрытия ворот он садился на своей ночной скамье и при тусклом свете фонаря по складам читал оффициальные «Полицейские Ведомости»; это чтение глухо отдавалось по всему двору.

«Руководил им при этом чистый интерес к литературе, ибо он не понимал ни одного слова и любил одни только буквы. Несмотря на это, он был очень взыскателен.

«Как-то раз в ответ на его просьбу дать ему книгу, я дала ему «Начало цивилизации» Леббока, которого я только-что в качестве моего первого «серьезного чтения» с великим трудом одолела; через пару дней он возвратил мне эту книгу, заявив, что она «ничего не стоющая».

«Я только через несколько лет поняла, насколько прав был Антон. Так этот Антон простаивал некоторое время в глубокой задумчивости, которую он обрывал потрясающе громким зевком, и это освобождающее зевание всегда обозначало: ну, а теперь за работу.

«Я еще сейчас слышу царапающий звук мокрой искривленной метлы, которой он водил по камням мостовой, описывая круги и эстетически, на подобие брюссельских кружев, разметал по краям этих кругов мусор.

«Это подметание двора было его поэзией. И действительно, это было лучшим моментом до пробуждения однообразной жизни большого, переполненного квартирантами дома с его шумом и стуком.

«Торжественная тишина раннего утра скрадывала тривиальность двора; выше на окнах блистало золото молодого солнца; совсем высоко плыли розовато окрашенные, душистые облака, еще не слившиеся с серым небом большого города.

«Тогда я была уверена, что «жизнь», «настоящая» жизнь где-то далеко там, за крышами домов»...

Быть может, именно это однообразие и бедность окружающей природы приучили Розу с детства как-то по

особенному ценить каждую улыбку жизни и находить ее буквально всюду, куда бы ни забрасывала ее судьба.

Внутренняя же обстановка семьи приучала ее мириться малым и радостно воспринимать окружающую жизнь, как бы ни была она бедна.

Дальнейшая жизнь Розы сложилась, однако, так, что ее детские поэтические дарования должны были уступить место иным проявлениям ее высоко одаренной личности. Уже четырнадцатилетней девочкой у Розы увлечение поэзией сменилось тягой к естественно-научному образованию и с высоты последнего она начинает критически относиться к духовному облику своей матери, а вслед затем ее целиком захватывает деятельность польских политических кружков, которая и определила всю дальнейшую судьбу Розы Люксембург.

Эти кружки, в которых Р. Люксембург начала принимать участие еще будучи гимназисткой, были первоначально довольно безобидны и далеки от революции. В них читались и разбирались книги легальных авторов, знакомились с начатками политической экономии и т. п., но и этого уже было достаточно для русской полиции того времени.

Все члены кружков немедленно были взяты под подозрение и, как мы видели выше, за свое участие в одном из таких кружков Роза принесла свою первую политическую жертву:—трусливое гимназическое начальство поспешило ее лишить вполне заслуженной золотой медали.

Кружок, в котором Р. Люксембург принимала участие, по требованию полиции, был закрыт, но это не только не отпугнуло Розу, но, пожалуй, скорее толкнуло ее отдаться делу политики целиком и от кружков чисто образовательных перейти к участию в социалистических организациях.

Это раннее увлечение политикой, захватившее Розу целиком, помешало развиться ее поэтическим дарованиям, как равно и многим другим ее талантам; так, например, она обнаружила выдающиеся способности к рисованию; но зароненные в ее душу зерна поэзии, любви к красоте

и гармонии, любви вообще к природе, не только не погибли бесследно, но, напротив, распустились таким пышным цветом, что, когда знакомишься с миром внутренних переживаний уже взрослой и вполне определившейся Розы, порою забываешь, что перед тобою фигура политического борца, закаленного долгой и упорной борьбой, фигура крупного теоретика социализма, обладающего беспримерно острым умом, умеющего не только разбираться в сложнейших политических и тактических вопросах, но и прокладывать новые пути в этой области; порою кажется, что перед тобою открываются тайники совершенно иной душевной организации, склонной отнюдь не к борьбе, а к слиянию со всей окружающей природой, наслаждающейся созерцанием красоты этой природы, которую она умеет находить буквально на каждом шагу: не только в пении соловья, в красивом солнечном закате, но и в росте травы, в разбухании почек тополя, в возне синичек, в кропотливой работе муравьев и земляных ос...

Порою кажется, что это два особых, совершенно несовместимых друг с другом мира; и это может показаться тем более верным, что и сама Роза Люксембург в одном из писем к С. Либкнехт пишет о себе и своих внутренних переживаниях:

«У меня иногда бывает чувство, что я не настоящий человек, а тоже какая-нибудь птица или другое животное в образе человека; внутренно я чувствую себя гораздо больше дома на таком клочке сада, как здесь, или в поле, среди шмелей и травы, чем на партийном съезде... мое внутреннее «я» больше принадлежит моим синичкам, чем «товарищам»... но она тут же прибавляет: «вам ведь я могу все это сказать. Вы не почувствуете сразу измены социализму. Вы ведь знаете, я, несмотря на это, все же надеюсь умереть на посту: в уличной битве или смирительном доме» [1]).

[1]) Р. Люксембург, Письма из тюрьмы, стр. 17.

В действительности же здесь нет ничего несовместимого, нет даже никакого противоречия: обе эти стороны внутреннего облика Розы вытекают из основных черт ее целостной личности—во-первых, воспринимать весь окружающий мир до его самых затаенных глубин и воспринимать не какую-нибудь одну его часть, но весь его целиком, начиная от травы, воздуха или заката солнца и вплоть до самых драматических или трагических проявлений общественной борьбы современных человеческих обществ; и, во-вторых, во всех этих восприятиях искать максимум гармонии и красоты. В силу последнего свойства своей натуры Роза вполне искренна, когда говорит, что она «больше принадлежит своим синичкам», так как здесь она находит больше красоты и гармонии, чем в извращениях жизни, создаваемых формами человеческого общежития начала XX века, но это же свойство ее внутреннего «я» и ее неизживаемое стремление к гармонии, красоте и радостям жизни толкнуло ее с ранних лет и продолжало толкать до самых последних дней трагической смерти «на посту»—на борьбу в ряду передовых борцов с извращениями капиталистического уклада жизни, так как иного восприятия гармонии человеческого бытия для нее и не могло существовать, как только участие в борьбе за осуществление социалистических идеалов.

Повторяем, глубокая, проникающая все существо Розы любовь к природе, стремление к гармонии и прекрасному и ее карьера политического борца—это не противоречие и не раздвоение, а только два разных солнечных луча, прошедших сквозь грани ее чеканной, как редкий алмаз, души, не изуродованной с детства озлоблением, упадком духа, гнетом родительского самодурства и т. п., а, наоборот, тщательно охраняемой обоими родителями от всяких уродливых наслоений.

Эта целостность натуры Розы, ее умение целиком отдаваться окружающему ее миру и являться самой для

всего окружающего своего рода нравственным оплотом, были ее характерными чертами, проходящими красной нитью через всю ее жизнь. Она стала обнаруживать их уже в своей семье, а затем, куда бы ее не забрасывала судьба, она всюду приносила с собой моральную поддержку всем окружающим.

К 16-ти годам Роза уже целиком отдается революционной деятельности среди польских социалистических кружков того времени, примыкая к революционной партии «Пролетариат», только-что пережившей тяжелую полосу репрессий, закончившихся казнью 4-х наиболее крупных революционеров (Куницкий, Петрусинский, Бордовский и Оссовский) и ссылкой на каторгу и поселение нескольких десятков борцов за рабочее дело.

Партия «Пролетариат» не была уничтожена этими репрессиями правительства. Восстановив быстро свою организацию, она продолжала руководить борьбой польских рабочих, высоко держа знамя классовой борьбы, свято храня революционные заветы погибших пролетариатцев и маня в свои ряды всех наиболее чутких душой и сердцем.

Несмотря на всю зоркость жандармов, Р. Люксембург удается проработать легально в рядах «Пролетариата» около двух лет и только в 1888 году, после одного из крупных полицейских разгромов, многочисленных арестов и провалов, она принуждена была скрыться и эмигрировала заграницу, в Швейцарию. Устроил ей побег и переправил через русскую границу один из лучших в то время конспираторов партии, тов. Каспржак, впоследствии погибший на виселице.

И вот молодая 18-ти летняя революционерка попадает в Швейцарию, в Цюрих, который в то время пользовался широкой славой убежища для эмигрантов со всех концов мира.

Роза немедленно поступила в Цюрихский университет и начала заниматься предметами, к которым чувствовала

особенную склонность еще с гимназической скамьи— естественными науками и математикой.

Но это новое увлечение наукой не только не оторвало ее от прежних политических интересов, но, напротив, заставило серьезно приналечь на пополнение своих знаний и в этой области.

Отчасти толчком к этому должны были послужить знакомства и сношения с русскими и польскими социалистами, завязанные ею тотчас-же по приезде в Швейцарию, а также и то обстоятельство, что ей пришлось поселиться в Цюрихе в семье немецкого эмигранта, социал-демократического публициста доктора Карла Любека.

Это был человек недюжинного ума и обладал громадными знаниями, но был разбит параличем, прикован к постели и даже лишен возможности самостоятельно писать. Жена его, полька по происхождению, быстро сблизилась с Р. Люксембург и последняя почувствовала себя в этой семье, как дома. В семье, тяжело переносившей постигшее ее несчастье, Роза быстро нашла свое место и явилась моральной поддержкой для всех ее членов. Она помогала госпоже Любек в ее домашних делах и в то же время была поверенной ее внутренних переживаний, заставлявших ее чуждаться семейной жизни; она возилась с целой кучей детей, которые быстро к ней привязались; она, наконец, помогала и тяжело больному мужу, записывая под его диктовку статьи, которыми он зарабатывал свой хлеб. С ним же она проводила в беседах целые часы, получая руководящие указания для своих собственных занятий по вопросам социализма и истории.

Получая сама много ценного от близкого общения с этой семьей, Р. Люксембург давала ей не меньше, так как послужила той спайкой, которая была нужна, чтобы сохранить эту семью от развала и разложения.

Дружбу с ней Р. Люксембург сохранила на долгие годы, считая себя многим обязанной руководству К. Любека в первые годы ее студенческой жизни.

Но было бы неправильно считать это случайное знакомство и дружбу каким-либо решающим моментом в дальнейшей судьбе Р. Люксембург. Как она, так и завязанные ею сношения с польскими и русскими социалистическими кружками заграницей послужили для нее лишь лишним толчком, чтобы сразу же, наряду с изучением точных наук в университете, отдаться пополнению своих знаний в области обществоведения и научного социализма.

К этому ее толкал прежде всего пытливый и бесконечно острый ум, который не мог мириться на начатках знания в какой бы то ни было области, а затем этого же требовала и вся натура Розы с ее глубокой восприимчивостью и стремление к целостности во всем. Она усидчиво принялась за изучение первоисточников научного социализма, основательно штудируя труды Маркса и Энгельса и на них выковывая свое собственное социалистическое миросозерцание.

В течение трех лет, с 1889 г. по 1892 г. Р. Люксембург целиком уходит в эту работу. Она забросила свои прежние систематические занятия в университете, жила попеременно то в Цюрихе, то в Женеве или Берне и старалась отовсюду черпать необходимые ей знания. Оффициальная наука, излагавшаяся с университетских кафедр, ее совершенно не могла удовлетворить. Слушая монотонное и усыпляющее мысль преподавание профессоров классической политической экономии, Роза жадно обращала свои полные беспокойных исканий взоры на снеговые вершины гор, маячивших за открытыми окнами университетской аудитории, как бы стремясь унестись в высь, чтобы оттуда проникнуть возможно глубже в тайны законов человеческого общества.

В лучшем случае этот почерпнутый на университетских лекциях материал она самостоятельно перерабатывала, применяя при этом заимствованный у Маркса и Энгельса и сразу же блестяще усвоенный ею диалектиче

ский метод. Преподносимые ей готовые формулы мертвой политической мудрости Р. Люксембург подвергала смелому анализу, часто не оставлявшему камня на камне от построения схоластиков политической экономии. И тогда та груда знаний, которую преподносили ей буржуазные профессора, озарялась вдруг ярким светом новых выводов и детально прорабатывалась в мощной лаборатории ее юного, но уже самостоятельно работавшего ума.

Но гораздо бо́льшим толчком, чем лекции дипломированных ученых для Р. Люксембург, для самостоятельной переработки ею усваиваемых знаний, служили тоненькие зеленые книжки, выпускавшегося К. Каутским еженедельного журнала «Neue Zeit» («Новое Время»). В них она находила ответы на многие собственные вопросы, в них черпала материал для дальнейшей самостоятельной работы; эти книжки помогали ей ощупью находить прямой путь среди извилин и извращений оффициальной догмы, освещали целые эпохи человеческой истории и толкали ее творческую мысль к дальнейшей самостоятельной работе на этом поприще.

В лице Каутского Р. Люксембург нашла для себя идейного руководителя и к его голосу, к его указаниям, сперва далеким, приносимым ей этими зелеными книжками его журнала, она прислушивалась всегда с большим вниманием и уважением.

Авторитет К. Каутского, как признанного теоретика марксизма, для Р. Люксембург очень долго оставался непререкаемым, в особенности в первые годы ее самостоятельной работы. А надо при этом иметь в виду, что Р. Люксембург в эти годы уже была близко и лично знакома с такими крупными теоретиками марксизма, как Г. В. Плеханов, П. Аксельрод. Каутского же она тогда знала только по его журнальным статьям и тем не менее она становится его ученицей, а не ученицей более близкого ей в то время Плеханова.

Продолжая упорно работать над пополнением своего

теоретического образования, Р. Люксембург довольно быстро усвоила самые необходимые основы научного миропонимания, а, усвоив их, почувствовав твердую почву под ногами, она немедленно же вернулась к практической деятельности, к политической работе среди польского пролетариата.

3. На службе польскому пролетариату.

Закончив к 1892 году первоначальное изучение основ марксизма, Р. Люксембург вместе с тем порывает со своим прежним бродячим образом жизни, снова перекочевывает в Цюрих и здесь в том же году вступает в кружок польских социалистов, поставивших себе целью теоретическую разработку общественных вопросов Польши под углом зрения научного социализма и пропаганду нового учения среди польского пролетариата.

До этого времени в Польше не существовало особого течения сколько-выдержанного марксистского направления. Если не считать партии «Пролетариат», к этому времени уже сошедшей с политической сцены, которая хотя и выставляла на своем знамени принципы классовой борьбы, но не всегда их проводила до конца, были лишь маленькие конспиративные группы, но не было партии, опиравшейся в своей деятельности на революционное движение рабочих масс, которая бы стремилась направить это движение по правильному руслу.

В Цюрихский кружок, поставивший себе эти задачи, вошли: Р. Люксембург, Ю. Мархлевский (Карский), Лео Иогихес (Тышко), Веселовский и ряд других лиц.

Вопросы, выдвигавшиеся тогдашней польской революционной жизнью, были чрезвычайно сложны, многообразны и интересны. Как мы только-что указали, ярко револю-

ционное социалистическое движение, руководимое партией «Пролетариат» к 1892 году почти замерло; еще до этого «Пролетариат» неумолимой логикой борьбы оказался вынужденным сосредоточить все свои силы на терроре и вследствие этого был не в состоянии охватить своей организацией рабочие массы, которые, благодаря чрезвычайно быстрому развитию капитализма в Польше, стихийно вовлекались в русло чисто экономической борьбы. Ряд крупных провалов, сильно ослабивших эту организацию, еще больше затруднял для нее руководство разраставшимся рабочим движением.

На этой почве обозначилось даже новое революционное течение, и в Варшаве образовался «Рабочий Союз», поставивший себе целью руководить стачечным движением рабочих масс и по мере сил прививать им марксистскую идеологию. Но и эта организация осенью 1891 г. подверглась нападению царской опричины и почти все ее руководители были арестованы.

Среди осколков организации «Пролетариата», разгромленной русской жандармерией, начался идейный разброд и, под влиянием всеобщего в то время в Европе разгара националистических увлечений, стала просачиваться тенденция объединить дело социалистической борьбы рабочего класса с патриотическими тенденциями восстановления польской независимости.

Ложно истолковывая принципы массового движения рабочих и основываясь на том факте, что экономическое развитие Польши успело опередить остальную Россию, сторонники нового течения, концентрировавшиеся первоначально в эмигрантских кружках, делали отсюда тот вывод, что польский пролетариат не должен связывать своих судеб с судьбой пролетариата остальной России, а должен, выставив на своем знамени лозунг освобождения Польши от политического ига царизма и создания независимого польского государства, прокладывать этим путем самостоятельно дорогу к социализму.

Используя национальный гнет, господствовавший в Польше и ощутительно дававший чувствовать себя рабочему классу, новое направление стремилось подчинить движение польского пролетариата лозунгам национализма; это, правда, никогда не выговаривалось открыто, но достаточно было и того, что провозглашалась необходимость для рабочего класса Польши подчинить свои классовые цели интересам обще-национального освобождения.

Новое течение быстро распространилось в Царстве Польском, так как нашло для себя благодарную почву в патриотических настроениях польской мелкобуржуазной шляхты и ему удалось, кроме того, заразить националистическим ядом значительную часть польского пролетариата.

Попытки Варшавского «Союза Рабочих» противодействовать этому течению оказались мало-успешными, так как эта организация не располагала солидными теоретическими силами; новое же течение социал-патриотизма, выступившее вскоре под именем «Польской Социалистической Партии» (П.П.С) было во всеоружии техники и патриотической теории.

И вот на борьбу с этим польским социал-патриотизмом и решил выступить Цюрихский кружок польских социал-домократов.

На долю Р. Люксембург выпало дать теоретическое обоснование польского социал-демократического движения и она справилась с этой задачей блестяще.

Правда, еще первые польские марксисты К. Длусский и В. Пекарский отметили несоответствие программы восстановления независимости Польши тенденциям ее капиталистического развития, а талантливый социалистический публицист того времени С. Мендельсон подверг резкой критике идеологию польских восстаний, но тем не менее Р. Люксембург настолько углубила и развила эти положения в своих исследованиях, что обоснование польского марксизма остается тесно связанным с ее именем.

Исходя из факта тесной экономической связи между отдельными частями Польши и поработившими ее государствами—Россией, Германией и Австрией, Р. Люксембург с фактами в руках доказывала, что капитализм в Польше развивается рука об руку с капитализмом этих стран; такая же тесная связь создается между буржуазией польских провинций и буржуазией господствующих государств.

Обострение классовой борьбы в Польше делает невозможным национальное восстание во имя создания независимого польского государства.

Борьба польского пролетариата не может вестись изолированно, а должна протекать совместно с пролетариатом России, Германии и Австрии, в тесной связи с существующими там революционными социал-демократическими партиями и должна считаться с политическими условиями каждого государства.

Политическая эмансипация польского народа возможна только в результате всеобщей революции, которая должна покончить со всемирным владычеством капитала, должна уничтожить всякую эксплоатацию и привести к освобождению всех народов, в том числе и польского.

В таком приблизительно виде были сформулированы Р. Люксембург тезисы, которые она положила в основу нового направления польской социалистической мысли, возглавлявшейся цюрихским кружком социал-демократов.

Если в этой позиции Р. Люксембург и не все можно признать правильным, если у нее дает себя сильно чувствовать недостаточная оценка и не вполне правильное освещение национального вопроса, если она, черезчур увлекшись борьбой с польским национализмом, в этой борьбе перегибала палку в противоположную сторону, т.-е. в сторону совершенного игнорирования национальной проблемы, то во всем остальном, как в решительной борьбе ее против националистического увлечения П.П.С.,

так равно и в проведении чисто классовой точки зрения, в лозунгах, которые она бросала польскому пролетариату, призывая его сплотиться с пролетариатом России и Германии и рука об руку с ними вести борьбу против буржуазии в целом, как класса, не подразделяя ее на национальности, во всем этом Р. Люксембург намечала вполне правильный путь и в этом ее большая заслуга перед польским пролетариатом.

Все члены цюрихского кружка, помогая посильно Р. Люксембург в этой достаточно трудной задаче, безоговорочно признали ее теоретическое превосходство и охотно подчинялись ее руководству и Роза Люксембург, таким образом, становится во главе нового направления, выступая на борьбу с социал-патриотическими уклонами «П.П.С.», как блестящий теоретик и как выдающийся публицист. Правда, борьба, которую ей пришлось начать, была не из легких.

Но трудность борьбы мало смущала Р. Люксембург; она не только сама смело ринулась в бой, но и заражала порывом борьбы своих ближайших соратников, черпая уверенность в правильности избранной позиции в фактах тогдашней польской действительности.

В Польше-же в это время, несмотря на непрекращавшиеся разгромы подпольных рабочих организаций, революционное рабочее движение продолжало шириться и расти.

Первомайская демонстрация в 1892 г. приняла громадные размеры, а события в Лодзи, разразившиеся почти вслед за этим, начавшиеся грандиозной стачкой, превратившейся во всеобщую забастовку и вследствие целого ряда кровавых столкновений рабочих с полицией и войсками, принявшие характер настоящего восстания, еще более подчеркивали, что массовое движение рабочих становится решающим фактором общественной жизни Польши.

Вскоре новое направление польского социализма,

получив возможность через посредство одного из своих активных членов (тов. Веселовского) значительно расширить свою революционную деятельность в русской Польше, объединив все уцелевшие остатки прежних марксистских кружков, решило выступить открыто под именем «Социал-демократии Царства Польского». Ему удалось при этом отколоть от «П.П.С.» главное ядро рабочей организации.

Новая партия тотчас-же приступила к изданию польской социалистической газеты «Sprawa Rabotnitscha» («Дело Рабочих»), выход которой послужил сигналом к самой ожесточенной борьбе и травле, поднятой против нового направления сторонниками «П.П.С.»

Первоначально в этой борьбе социал-патриотическое течение польского социализма одерживало верх и склонно было торжествовать свою победу.

Когда в этом-же 1893 г. Р. Люксембург была делегирована польскими с.-демократами на цюрихский международный социалистический конгресс, вожаки «П.П.С.» во главе с Дашинским повели бешеную кампанию против признания мандатов ее и ее товарищей. Воспользовавшись своими старыми связями с такими вождями Интернационала, как Фр. Энгельс, В. Либкнехт и др., они постарались изобразить им дело в таком виде, будто-бы новое течение представляет из себя кучку интриганов, желающих из чисто эгоистических и честолюбивых соображений разрушить единство польского социалистического движения, наконец, они не остановились перед гнуснейшим средством борьбы, выдвинув против одного из делегатов польской с.-демократии (тов. Варшавского) заведомо ложное обвинение в том, что он является «русским агентом», как и позднее они не останавливались перед антисемитскими выпадками, пытаясь доказать, что «польский социализм еще не пал так низко, чтобы г-жа Роза Люксембург с какой-то компанией бердичевских «русских» имела-бы право говорить от его имени».

Несмотря на блестящую защиту Розы Люксембург, которая с фактами в руках пыталась опровергнуть эту клевету и ложь, международный конгресс все же стал на сторону «П.П.С.», решив по предложению Дашинского, поддержанному и немецкой делегацией Интернационала, исключить Розу Люксембург из числа членов конгресса.

Эта неудача не обескуражила Розу. Напротив, она заставила ее сконцентрировать все силы для дальнейшей борьбы с социал-патриотизмом в Польше.

Для этой цели она постаралась прежде всего использовать тот интерес к вопросам польского социалистического движения, который выявился после цюрихского международного социалистического конгресса и с этой целью поместила ряд статей и заметок во французской и немецкой печати.

Но, не ограничиваясь этим, Роза Люксембург попыталась теоретически обосновать жизненность защищаемой ею точки зрения путем детального изучения исторического развития Польши и анализа общественно-экономических отношений в крае.

Почти весь 1895 год Роза Люксембург проводит в Париже, работая там в Национальной библиотеке над изучением источников экономической истории Польши и в итоге этой работы она написала целое исследование, имеющее капитальное значение в теоретическом отношении. Труд этот, вышедший и в русском издании в 1896 г., под заглавием «Промышленное развитие Польши» содержит в себе, во-первых, исторический обзор развития польской промышленности, начиная с двадцатых годов XIX столетия; автор подробно останавливается на мануфактурном периоде промышленности Польши, на поощрительных мерах русского правительства, заинтересованного в насаждении крупной промышленности в крае, переходит к периоду крупной промышленности, специально останавливаясь на описании районов польской

промышленности и выяснении рынков сбыта для нее. Вторая часть исследования посвящена вопросу об экономической политике России в Польше, истории борьбы Лодзи с Москвой и выявлению политических интересов России в Польше.

Этот труд Р. Люксембург, оперировавшей при его составлении с богатым и исчерпывающим материалом, сразу-же обратил на себя внимание, так как давал ключ к пониманию взаимоотношений Польши и России; в своем предисловии к нему она правильно отметила, что «политическая физиономия, исторические судьбы страны — книга за семью печатями, если мы не знакомы с хозяйственной жизнью этой страны, со всеми вытекающими отсюда социальными последствиями».

Выводы, к которым пришла Р. Люксембург в результате своего исследования, она формулировала следующим образом: «Приходится признать, что Польше не только не предстоит экономического обособления от России, но, что, наоборот, тенденция, вытекающая из общей внутренней природы крупного капиталистического производства, будет с каждым годом все сильнее прикреплять ее к России». Причину-же этой тенденции она объяснила следующим образом: «Пока обе страны были преимущественно земледельческими, а хозяйство их натуральным, следовательно до шестидесятых годов,— до тех пор они оставались в экономическом отношении чуждыми друг другу и составляли каждая сама по себе замкнутое целое, с особыми экономическими интересами.

«С тех пор как в обеих странах началось в более широких размерах фабричное производство, с тех пор как натуральное хозяйство уступило место денежному, с тех пор как промышленность стала решающим фактором в общественной жизни обеих стран, — с тех пор все более исчезает обособленность их материального существования. Обмен и разделение труда связыва г

Россию и Польшу тысячью нитей и разнообразные экономические интересы так переплетаются между собой, что польское и русское народное хозяйство представляют в настоящее время лишь один производственный механизм» [1]).

Само собой разумеется, Р. Люксембург не было дано предугадать последствий империалистической войны, но последние нисколько не опорочивают ее выводов, сделанных на основании анализа почти столетней экономической истории Польши.

Не ограничиваясь изданием своего научного труда, Р. Люксембург на страницах «Neue Zeit» поместила ряд ярких и боевых статей о «социальном патриотизме в Польше», имевших громадное практически-агитационное значение; в них она блестяще развивала и обосновывала социал-демократическую программу для Польши и ядовито высмеивала патриотические ламентации своих противников.

Так, например, воспользовавшись довольно частыми жалобами революционной печати П.П.С., что «дворянство, духовенство и буржуазия чувствуют себя прекрасно в «собачьей конуре» и начинают изменять знамени восстания, Р. Люксембург указывала, что такое отношение крупной буржуазии к данному вопросу «является верным зеркалом, отражающим интересы капитализма в данной стране» и ярко разоблачала всю утопичность программы П.П.С.

«Восстановление Польши силами пролетариата, заявляла она, является задачей, труднее которой не выпадало еще на долю ни одного пролетариата в мире. В данном случае дело идет не о каком-либо конкретном политическом достижении, вроде, например, конституции в России или всеобщего избирательного права в Австрии, которые не только не противоречат капиталистическому

---

[1]) Р. Люксембург, Промышл. развитие Польши стр. 98.

развитию этих стран, но, наоборот, являются следствием его. Нет, социал-патриоты требуют от нашего пролетариата, чтобы он разгрыз гораздо более твердый орех: до сих пор все новые государства создавались имущими классами для их же собственной выгоды, причем рабочий класс использовался ими, как бессознательное орудие для достижения их собственных классовых целей; теперь же предполагается вызвать к жизни классовое буржуазное государство и задача эта взваливается на плечи самого пролетариата.

«И мало того, последнему предлагают пересадить свою или вернее свои три буржуазии, отбивающиеся от этого и ногами и руками... Что-бы при наличности таких условий добиться независимости Польши, пролетариат должен не только сломить мощь трех сильнейших правительств Европы, но и быть достаточно сильным, чтобы преодолеть самые насущные жизненные и материальные интересы собственной буржуазии. Иными словами, не взирая на свое положение порабощенного класса, он должен занять место класса правящего и свое господство употребить на то, чтобы созданием нового классового государства сознательно выковать новое орудие для своего дальнейшего порабощения. При одной лишь формулировке подобного задания сама собой зарождается мысль: если польский пролетариат достаточно силен для восстановления Польши..., то несомненно у него должно хватить сил и для осуществления социального переворота, ибо в последнем случае ему возможно воспользоваться экономическим развитием страны, тогда как в первом его надо сломать» [1]).

В другой статье, воспользовавшись аргументацией социал-патриотов, что польский пролетариат должен поднять знамя независимости, брошенное польской буржуазией, подобно тому, как пролетариат западно-евро-

[1]) „Neue Zeit“ 1895—96, т. II, стр. 180—181.

пейский подхватывает демократические лозунги, которым изменила буржуазия, Р. Люксембург вполне правильно указывала, что в данном случае мы имеем дело с чисто внешним параллелизмом, от которого не останется и следа, если как следует проанализировать указанные факты.

«Пролетариат и буржуазия, говорит Р. Люксембург, являются, хотя и враждующими братьями, но детьми одной и той-же социальной формации — порождением капитализма. Этот последний в себе самом носит известную сумму политическо-демократических тенденций, которые и стремится воплотить в жизнь. Сперва носительницей этих тенденций является буржуазия, выступающая до известной степени представительницей всего народа, но с момента, когда классовые противоречия достаточно созрели, чтобы выдвинуть на политическую авансцену пролетариат, буржуазия начинает быстро терять один за другим свои демократические идеалы.

«Если пролетариат в это время усвоит себе эти идеалы, то он лишь явится политическим наследником буржуазии и носителем тенденций того же самого капиталистического развития» [1]).

Что же касается польской независимости, то «буржуазия,—утверждает Р. Люксембург,—собственно говоря, никогда ей и не изменяла, так как она никогда и не являлась ее идеалом. Она была идеалом докапиталистического дворянского, натурально-хозяйственного периода. Таким образом унаследовать пролетариату означенную программу, если провести точную параллель, равносильно пожеланию, чтобы западно-европейский пролетариат усвоил себе, напр., стремление к свободе феодального, докапиталистического периода» [2]).

Продолжая еще дальше свой анализ выставляемого

---

[1]) „Neue Zeit“ 1895—96, II, стр 468—469.
[2]) Ibid., стр. 469.

социал-патриотами лозунга, Р. Люксембург приходила к выводу, что польский пролетариат, который должен обеими ногами прочно стоять на основах капиталистического развития страны, не должен включать в свою программу требования независимости Польши, которое по своему социальному характеру может стать лишь лозунгом реакционной польской мелкой буржуазии. Вопреки утверждению теоретиков П. П. С., будто бы польский пролетариат, включив требование независимости в свою программу, тем самым привлечет на свою сторону все мелкобуржуазные элементы страны, Р. Люксембург утверждала, что, несмотря на слабость и ничтожность этих элементов, пролетариату фактически придется стать на их почву.

Формулируя выводы своих полемических статей, направленных против П. П. С., Р Люксембург заявляла, что национальные стремления в Польше не должны играть сколько-нибудь значительной роли в политике пролетариата; будучи связаны единым капиталистическим механизмом, польский и русский пролетариат тем самым становятся *единым* рабочим классом, ближайшей общей задачей которого является низвержение царизма. Борясь за достижение политической свободы в России, польский пролетариат тем самым будет бороться и притом единственным верным способом за реальные интересы польской национальности.

Эти выступления Розы Люксембург на страницах «Neue Zeit» против польского социал-патриотизма способствовали тому, что в Польше, благодаря ее своеобразным политическим условиям, на двадцать лет раньше, чем в остальной Европе, было проложено размежевание интернационалистического течения в рабочем движении от оппортунистического, расколовшее его на два враждебных лагеря.

В течение трех лет пришлось Р. Люксембург почти целиком на своих плечах выносить эту борьбу с П. П. С.

Ее энергии не ослабило и то обстоятельство, что защищаемое ею течение в самой Польше в 1895 году подверглось ужасным провалам, почти совершенно уничтожившим рабочую организацию.

Борьба же эта была не из легких, так как польских социал-патриотов во главе с Дашинским поддерживал в то время, плохо разбираясь в польских делах, центральный комитет германской с.-демократической партии, являвшийся в то время руководящей силой Интернационала и даже такие крупные теоретики международной с.-демократии, каким являлся в то время К. Каутский.

И тем не менее Розе Люксембург удалось добиться своего торжества — признания равноправности за защищаемым ею течением.

Уже через три года после начала этой ожесточенной борьбы Лондонский международный социалистический конгресс стал на ее сторону и признал ее мандат. Центральный комитет германской с.-демократической партии также целиком разделил ее позицию после первых же выступлений Р. Люксембург на страницах «Neue Zeit». И только разгром с.-демократических организаций в самой Польше помешал полному торжеству нового направления.

Наконец, в 1900 году на Парижском международном социалистическом конгрессе, когда с.-демократическое движение в Царстве Польском снова оживилось и ему снова удалось отколоть от П. П. С. и привлечь на свою сторону значительную часть организованных польских рабочих, социал-демократия Польши была оффициально признана равноправной организацией наряду с П. П. С.

В этой борьбе, закалившей ее силы и создавшей ей репутацию крупного теоретика не только среди польских социалистов, но и среди международной с.-демократии, Роза Люксембург сама значительно выросла.

Прежний круг ее деятельности — интересы польского социалистического движения—становится для нее тесен.

И она сама и ее ближайшие друзья и сподвижники почувствовали, что ей необходимо выйти на широкий простор и приложить свои силы для работы в более крупном масштабе.

С польским социалистическим движением Р. Люксембург совершенно, однако, не порвала, сохранив по отношению к нему живой и активный интерес и вплоть до 1912 года она продолжала поддерживать польских товарищей постоянным литературным сотрудничеством в их рабочей печати и даже вплоть до последних своих дней оказывала им помощь даже из тюрьмы, а ее квартира, где бы ни находилась Роза, всегда служила центром.

Во время же ее пребывания в Берлине, где она поселилась в предместьи Фриденау, туда направлялись все партийные работники, приезжавшие из Варшавы часто исключительно за тем, чтобы посоветоваться с Р. Люксембург о всех вновь возникавших вопросах рабочего движения. Там же всегда можно было застать и другого члена цюрихского кружка—Л. Иогихес, в руках которого сходились все нити, связывавшие подпольную работу в Польше с работой для дела партии в эмиграции.

4. В рядах германской социал-демократии.

Как только-что было указано выше, закончив в 1896 году наиболее трудную часть борьбы за победу марксизма в Польше, а именно его теоретическое обоснование в специальном исследовании и в ряде статей на страницах «Neue Zeit», того самого журнала, который в свое время служил для нее путеводной звездой при выработке основ будущего миросозерцания, Роза Люксембург сама почувствовала, что она перерастает узкие рамки польского революционного движения и что ей необходимо выйти на широкий простор. С этой целью она решила большую часть своих сил посвятить новым задачам, вступив в ряды германской рабочей партии.

При этом и сама Р. Люксембург и ее ближайшие сподвижники считали, что этим шагом она сможет принести еще большую поддержку польскому рабочему движению. Для работы в рядах германской социал-демократии Р. Люксембург предстояло перебраться в Германию, а для осуществления последнего ей предварительно необходимо было, во-первых, стать германской подданной, так как иначе нельзя было вести там социал-демократическую пропаганду; во-вторых, по общему мнению всех сподвижников Розы Л., для приобретения ею какого-нибудь влияния в социал-демократической партии

Германии ей необходимо было получить научную степень. И вот Роза Л. начинает прилежно посещать университет; в качестве диссертации ей сослужила службу ее работа о «Развитии польской промышленности»; она работает в семинариях, резко выделяясь на общем фоне тогдашнего студенчества не только солидными знаниями, но и блестящей диалектикой, позволявшей ей во время частых споров с тогдашним профессором политической экономии Ю. Вольфом, разбивать последнего на голову. 1-го мая 1897 года Р. Люксембург, наконец, блестяще сдала экзамен на доктора прав и должна была по справедливости получить высшее отличие, но косность состава цюрихской профессуры помешала этому. Высокое собрание факультетских жрецов науки решило, что это уже будет слишком большой честью для женщины и ограничилось выдачей только диплома.

Полученное Р. Люксембург ученое звание давало уже ей возможность существования в Германии. Для того же, чтобы стать германской подданной, ей пришлось проделать следующее. По действовавшему законодательству права гражданства приобретались женщиной иностранкой при выходе замуж за германского подданного.

Так как этот способ был самый легкий, требовавший меньше всего формальностей, Р. Люксембург, не долго раздумывая, решила вступить в фиктивный брак с одним из многочисленных сыновей ее старого приятеля К. Любек; тем самым она вступала в германское подданство, а затем брак был немедленно нарушен, и Р. Люксембург поспешила уехать в Германию навстречу работе в новых для нее условиях.

Она начала энергично работать сперва среди польских рабочих в Познани и Силезии, в особенности проявив себя в предвыборной агитации во время выборов в рейхстаг в 1898 г.

В то же время она сотрудничала в немецких социал-демократических газетах и продолжала участвовать в

научном органе партии, занимаясь разработкой проблем социализма.

По окончании выборной кампании, Р. Люксембург уходит целиком в теоретическую работу. На страницах «Лейпцигер Фольксцейтунг» в 1898 и 1899 гг. она опубликовала ряд статей, под общим заглавием «Социальная реформа или революция», являвшихся своего рода защитой всей прежней революционной тактики германской социал-демократии от попыток Э. Бернштейна, выпустившего в 1898 г. свои «Проблемы социализма», в которых он стремился подкопаться под них и заменить революционный марксизм буржуазным ревизионизмом.

Сущность теории Бернштейна, в двух словах, сводится к следующему: критикуя многие из положений марксизма, он отрицательно относился к выдвинутой К. Марксом концентрации капитала, указывая на устойчивость средних производств в буржуазном обществе и таким образом оспаривал историческую необходимость замены капиталистического способа производства—социалистическим. К вопросу о диктатуре пролетариата он относился, как к утопии, выдвигая в противовес ей систему социальных реформ.

Бернштейн указывал также, что капитализм в процессе своего развития постепенно приспособляется к общественным условиям, посредством картелей, организации кредита, усовершенствования средств сообщения, улучшения положения рабочего класса и предлагал, отбросив надежды на социальную революцию, вводить социализм путем социальных реформ.

Влияние, оказанное этой книжкой Э. Бернштейна на всю германскую социал-демократическую партию, было довольно значительно. В прочном до тех пор здании германской партии появилась трещина, заколебался сам Центральный Комитет и необходимо было вновь разъяснить и подкрепить новыми доводами оспариваемую тактическую линию партии.

Р. Люксембург ревностно выполнила эту задачу и сразу же завоевала себе место признанного вождя революционного течения.

Подвергнув анализу основное возражение Э. Бернштейна против теории Маркса, она доказала, что его ссылка на картели, кредит и прочие способы приспособления капитализма представляют из себя лишь определенную фазу капиталистического развития, а в конечном итоге они должны еще более увеличивать анархию капиталистического производства.

Детально разобрав далее ссылку Э. Бернштейна и его сподвижника Конрада Шмита на то, что профессиональная и политическая борьба за осуществление социальных реформ ведут к усиливающемуся контролю общества над условиями производства, Р. Люксембург на ряде примеров разоблачала, что этот злополучный «общественный контроль знаменует собой лишь охрану производства, нормирует его, вносит известный порядок в систему эксплоатации труда капиталом, но никоим образом не посягает на ограничение прав капиталистической собственности и не является вмешательством во власть капитала. Критикуя теорию Бернштейна о возможности постепенного введения социализма «по кусочкам», путем постепенного реформирования в сторону социализма капиталистической собственности и капиталистического государства, она категорически отвергала подобную возможность, указывая как капиталистическое государство, так равным образом и капиталистическая собственность, в силу объективных условий жизни современного общества, эволюционируют как раз в противоположном направлении.

«Производственные отношения капиталистического общества, утверждала она, все более приближаются к социалистическому, но зато его политические и правовые отношения воздвигают все более высокую стену между капитализмом и социалистическим обществом. Но социаль-

ные реформы и развитие демократии не пробьют бреши в этой стене, а, наоборот, сделают эту стену еще выше и крепче. Только удар молота революции, т.-е. захват политической власти пролетариатом может разрушить эту стену» [1]).

Надежду же бернштейнианцев на приход социализма путем парламентских побед, Р. Люксембург зло высмеивала, ссылаясь на авторитет основоположников марксизма:

«Самая необходимость захвата пролетариатом политической власти всегда оставалась вне сомнений как для Маркса, так и для Энгельса. Остается поэтому привилегия Бернштейна считать курятник буржуазного парламентаризма органом, призванным произвести самый мощный всемирно-исторический переворот—переход общества из капиталистической в социалистическую форму» [2]).

Наряду с этой теоретической борьбой с ревизионизмом Р. Люксембург в это время, по поручению партии, редактировала некоторое время дрезденский партийный орган «Dresdener Volkszeitung», редактор которого Парвус был только-что выслан саксонским правительством.

Но Р. Люксембург также не пришлось долго засидеться на редакторском кресле, так как ее постигла та же участь, что и Парвуса.

Некоторое время Р. Люксембург продолжала еще сотрудничать в «Лейпцигер Фольксцейтунг», редактором которой был выдающийся тогда немецкий журналист Шенланк, оказавший на развитие публицистических талантов Р. Люксембург значительное влияние. Одно время после его смерти Р. Люксембург даже редактировала этот орган, но затем она в качестве свободной

[1]) Р. Люксембург, Социальная реформа или революция, стр. 45.

[2]) Ibid., стр. 71.

писательницы перекочевала в Берлин, чтобы иметь возможность более основательно заняться полемикой с поднимавшим голову ревизионизмом.

Эту работу она осуществляла рука об руку с виднейшим представителем русской с.-демократии Г. В. Плехановым; оба они занимали крайнюю левую позицию, настаивая на исключении Бернштейна из рядов с.-демократической партии, причем Р. Люксембург убедительно доказывала, что Э. Бернштейн своими последними трудами сам поставил себя вне партии, отвергнув основные теоретические положения программы последней.

Р. Люксембург в это время становится ближайшим и деятельным сотрудником «Neue Zeit», «Vorvärts», «Leipziger Volkszeitung», вокруг которых группировались сторонники ортодоксального марксизма. Ближайшими ее соратниками в самой Германии в это время являлись К. Каутский, А. Бебель, Франц Меринг, Либкнехт и К. Цеткин, причем главным застрельщиком в ожесточеннейшей борьбе с германским оппортунизмом продолжала оставаться Р. Люксембург.

Помимо печати, она энергично проводила эту борьбу и во время своих агитационных поездок, избирая для своих выступлений как раз те районы Германии, где оппортунистическое течение было наиболее сильно. Она продолжала эту борьбу и на партийных съездах, а равно и на международных социалистических конгрессах, смело бросаясь в бой при всякой попытке затушевать определенность и ясность классовой политики с.-демократии или же ограничиться одними общими громкими фразами.

Так, например, когда на Майнцком партайтаге в 1900 г. обсуждался вопрос о «мировой политике» и докладчиком вместо умершего В. Либкнехта выступил П. Зингер, произнесший боевую речь против империализма, а партейтаг единогласно принял резолюцию, осуждавшую «жадность буржуазии к наживе» и шовинистические стремления к созданию «великой Германии»

(это было вскоре после захвата Германией Киао-Чау в Китае и во время англо-бурской войны), Р. Люксембург страстно призывала товарищей по партии не ограничиваться одной словесной верностью заветам Интернационала, но подтвердить эту верность и на деле.

«Мы во время мира, говорила она, каждый день гремим против иностранной политики правительства; мы проклинаем милитаризм в мирное время; но когда дело доходит до подлинной войны, мы забываем сделать практический вывод из всего этого и показать, что наша долголетняя агитация дала какие-нибудь плоды».

Уже тогда, как бы предвидя дальнейшее развитие империализма и связанные с ним опасности для пролетариата, она предостерегала партию от каких бы то ни было уступок «оффициальному, или неоффициальному шовинизму, ибо это было бы по-истине фатальным для нашего движения».

Эта полоса деятельности Р. Люксембург—ее неустанная борьба с ревизионизмом была завершена ею на Амстердамском международном социалистическом конгрессе, где представителям ревизионистских течений был дан решительный бой, закончившийся полной победой революционного крыла с.-демократии; более подробно мы остановимся на этом эпизоде ниже, когда перейдем к описанию деятельности Р. Люксембург на международной арене.

Как только в России стала подниматься волна революционного движения, Р. Люксембург, всегда зорко присматривавшаяся к судьбам рабочего движения на ее родине, была одной из первых, кто начал агитировать в Германии за усвоение революционной тактики русского рабочего движения.

На Иенском партейтаге, происходившем во второй половине 1905 г., т.-е. еще перед решительными схватками русского пролетариата с царизмом, она, выступая ярой защитницей тактики русского рабочего класса, до-

билась принятия и германской с.-демократией этого нового средства борьбы—массовых революционных выступлений, как вполне пригодного оружия в политической борьбе, «как средства классовой борьбы для завоевания элементарнейших свобод современного конституционного государства» [1]).

Надо при этом знать, что до Иенского партейтага, в течение всей предыдущей истории германской с.-демократии, воспитанной 25-ти летней парламентской деятельностью и созданием мощных пролетарских организаций, идея всеобщей забастовки неизменно встречала к себе отрицательное и даже насмешливое отношение; немецкие с.-демократы обыкновенно даже гордились своим пренебрежительным отношением к этому средству борьбы, противопоставляя свою трезвость и основательность легкомыслию и беспочвенности французов и итальянцев.

1905—06 годы, годы русской революции, которая на время приковала к себе целиком все внимание Красной Розы, оторвали ее от непосредственной работы в рядах германской с.-демократии, но только на время.

Как только Р. Люксембург сумела вырваться из цепких лап русских жандармов, она спешит снова в Германию, чтобы вернуться к прерванной работе, принять участие в Мангеймском партейтаге и, что еще важнее, чтобы использовать уроки русской революции для всей последующей борьбы германского пролетариата. Русская революция оказала на нее прямо огромное влияние, заставив на многое взглянуть по-новому и пересмотреть многие из установившихся партийных традиций. После того, как ей самой пришлось принять живое и активное участие в бурно развертывавшихся событиях 1905—906 гг. на улицах Варшавы, захватывавших своим драматизмом и революционными перспективами, мирная обстановка герман-

---

[1]) Темы дня. Сборник. Р. Люксембург. Немецкий рабочий класс и русская революция, стр. 75.

ского с.-демократического движения, с его спокойной парламентской борьбой, лишь изредка прерываемой шуршанием избирательных бюллетеней, с его выступлениями, подчиненными определенным параграфам устава, были не в состоянии больше удовлетворять революционные порывы Красной Розы, которая видела там у себя на родине иные настроения пролетарских масс, наблюдала грандиозные их выступления, полные самопожертвования десятков тысяч пролетариев ради достижения поставленной цели. Поэтому, со свойственной ее натуре страстностью, Р. Люксембург стремится создать такое же активно-революционное настроение и среди германского пролетариата.

С каким-то особенным энтузиазмом, работая сама еще в Варшаве, она приветствовала выступление гамбургских рабочих, которые в январе 1906 г. устроили полудневную демонстративную всеобщую забастовку, направленную к защите избирательного права рабочих масс.

«Только бы на этом не успокоилось! Наверное отцы [1]) уже принялись тушить...», писала она К. Каутскому, как только до нее донеслись известия о гамбургской забастовке.

К вопросу о всеобщей стачке, как новому средству классовой борьбы пролетариата, Р. Люксембург пришлось вернуться тотчас же после возвращения в Германию из России.

По поручению гамбургской с.-демократической организации она написала специальную работу: «Всеобщая стачка и немецкая социал-демократия», в которой, давая в сжатых чертах обрисовку истории развития массовой стачки в России, она определяла ее не как «хитроумное средство, выдуманное для усиления пролетарской борьбы»,

[1]) Так Р. Люксембург называла членов Ц. К. Германской с.-д. партии.

а как «способ движения пролетарских масс, как внешнюю форму пролетарской борьбы в момент революции» [1]) и старалась доказать, что как ни различаются между собой социально-политические отношения, история и современное положение рабочего движения обеих стран, защищаемый ею новый метод пролетарской борьбы так же приложим к Германии и любой из западно-европейских стран с развитым рабочим движением, как и к России. Он только не должен быть искусственным теоретическим построением, а должен вытекать естественным путем из глубокого политического брожения и настроений решительной политической борьбы городского пролетариата.

И тогда, по ее утверждению «взаимодействие между экономической и политической борьбой, которое является внутренней пружиной современных массовых стачек в России и в то же время регулирующим механизмом революционных действий пролетариата, так же естественно вылилось бы и в Германии из самих обстоятельств» [2]).

К моменту издания этого труда Р. Люксембург, среди деятелей германского рабочего движения, с одной стороны, между Центральным Комитетом германской с.-демократии, а с другой—Центральным Правлением Профессиональных Союзов—выявилось по вопросу об отношении к всеобщей стачке серьезное расхождение.

Центральный комитет с.-демократической партии, пытавшийся сперва столковаться по этому вопросу с вождями профессиональных союзов на тайной конференции, а затем вынужденный опубликовать протоколы этого тайного совещания, должен был выдержать целый поход против себя, как вожаков профессионального движения, так и представителей ревизионистского крыла партии, которое хотело воспользоваться уклончивой позицией централь-

[1]) Р. Люксембург, Всеобщая стачка и немецкая с.-демократия, стр. 35.

[2]) Р. Люксембург, Всеобщая стачка и немецкая с.-демократия, стр. 53.

ного комитета, чтобы привлечь на свою сторону симпатии рабочих масс.

Поэтому Р. Люксембург заключительные главы своего труда сочла нужным посвятить вопросу о взаимодействии и взаимоотношениях политических и профессиональных организаций пролетариата.

Отвергая точку зрения русской с.-демократии, стоявшей в этом вопросе на платформе нейтрализации профессиональных союзов, она в противовес ей выдвигала для Германии создание «компактного единства рабочего движения, единства безусловно необходимого как для грядущей политической классовой борьбы, так и в собственных интересах дальнейшего развития профессионального движения» [1]). Достигнуть этого она считала единственно возможным, лишь «вновь связав профессиональные союзы с с.-демократией».

Указывая на ненормальное положение, которое создалось благодаря «нейтральности» профессиональных союзов в рядах немецкого рабочего движения, на искусственную отчужденность союзов от с.-демократии, на громадные трудности, которые эта двойственность готовит всякой попытке крупного массового выступления пролетариата в Германии, Р. Люксембург предостерегала и с.-демократию других стран, в том числе и русскую, от увлечения исключительно одной мощностью немецких профессиональных союзов.

Являясь сама ярой защитницей новой тактики массовых выступлений, дающей возможность пролетариату уверенно вести свою освободительную борьбу, Р. Люксембург правильно отмечала, что в ней «как в фокусе перекрещиваются все спорные вопросы рабочего движения в Германии: вопрос о парламентаризме и непосредственной роли масс, о политической и экономической

[1]) Р. Люксембург, Всеобщая забастовка и немецкая с.-демократия, стр. 82.

борьбе пролетариата, о значении и роли организации, о планомерности и стихийности рабочего движения, о мирной тактике и о столкновении с вооруженной силой господствующих классов, о медленном «врастании» в с.-демократический строй и о революционных «скачках» в развитии классовой борьбы» [1].

На Мангеймском партейтаге германской с.-демократической партии, происходившем в сентябре 1906 г., Розе Люксембург и остальным левым с.-демократам пришлось по вопросу о всеобщей стачке остаться в меньшинстве. Оппортунистическое течение, поддержанное, главным образом, лидерами профессионального движения, решительно высказалось против применения русского метода борьбы в германских условиях. И большинство с.-демократической партии вынуждено было сделать им целый ряд существенных уступок, которые почти совершенно свели на нет принципиальное признание всеобщей стачки, как нового могучего средства пролетарской борьбы.

На этом партейтаге против позиции Р. Люксембург выступил и А. Бебель, занявший вскоре промежуточную позицию; в рядах германской с.-демократии уже на этом партейтаге наметилось три течения: определенно оппортунистическое, открещивающееся от революционной тактики рабочего движения, центр, который практически солидаризируется с оппортунизмом и левое крыло, одним из главных вождей коего была Р. Люксембург, которое вскоре уже принуждено было встать в открытую оппозицию политике центрального комитета партии.

Но пока что, она продолжала самоотверженно работать в рядах партии, считая этот уклон Мангеймского партейтага чисто случайным и временным и продолжая упорную борьбу с оппортунизмом.

---

[1]) Р. Люксембург, Всеобщая стачка и немецкая с.-демократия, стр. IX.

Моментами левому течению действительно удавалось заставлять всю партию принимать выдвигаемые им лозунги.

Так, например, когда в 1907 г. во время новых выборов в рейхстаг немецкий пролетариат должен был потерпеть кажущееся поражение, так как против него сгрудились в одну враждебную массу и реакционные юнкера и представители либеральной буржуазии, перепуганные необычайным ростом с.-демократии в стране, Р. Люксембург и ее сторонники постарались использовать эту изоляцию пролетариата, чтобы как можно ярче и сильнее подчеркнуть перед рабочими массами Германии, каким ненадежным союзником является буржуазный либерализм. И им удалось добиться того, что вся германская с.-демократия в целом, казалось, ясно осознала, что ради либерализма не следует отступать ни на одну иоту от своей принципиальной пролетарской программы.

«Если буржуазный либерализм, заявляла во время этой кампании Р. Люксембург на страницах центрального органа с.-д. партии «Vorwärts», внутренне настолько прогнил, что всякий более энергичный жест пролетарской классовой борьбы бросает его прямо в объятия реакции,—то туда ему и дорога. Мы можем жаловаться на такой результат исторического развития буржуазии, но мы не можем ни остановить, ни повернуть назад этого процесса тем, что принесем в жертву свое историческое развитие.

«Измена либерализма на последних выборах должна послужить нам уроком, что в настоящее время больше, чем когда бы то ни было пролетариат может расчитывать только на свои собственные силы, как в борьбе за осуществление своих ближайших классовых требований, так и в случае противодействия реакционным покушениям на основы демократии» [1]).

[1]) „Vorwärts“ 1907 г., № 136.

Правда, это торжество левого крыла партии было довольно сомнительным, так как и на этот раз дело ограничилось только громкой резолюцией, практическая же деятельность партии продолжала катиться по старым, давным давно проложенным, рельсам.

На это несоответствие между громкими резолюциями и будничной практической деятельностью Р. Люксембург пришлось очень скоро обратить все свое внимание, так как для нее в данном случае вопрос шел ни больше, ни меньше как о гибели того дела, которому она так беззаветно отдавала всю себя.

5. Первые выступления Р. Люксембург на международной арене.

Уже в самом начале XX столетия для Р. Люксембург начинают становиться тесными и рамки работы среди германского пролетариата.

Как раз приближалось время, когда вопросы с.-демократической тактики стали злободневными для всей Западной Европы. Во Франции во весь рост был поставлен вопрос о допустимости участия социалистов в буржуазном правительстве.

В 1900 году Мильеран занял пост министра в кабинете Вальдек-Руссо, поступив на службу к буржуазии. Позицию Мильерана во Франции энергично защищал сам Жорес, являвшийся одним из виднейших международных социалистических публицистов и в Германии эту же точку зрения отстаивал с.-д. Фольмар на страницах журнала «Социалистише Монатсгефте».

Этим самым вопрос о министериализме, т.-е. об участии с.-демократов в буржуазных министерствах был поставлен в интернациональном масштабе, и Розе Люксембург пришлось выступить в борьбе с этим оппортунистическим течением сразу против французских и немецких теоретиков ревизионизма.

Эту борьбу она начала на страницах «Neue Zeit» и «Leipziger Volkszeitung», поместив ряд статей, направлен-

ных против министериализма и сумела быстро и решительно расправиться с этим течением. Позднее эти статьи ее появились особым изданием под общим заглавием «Коалиционная политика или классовая борьба».

Диалектически развитый ум Розы и ее полемический талант сказались в этой борьбе во всей силе.

Надо при этом иметь в виду, что вопрос этот всплыл совершенно неожиданно и Р. Люксембург приходилось поэтому самостоятельно пробираться в лабиринте переплетающихся противоречивых положений и отношений к нему среди выдающихся представителей европейского социализма.

Даже сам Каутский, бывший в то время непререкаемым авторитетом для Р. Люксембург, чувствовал себя не вполне уверенно в этом вопросе и на Парижском социалистическом конгрессе предложил резолюцию, которая, хотя и считала вхождение социалистов в буржуазное министерство опасным экспериментом, все же допускала случаи, когда такое вхождение пролетарских представителей считалось возможным.

Недостаток этой резолюции заключался в том, что эта оговорка была изложена в довольно общих выражениях, дававших повод оппортунистическому течению на них базироваться.

Р. Люксембург при разработке этих вопросов подошла к ним сначала робко и неуверенно. В своей первой статье она еще целиком стоит на точке зрения К. Каутского, как он ее выявил в резолюции Парижского международного конгресса. Но даже и в этой статье, наряду с принятием оговорок Каутского, она вполне правильно ставит и разрешает проблему власти, заявляя, что социалистическая партия может стать правящей партией лишь на развалинах буржуазного общества.

В последующих же статьях Р. Люксембург чувствует себя уже более уверенно и дает исчерпывающее обоснование марксистского отношения к данному вопросу.

Обосновывая свою резко отрицательную позицию против министериализма, Р. Люксембург следующим образом формулирует разницу между участием социалистов в законодательных органах и в правительстве буржуазного государства.

«В парламентах рабочие представители, если они не в состоянии добиться осуществления тех или иных своих требований, могут все же отстаивать их, по крайней мере тем, что продолжают оставаться в оппозиции. В правительстве же, задача которого состоит в том, чтобы проводить в жизнь законы, т.-е. действовать, нет места для принципиальной оппозиции; все члены его должны вместе непрерывно работать и должны иметь... принципиально-общую почву под ногами, дающую им возможность действовать, т.-е. почву существующего строя, почву буржуазного государства» [1]).

Для социалиста при этом в подавляющем большинстве случаев создается такое положение, что он или должен на каждом шагу составлять оппозицию большинству правительства, тормозя его деятельность, или же, выполняя изо дня в день очередную работу государственной машины, он должен тем самым порвать с социализмом.

Иллюстрацией этого выдвигаемого ею положения служил трехлетний опыт министериализма во Франции, который она и постаралась достаточно полно использовать в своих целях, стремясь доказать всю иллюзорность оппортунистических надежд этим путем добиться существенных завоеваний для пролетариата.

Наоборот, еще раз возвращаясь к противопоставлению законодательной и правительственной деятельности социалиста в рамках буржуазного общества, Р. Люксембург резко подчеркивает весь тот вред, который неизбежно будет приносить последняя:

---

[1]) Р. Люксембург, Коалиционная политика или классовая борьба, стр. 12.

«Когда представители с.-демократии в законодательных органах пытаются проводить социальные реформы, они имеют полную возможность вести одновременно борьбу против буржуазного законодательства и буржуазного правительства вообще... и придавать своей борьбе даже за буржуазные реформы принципиально социалистический характер, характер пролетарской классовой борьбы. Наоборот, социал-демократ, который *те же самые* социальные реформы проводит как член правительства, т.-е. одновременно стремится к поддержанию буржуазного государства в целом, сводит свой социализм, в лучшем случае, к буржуазной демократии или к буржуазной рабочей политике. Поэтому-то в то время как проникновение социал-демократов в народное представительство способствует усилению классовой борьбы, т.-е. помогает делу пролетариата, вступление их в правительство может иметь результатом лишь деморализацию и смуту в рядах социал-демократии» [1]).

Ядовито высмеивая ту кажущуюся опасность, яко бы угрожавшую французской республике, которую так энергично выдвигали Мильеран, Жорес и их сторонники, Р. Люксембург с удивительной остротой анализа и блеском изложения разоблачала всю пустоту и призрачность миссии, принятой на себя Мильераном.

«Реформы Мильерана, писала она, не только дают рабочему одной рукой иллюзии, но и отнимают у него другой рукой самые осязательные реальности» [2]).

Обнажив сущность «защиты» свободы страны и демократических завоеваний буржуазными партиями и выявив истинную природу радикального правительства, в котором принял участие Мильеран, Р. Люксембург приходила к выводу, что поддержка его частью французских социалистов во главе с Жоресом свелась на деле к преда-

[1]) Р. Люксембург, **Коалиционная политика или классовая борьба**, стр. 13.

[2]) **Там же**, стр. 64.

тельству интересов пролетариата и к беспринципной политике поддержания буржуазного министерства во что бы то ни стало.

«Участие Мильерана в министерстве, заявляла она, не только не открывает новой эры социальных реформ во Франции, но на самом деле означает прекращение борьбы пролетариата за социальные реформы раньше, чем она началась» [1]).

Предупреждая против скользкой почвы увлечения министериализмом, поскольку это успело выявиться во Франции, Р. Люксембург справедливо отмечала, что «если раньше буржуазный политический мир во Франции, при всей его ярости и ненависти, невольно чувствовал к социалистам уважение, то, после министерских экспериментов, панамисты преисполнены злорадного чувства: «совсем, как у нас».

Когда министериализм успел достаточно выявить свои отрицательные стороны и тем не менее Жорес продолжал его поддерживать, все еще на что-то надеясь, Р. Люксембург иронизировала над ним в одной из последних своих статей, находя, что его «мелодии действуют подобно старым добрым оперным ариям Верди, которые когда-то в солнечной Италии звучали в устах каждого веселого черноглазого сапожника-подмастерья сигналом народной весны, а теперь с надоедливой монотонностью шипят из мертвого механизма шарманки: времена прошли» [2]).

По адресу же всех защитников министериализма, упрямо не желавших видеть его отрицательных сторон, или же сознательно закрывавших глаза, Р. Люксембург бросала с сарказмом: «С той поры как Ньютон напал на свою теорию миров благодаря падению яблока, по-видимому, стало законом, что люди понимают самые про-

[1]) Там же, стр. 73.
[2]) Там же, стр. 108.

стые явления не раньше, чем гнилое яблоко ударит им в лоб».

Наконец, подводя итог трехлетнему периоду мильеранизма во Франции, Р. Люксембург заявляла, что считает его «столь же важной вехой в истории международного рабочего движения, как в другом смысле—десять недель Парижской Коммуны 1871 г.», т.-е., что подобно тому как Парижская Коммуна открыла собой эру пролетарской революции, так и мильеранизм послужит началом целой эпохи соглашательства оппортунистически настроенных вождей с.-демократии. В этом она оказалась безусловно права и труд, затраченный ею на разработку этих запутанных вопросов, не пропал даром для международного пролетариата, помогая ему ориентироваться в сложной игре политических проблем.

Внося ряд конкретных поправок в резолюцию Парижского Международного Конгресса, Р. Люксембург, все же признавала, что могут быть случаи, допускающие и даже принуждающие представителей рабочего класса принять участие во власти в рамках буржуазного общества.

«Представители пролетариата, говорит она в предисловии к своей работе «Коалиционная политика или классовая борьба», лишь при одном условии могут вступать в буржуазное правительство, не изменяя своему долгу, а именно если они вступают в такое правительство с целью овладеть им и превратить его в правительство господствующего рабочего класса» [1]).

Но, не ограничиваясь этим специфическим случаем участия с.-демократов в правительстве с целью захвата власти, она признает, что и в ряде других случаев, когда этого требуют интересы пролетариата, такое участие допустимо.

«Нет сомнения, говорит она, что в процессе развития

---

[1]) Р. Люксембург, Коалиц. политика или классов. борьба, стр. 14.

или вернее упадка капиталистического общества могут наступать моменты, когда окончательное овладение властью для представителей пролетариата еще невозможно, но участие их в буржуазном правительстве оказывается необходимым; это бывает тогда, когда на карте стоит свобода страны или демократические завоевания, вроде республики, а буржуазное правительство настолько уже скомпрометировано и дезорганизовано, что не в состоянии без поддержки представителей пролетариата вести за собой народ. В подобном случае представители трудового народа, само собой разумеется, не должны отказываться от защиты общего дела в угоду абстрактным принципам. Но и в этом последнем случае участие с.-демократов в правительстве должно носить такую форму, которая не вводила бы ни буржуазию, ни народ в малейшее заблуждение относительно преходящего характера и конечной цели их поведения» [1]).

Эти статьи Р. Люксембург, хотя они писались, имея в виду определенную злобу дня, но так как в них ярко и глубоко вскрываются тенденции оппортунистического уклона, таящегося в подобных соглашениях, сохраняют свой интерес и до сих пор для всякого, кто хочет проследить эволюцию социалистических партий в этом вопросе и изучить подводные камни этой позиции у самого ее основания.

Р. Люксембург могла торжествовать по поводу блестящих результатов своей деятельности. Но она была далека от того, чтобы считать эту борьбу законченной.

В письме к К. Каутскому, уже из тюрьмы в Цвикау, она пишет:

«Я много думала об Амстердаме, общем положении международного рабочего движения и перспективах нашего марксизма в Интернационале... Мораль для меня одна:

[1]) Р. Люксембург, Коалиц. политика или классов. борьба, стр. 14.

мы должны чрезвычайно много сделать, и в первую очередь нам ужасно много придется учиться; я имею в виду изучение движения в различных странах. У меня такое чувство, что мы уже одним лишь познанием движения в других странах приобретаем превосходство и влияние и, с другой стороны, я чувствую, что мы уже одним сближением с Интернационалом все усиливаем нашу позицию внутри немецкого движения».

Будучи не в состоянии, сидя в тюрьме, сама лично принять участие в продолжении этой борьбы, она энергично уговаривает К. Каутского дать отпор представителям оппортунизма в Бремене, где они собирались взять реванш за Амстердам.

«Теперешняя драка, пишет она К. Каутскому, месяц спустя после Амстердамского конгресса, это не вынужденная схватка в серой атмосфере безучастия, каких тебе пришлось пережить так много в последние годы: теперь интерес массы опять оживился, я это чувствую сквозь стены» [1]).

Она убеждает К. Каутского не смущаться одиночеством в этой предстоящей схватке и негодует, что остальные соратники левого крыла А. Бебель, П. Зингер и др. могут в такую минуту спокойно наслаждаться отдыхом, не желая готовиться к борьбе.

«Чтобы гром вверг их на семь саженей под землю, если они могут быть элегически настроены после такого конгресса, между двумя битвами, когда так радуешься жизни!» [2]).

Р. Люксембург не могла не чувствовать, что, несмотря на формальное поражение на Амстердамском конгрессе, оппортунизм успел пустить глубокие корни среди входящих в Интернационал социалистических партий и с ним предстоит еще много борьбы впереди.

---

[1]) Р. Люксембург, Письма к Каутским, стр. 73.
[2]) Ibid., стр. 73.

6. Участие в польском революционном движении 1905 — 1906 гг.

Когда в 1905 — 06 гг. разразилась русская революция и в смертельной схватке с русским царизмом польский пролетариат оказался надежным авангардом, подтвердив на практике все теоретические выводы Р. Люксембург, последняя не могла остаться далекой зрительницей развертывавшейся титанической борьбы.

Тщетно товарищи по партии заявляли ей, что революционному движению польского пролетариата прежде всего необходима ее научная работа и что в России они не смогут создать ей подходящих условий для этой работы.

Все эти доводы не смогли убедить Розу. Ее революционное чувство продолжало настойчиво толкать ее в самый огонь революционной схватки, и, вопреки усиленным протестам своих друзей, в декабре 1905 г. она неожиданно покинула Берлин и с берлинским паспортом на имя г-жи Матшке появилась в Варшаве.

В то время Р. Люксембург уже несла ответственную работу в германской с.-демократической партии: она работала в редакции «Vorwärts» («Вперед»), состояла членом международного бюро, делегированная туда от польской с.-демократической партии; наконец, ее в это время свя-

зывала близкая дружба с К. Каутским, под руководством которого она продолжала работать, беря на себя разработку самых ответственных программных и тактических вопросов международного и социал-демократического движения. Р. Люксембург и сама отлично понимала, что она многим рискует, решаясь ехать в Варшаву в самый разгар революционной борьбы, что ей, пользовавшейся уже известностью в Западной Европе, трудно, даже почти невозможно, будет сохранить свое инкогнито, а в случае провала ожидает неизбежно суровая расправа.

Но точно какая-то неведомая сила толкала ее порвать с мирной обстановкой работы в бюргерской Германии, чтобы окунуться с головой в хаос революционной Польши; точно для духовных сил Розы необходимо было еще более закалиться в огне революции; точно теоретику революционного марксизма необходимо было на опыте революционной борьбы самолично проверить свои собственные теоретические выкладки.

Как боевая лошадь, заслышав призывный сигнал, не ожидая понукания всадника, рвется сама вперед, не останавливаясь перед рвущимися снарядами—точно так же, помчалась Роза в Россию навстречу неведомому будущему, бросив на произвол судьбы всю свою налаженную работу и своих друзей, отпускавших ее с тяжелым сердцем.

Но сама она, раз решившись на этот шаг, была весела, полна сил и «ехала на работу», по выражению близкого ее друга Луизы Каутской, «как на бал».

Единственно, что ее смущало, это, что ее внезапный отъезд и оставление работы в редакции «Vorwärts» вызовет неудовольствие старика Бебеля, которого она глубоко уважала.

Отъезд Розы Люксембург из Берлина произошел как раз в середине декабря 1905 г., т.-е., в самый разгар вооруженного восстания в Москве и ожесточенной революционной борьбы в самой Польше.

Ее провожала на вокзале в Берлине вся семья Каут-

ских и каждый стремился сделать ей что-либо приятное: К. Каутский укутал ее теплым пледом, чтобы она не мерзла, а его жена — Лупза Каутская надела на шею Люксембург свои часы, так как Роза жаловалась, что ее собственные постоянно нуждаются в починке и она должна итти в революцию, не зная в точности, «который час пробил».

Чтобы замести следы и избежать ареста на самой границе в Александрове, Р. Люксембург всю ночь должна была пропутаться между Торном и Александровом, страшно устала, но все же не теряла бодрости и даже острила: «Я сижу здесь, писала она Л. Каутской из м. Илово, и в ожидании предстоящих великих дел, ем шнитцель с картофелем». Железнодорожное движение было прервано, начиная с самой границы, и Р. Люксембург пришлось пробираться в Варшаву в нетопленном и неосвещенном военном поезде, наполненном солдатами охраны.

«Вы сами себе, конечно, можете представить, писала она Л. Каутской, всю траги-комичность положения: весь поезд занят солдатами и среди них,—чего доброго, пожалуй, в качестве единственного пассажира я... Но все же история легко может стать серьезной в случае встречи поезда в пути с бастующими железнодорожниками»... Но на этот раз все обошлось благополучно как в пограничном пункте Александрове, так и на остальном пути до Варшавы.

В Варшаве Р. Люксембург застала еще самый разгар декабрьской революционной стачки. Город точно вымер, на каждом шагу встречались солдатские патрули. Она тотчас же по приезде, не откладывая и не раздумывая, поспешила броситься в самую гущу революционной борьбы, быстро ориентировалась в окружающей обстановке, познакомилась с состоянием работы и постаралась нагрузить себя до отказа.

Тщетно варшавские товарищи Розы и в первую очередь Л. Иогихес, для которых приезд ее свалился, как

снег на голову, негодовали и требовали ее обратного отъезда.

Р. Люксембург категорически заявила им, что не покинет поста, стала работать в редакции «Красного Знамени» (центральный орган с.-дем. Польши и Литвы) [1]), организовала выход ряда других революционных изданий, в том числе еженедельную газету для лодзинского пролетариата на немецком языке и профессиональный журнал для обслуживания экономических организаций широких рабочих масс. Она вся до того ушла в работу, что порой не оставалось времени даже на переписку с близкими друзьями.

Революционная жизнь и атмосфера целиком захватили ее, заставляли быстрее биться ее живое и полное силы сердце и Роза чувствовала себя превосходно.

«Здесь очень хорошо, пишет она в одном из писем к Л. Каутской: ежедневно в городе солдаты подкалывают двух или трех человек; аресты происходят также ежедневно; в остальном же все очень весело.

«Несмотря на военное положение, мы выпускаем ежедневно «Standart» («Красное Знамя»), который продается на улицах. Как только военное положение будет снято, появится вновь легальная ежедневная газета «Tribuna». Печатать «Standart» приходится в буржуазных типографиях, захватывая их для этого силой оружия. Точно также со снятием военного положения начнутся митинги. Тогда вы обо мне услышите».

Розу Люксембург приводило в восторг революционное настроение польского пролетариата и проявляемая им классовая психология. «У масс обнаруживается тихий героизм и классовое чувство, которое я бы охотно показала милым немцам», пишет она К. Каутскому, сообщая ему о практикуемых польскими рабочими мерах взаимопомощи в борьбе с безработицей.

[1]) Вместе с ней в редакции „Червонного Штардара“ работали тогда Л. Тышко, Варский, Мархлевский и К. Радек.

Рассказав о том, как почти на каждой фабрике рабочие по собственному почину отчисляют в пользу безработных еженедельно дневной свой заработок, или же сами сокращают у себя число рабочих дней, чтобы избежать увольнения товарищей, она прибавляла: «все это делается настолько просто, гладко и как нечто само собой разумеющееся, что даже в партию об этом сообщают лишь мимоходом. В самом деле чувство солидарности и братства с русскими рабочими развито столь сильно, что невольно этому удивляешься, хотя над развитием этого чувства мы достаточно поработали».

Работа шла все время в высшей степени лихорадочно, постоянные аресты разрушали налаженные связи и их приходилось беспрерывно возобновлять. Беспрерывные обыски в типографиях, аресты газеты, опечатывание уже готового набора — нервировали Р. Люксембург, но она не только не унывала и целиком отдавалась работе, но и находила время и силы, помимо участия в работе варшавских с.-демократич. организаций, корреспондировать в германские газеты, в особенности в «Vorwärts», следить за развертыванием революционной борьбы в остальной России, принимая посильное участие в разрешении злободневных тактических вопросов и влияя своим авторитетом и непосредственным вмешательством на принятие наиболее правильных и разумных решений. Чувствуя тесную связь с русским революционным движением, Р. Люксембург, работая в Варшаве среди польского пролетариата, все время горела желанием принять непосредственное участие и в борьбе русского пролетариата. Каждый промах русских с.-демократических организаций ее сильно возмущал; ей хотелось тотчас-же помчаться в Петербург или Москву, чтобы там своим участием добиться исправления неправильного решения или самолично выяснить причины ослабления движения, упадка революционного настроения рабочих масс.

Так продолжалось два с половиной месяца. Роза

буквально горела в огне революционной борьбы. Ей постоянно приходилось работать в условиях, которые ежедневно могли закончиться провалом, арестом, угрозами расстрела, но до поры до времени все это сходило благополучно с рук.

«Меня здесь так рвут на части, признавалась она сама, что почти невозможно думать о чем-нибудь другом».

Несколько позднее, уже из тюрьмы, оценивая свою революционную работу в Варшаве, Р. Люксембург писала К. Каутскому: «В общем дело шло у нас во время моей работы прекрасно. Я горда этим; это был единственный оазис в России, где, несмотря на бурю и натиск, работа и борьба так энергично и весело развивались и делали успехи, как во время самой свободной конституции [1]).

Вскоре эта атмосфера напряженной работы, в связи с непрекращающейся сутолокой и «неуверенностью в завтрашнем дне» стали отражаться на состоянии здоровья Р. Люксембург. Даже в своих письмах к Л. Каутской она признавалась, что чувствует себя «не вполне так, как бы мне этого хотелось. Физически я чувствую себя несколько вялой...». И Роза Люксембург стала соглашаться с настояниями друзей, уговаривавших ее сделать по крайней мере передышку и хотя бы на время вернуться в Германию.

Ей, кроме того, необходимо было для себя самой осмыслить всю массу промелькнувших перед ее глазами грандиозных событий революции, подвергнув их анализу холодной теоретической критики, для каковой работы раскаленные мостовые Варшавы были самым неподходящим местом.

Она уже стала готовиться к отъезду, даже визировала паспорт для обратной поездки и только хотела по пути

[1]) Р. Люксембург, Письма к К. и Л. Каутским, стр. 98.

в Германию побывать еще в Петербурге, чтобы там скрестить шпагу с местными с.-демократическими организациями, которые, с ее точки зрения, наделали ряд непростительных ошибок за предшествовавшие месяцы революционной борьбы; ей также очень хотелось попасть на подготовлявшийся в это время объединительный съезд, куда ее направляла польская с.-демократическая партия и где она намеревалась выступить также и в качестве представителя Центрального Комитета Германской с.-демократической партии.

Но почти накануне решенного уже отъезда судьба настигла Р. Люксембург. Она, наконец, попала в лапы охранки, которая без особого труда скоро установила ее действительную физиономию и роль в революционном движении Польши.

Ей грозила серьезная расправа: арестованный одновременно с ней Л. Иогихес был приговорен судом к 8-ми годам каторги.

К счастью, однако, в это время и среди охранников уже началось брожение.

Путем угроз, что дружинники рабочей организации жестоко отомстят за арест пользовавшейся такой широкой популярностью Розы, а отчасти и взятками, удалось добиться того, что Варшавское охранное отделение, подержав ее под арестом до июня 1906 г., согласилось освободить ее под залог.

Роза Люксембург вскоре по освобождении уехала в Финляндию, а оттуда, спустя некоторое время, через Швецию, вернулась в Германию.

7. Роза Люксембург и русская революция 1905—1906 г.г.

По отношению к русской революции 1905—06 г.г. Р. Люксембург занимала приблизительно ту же позицию, что и К. Каутский, которого она несомненно в этом вопросе энергично толкала влево.

Ее позиция была ярко выражена в ряде статей, помещенных в «Neue Zeit», рассматривавших вопрос, каковы должны быть цели и задачи пролетарской революции.

И на этот вопрос она давала ответ, что революционная борьба пролетариата имеет одну лишь цель—диктатуру пролетариата.

Этими статьями она обосновывала теоретически цель революционного движения и стремилась предначертать мыслимый путь для пролетарской революции.

К. Каутский в «Neue Zeit» также утверждал, что опыт московского декабрьского восстания заставляет пересмотреть взгляды Ф. Энгельса на невозможность в настоящее время успешной баррикадной уличной борьбы, а в следующем году, в ответ на анкету Г. В. Плеханова, буржуазную или социалистическую революцию переживает Россия, Каутский ответил, что русскую революцию ни в коем случае нельзя признать исключительно

буржуазной, ибо пролетариат в ней играет руководящую роль.

Эту точку зрения, целиком разделяемую и Розой Люксембург, на российскую революцию, приходится назвать, если можно так выразиться, левее большевистской в то время:

«По своим формам, говорила она, русская революция является последним отголоском буржуазных революций в Европе. Ее ближайшей внешней задачей будет создание современного капиталистического общества с открытым классовым господством буржуазии.

«Но эта, по форме своей буржуазная, революция осуществляется в России уже не буржуазией, а рабочим классом...

«Благодаря этому нынешняя русская революция представляется явлением в такой степени полным противоречий, как никакая другая из всех прежних революций...

«Пролетариат в России ставит себе задачей не осуществить социализм, но лишь создать капиталистически-буржуазные предварительные условия для осуществления социализма. Но благодаря тому, что буржуазное общество создается руками пролетариата с развитым классовым сознанием, строй этого общества приобретает совершенно своеобразный отпечаток...

«Нынешняя революция в России по своему содержанию заходит гораздо дальше прежних революций и в отношении приемов она не может принять ни методов прежних революций, ни методов борьбы современного пролетариата, парламентарных. Она создала новый метод борьбы, соответствующий ее пролетарскому характеру, равно как и сочетанию борьбы за демократию с борьбой против капитала — революционную массовую забастовку.

«Следовательно, и по содержанию и по методам — это совершенно новый тип революции. Буржуазно-демократическая по формам, пролетарски-социалистическая по

существу, она как по своему содержанию, так и по методам, представляет собой *переходную форму* от буржуазных революций прошлого к пролетарским революциям будущего...

«Сила, организация, классовое сознание пролетариата в России после революции разовьются в столь высокой степени, что, конечно, опередят во всех отношениях рамки буржуазного общества. При слабости и трусости буржуазии, предчувствующей свою гибель, не обладающей ни политическим, ни революционным прошлым получится такая комбинация сил, при которой равновесие классового господства буржуазии будет постоянно нарушаться.

«Точно также как судьба России и всей Европы во время французских революций решались битвами на парижских улицах, так теперь на улицах Москвы, Петербурга, Варшавы, решаются судьбы не только русского общества, но всего капиталистического мира» [1]).

Эта точка зрения на русскую революцию, верная в смысле исторических перспектив, все же не дооценивала экономической отсталости страны, не считалась со степенью сознательности поднявшихся на борьбу общественных классов и черезчур много возлагала на русский пролетариат, выдвигая его на первый план истории.

На лондонском съезде Российской с.-демократической рабочей партии, происходившем в 1907 г., Роза Люксембург приняла самое деятельное участие не только в качестве представительницы социал-демократии Польши и Литвы, но и как уполномоченное лицо Германской с.-демократии.

По поручению главного Управления Германской с.-демократической партии она обратилась к съезду с специальной приветственной речью, в которой попыталась

---

[1]) Р. Люксембург, Русская революция. Изд. „Луч". СПБ. (1649—1789—1905). Стр. 25—28.

очертить роль и значение революционной борьбы русского пролетариата в 1905—06 г.г. не только для России, но и для всего международного рабочего движения.

«Германская с.-демократия, говорила Роза Люксембург, доказала уже на деле, что она готова черпать для себя плодотворные уроки из богатой сокровищницы опыта русской революции... Всеобщая забастовка была впервые применена в русской революции в совершенно новой форме, не как противоположность политической борьбе, но как орудие этой борьбы, не как магическое средство сразу перескочить в социалистический строй, но как средство классовой борьбы для достижения элементарных политических прав».

Подвергнув далее резкой критике идею поддержки пролетариатом в революционной борьбе буржуазии, Р. Люксембург следующим образом формулировала свой взгляд на революцию в России:

«Русский пролетариат в своей нынешней борьбе должен чувствовать себя не изолированной армией, а лишь частью всемирной международной армии рабочего класса. Он должен твердо помнить, что его нынешняя революционная борьба является не частным эпизодом, но одной из крупнейших битв в общем ходе международной классовой борьбы.

«Выполнить эту роль русский пролетариат сможет лишь при условии, если он в методах борьбы, в решительности, в ясном сознании поставленной цели, достаточно верно учтет результаты всего международного развития в целом и в том числе достигнутую зрелость самого капиталистического общества.

«Русский пролетариат должен показать, что между 1848 г. и 1907 г. протекло более полустолетия капиталистического развития и что мы, с точки зрения этого развития, взятого в целом, стоим не в начале классового господства буржуазии, а, наоборот, ближе к его

концу. Он должен показать, что русская революция является не последней из серии буржуазных революций, но скорее первой из предстоящих пролетарских революций, в которых сознательный пролетариат и его передовая часть—социал-демократия — предназначены историей к роли вождя» [1]).

В качестве конкретного практического вывода Р. Люксембург призывала русских социал-демократов к сохранению единства партии, как необходимейшего и верного залога для выполнения своей исторической роли, но единства не механического, а основанного на внутренней сплоченности и крепости партии, которые в свою очередь должны покоиться на ясном и верном понимании классовой борьбы пролетариата.

Но этой объективной позиции по отношению к разногласиям, раздиравшим русскую с.-демократию, ей почти никогда не удавалось сохранить самой.

Примыкая еще до начала революции в России к позиции меньшинства партии, в особенности в спорах по организационному вопросу, Р. Люксембург выразила тогда свое основное расхождение с тов. Лениным в статье, появившейся в 1904 г. на страницах «Neue Zeit»—и ставившей вопрос так: массовая партия или небольшая, но чистая секта; позднее она перешла на сторону большинства во главе с тов. Лениным и особенно энергично поддерживала последних в вопросе об отношении к буржуазным партиям. Но по отдельным определенным вопросам она довольно резко расходилась с обоими течениями российской социал-демократии. Такова, например, как уже указывалось выше, ее позиция в оценке русской революции.

Точно также самостоятельную позицию занимала она и по вопросу об отношении партии к профессиональным организациям пролетариата.

---

[1]) „Vorwärts“ 1907 г., № 136.

«Русские с.-демократы, заявляла она, придерживаются, как известно, в противоположность польской социал-демократии, того взгляда, что промышленные союзы должны создаваться не под определенным партийным, с.-демократическим флагом, а на почве политического «нейтралитета». При этом русские товарищи любят, как во многом другом, ссылаться на немецкую с.-демократию и громадное развитие ее «нейтральных» профессиональных союзов, упуская совершенно из виду, что «нейтралитет» германских союзов отнюдь не является идеалом и преднамеренной тактической целью социал-демократии, а был навязан ей реакционным полицейским террором времен исключительного закона, что германские профессиональные союзы являются детищем не революционной эпохи, а политического и социального застоя тридцатилетней буржуазной парламентской эпохи.

«Уже эти два обстоятельства должны были бы быть совершенно достаточными для того, чтобы удержать русскую с.-демократию от рабского подражания германскому движению и привести ее к убеждению, что российскому пролетариату скорее подобает показать своему западноевропейскому собрату пример самостоятельного применения с.-демократических принципов в совершенно новой революционной обстановке, а не старательно примерять свои шаги к истоптанным башмакам немецкого рабочего движения, выросшего в исключительных рамках невозмутимого парламентского господства буржуазии» [1]).

Продолжая и позднее живо интересоваться жизнью русской с.-демократии, в которой она принимала непосредственное участие, как представительница польской с.-демократии, Р. Люксембург до 1911 г. в большинстве очередных партийных вопросов примыкала к позиции большевиков, довольно резко расходясь с остальными течениями по ряду принципиальных вопросов.

[1]) Р. Люксембург, Всеобщ. забастовка и немецк. с.-дем. Предисл. автора к русскому изд. Петроград. 1919 г., стр. IX и X.

Так, например, она наотрез отказалась принять участие в конференции, созванной меньшевиками, сославшись на оппортунистически-ликвидаторский характер последней, считая, что созыв конференции без активного участия работников из России лишь поведет к углублению раскола. Нападала также резко она и на Мартова за его памфлет на Ленина («Спасители или упразднители»).

Но уже в 1911 г. между польской с.-демократией и фракцией большинства наметились некоторые чисто организационные разногласия, которые в следующем 1912 г. привели к расколу в самой Польше.

Роза Люксембург вместе с Главным Правлением польской с.-демократии стала в оппозицию к большевикам, Варшавская же организация вошла в тесный контакт с ними. Эти разногласия остались неизжитыми до самого начала войны и еще в 1914 г. на последнем международном социалистическом конгрессе, при обсуждении вопроса о разногласиях внутри российской с.-демократии, Роза Люксембург продолжала резко выступать против Ленина и возглавляемого им течения.

8. В оппозиции Центральному Комитету Германской С.-Д. партии.

Как мы указывали выше, Роза Люксембург беззаветно отдавала все свои силы работе в рядах германской социал-демократической партии, буквально не щадя себя. Будучи одной из немногих крупных величин левого крыла партии, она была буквально завалена массой партийной работы, так как всегда считала делом чести отстаивать защищаемую ею платформу от всех попыток принизить размах рабочего движения или столкнуть с.-демократическую партию в болото оппортунизма.

Помимо теоретической работы, которой приходилось уделять не мало времени, она взваливала на себя еще целую массу побочных партийных обязанностей с бесчисленными поездками с агитационной целью, с выступлениями на конференциях и собраниях. Работа заполняла у нее буквально все время и зачастую даже во время каникул она умудрялась навалить на себя ту или другую работу.

«Самое лучшее, правда, пишет она о себе самой, во время каникул—это абсолютное ничегонеделание; только у меня никогда не хватает силы воли ему всецело отдаться».

«С моими каникулами пока ничего не вышло», сообщает она в следующем году. И так почти из года в год.

Только изредка, особенно когда расшатавшееся здоровье вызывало вмешательство врачей, уступая настойчивости друзей, она давала себе короткую передышку и каждый раз, если помнит читатель ее поэтическое описание острова Корсики, она умела взять во время этого отдыха столько, что потом долгие годы жила воспоминаниями о пережитом.

О том как работала в эти годы Р. Люксембург, можно сослаться на свидетельство А. Коллонтай, рисующую следующую характерную картину.

«Роза вернулась с агитационной поездки больная, разбитая. Врач категорически приказал ей лечь в постель. И Роза уверяет окружающих, что она добросовестно вылежит несколько дней, что у нее вообще нет сил даже головы поднять. И по бледности ее лица чувствуется, что действительно этих сил у нее нет... Близкие уходят, намеренно оставляя ее одну. Но каково же общее удивление, когда через час выясняется, что Розы в постели нет. Оказалось был назначен митинг большой политической важности. Розу известили по телефону и через полчаса она уже сидела в вагоне окружной железной дороги» [1]).

Так как ее выступления всегда приносили результат, а ей давали нравственное удовлетворение выполненного долга, она в этом черпала недостающие физические силы и потому была способна проявлять нечеловеческую энергию. Но уже скоро для Р. Люксембург становится все более и более ясным, что полагаться на одни радикальные резолюции партийных съездов и совещаний не приходится, что германская социал-демократическая партия серьезно и тяжело заболела.

На съездах и совещаниях довольно легко продолжали проходить самые радикальные резолюции и мнения, и

---

[1]) Р. Люксембург, Сборник статей. Госуд. Изд. 1921 г. Стр. 11.

казалось, что радикальное течение побеждает, но обычно эти решения оставались на бумаге, не проводились вовсе в жизнь, разбиваясь о чудовищную инерцию громоздкого партийного аппарата, десятилетиями привыкшего вести работу по определенному шаблону и стремившегося каждое новое решение подогнать в рамки этого шаблона.

В партии продолжала господствовать радикальная фразеология, заглушавшая проблески революционного духа в недрах пролетариата и было ясно, что партия нуждается в радикальном лечении. В партии прочно привился и чудовищно развивался самый откровенный карьеризм, господствовало стремление выслужиться перед партийным начальством; и в то же время рабочая масса оказывалась отрезанной от верхушек партийных организаций и не могла давать партии необходимых свежих пополнений.

Даже такой крупный вождь германского пролетариата, как А. Бебель, к этому времени сильно постаревший, не то потерял прежнюю революционную чуткость, не то оказывался просто бессильным противодействовать начавшемуся разложению партии.

Осознав постепенно грозившую партии опасность, Р. Люксембург немедленно же выступила на борьбу с ней; она не боялась бросать прямо в лицо самым видным представителям германской с.-демократии упреки в поддержке партийного застоя, ставя им в вину, что они в решительный момент всегда забывают свои громкие резолюции и, когда дело доходит до подлинной борьбы с оппортунизмом в партии или с германским правительством, они сами трусливо «прячутся в кусты». Она не боялась громко заявлять, что с.-демократическая партия «гниет на корню».

На уравновешенных членов Центрального Комитета—«отцов партии»—подобные заявления и слова производили впечатление величайшей дерзости и не могли не восстанавливать их против нее.

Но Р. Люксембург не смущалась этим. Проникнутая глубокой верой в правоту защищаемых ею взглядов, она органически не могла мириться с подобным положением, не могла отказаться от борьбы за оздоровление партии и постепенно должна была стать в открытую оппозицию центральному комитету партии.

В центральном же комитете партии на нее и ее сторонников смотрели как на придирчивых критиканов, способных нарушать мир в партии из любви к склоке.

И вот против Р. Люксембург начинается со стороны центрального комитета систематический поход. Завязывается длительная борьба, стоившая Красной Розе не мало нервов и нравственных сил.

Но она не привыкла унывать ни при каких обстоятельствах, а в этой борьбе ее в особенности поддерживало то, что в недрах самого германского пролетариата начали назревать неудовлетворенность прежней тактикой партии.

Р. Люксембург с восторгом приветствовала эти новые настроения в рабочих массах, которые не мирились с содержанием устаревших параграфов устава.

Поэтому, не взирая на создавшуюся отчужденность с руководящими партийными инстанциями, она продолжала активно работать в рядах германской с.-демократии, не щадя попрежнему своих сил и сжигая себя на этой работе. Она снова и снова объезжает все уголки Германии, выступая с пропагандой и защитой революционной тактики на всякого рода съездах, конференциях, собраниях и т. п.

Даже больше того. Помимо своей обычной работы она приняла в это время назначение стать лектором по политической экономии в партийной школе и успела проявить себя как образцовый педагог, умевший увлечь и захватить своих слушателей и заставлять их серьезно работать.

Всегда подготовляя чрезвычайно добросовестно свои

лекции, она постепенно составила популярный курс политической экономии, по отзывам многих написанный прямо образцово, который, к сожалению, не был ею обнародован и вероятно погиб совершенно, так как в роковые январьские дни 1919 г. ее квартира подверглась дикому разгрому.

Из этой школы вышло не мало учеников Р. Люксембург, горячо ценивших ее работу и искренно ей преданных.

Когда в 1913 г. неожиданно по инициативе Э. Бернштейна против преподавательской ее деятельности в этой школе начался систематический поход, то на защиту Розы энергично откликнулись все ее ученики как ее сторонники, так и ставшие ее теоретическими противниками. Все они в один голос свидетельствовали, что Роза Люксембург являлась лучшим учителем школы, приучая самостоятельно работать каждого, умея увлекать всех слушателей стремлением к знанию и умело подходя к каждому в отдельности.

Эта защита Розы Люксембург оказалась настолько энергичной и серьезной, что Центральный Комитет Германской с.-демократии, настроенный вообще враждебно против нее, вынужден был отказаться от мысли лишить ее возможности продолжать преподавание в этой школе.

Продолжая одновременно с преподаванием в партийной школе и свою агитационную деятельность, Р. Люксембург в 1910 г. повела самую деятельную агитацию за активное выступление рабочих масс, волновавшихся во многих местах Германии из-за избирательного права.

Ее агитация развертывалась вопреки тактике Центрального Комитета партии, который не рисковал открыто поддержать настроение рабочих, а тем более стать во главе начинавшегося движения.

Агитация же Р. Люксембург и ее призывы к активной борьбе всюду находили живой отклик в массах и в Германии в этот период рабочие массы впервые выступили на улицу.

Розе Люксембург казалось, что ей удалось своей неустанной агитацией пробудить от спячки рабочий класс Германии, но на деле оказалось, что она переоценила как свои собственные усилия, так и настроение и подготовленность германского пролетариата к борьбе.

Как только раздался грозный приказ г-на фон-Ягова: «Улицы могут служить только путями передвижения», Центральный Комитет партии молча проглотил этот полицейский окрик, рабочий класс не выдвинул новых вождей, которые бы рискнули самостоятельно повести рабочих на улицы и начавшееся движение рабочих масс рассеялось в бесплодных разрозненных выступлениях.

Роза Люксембург была возмущена в конец подобным поведением Центрального Комитета партии, не пожелавшего взять на себя руководство начинавшимися выступлениями рабочих. Она решила отбросить в сторону последние соображения о партийной дисциплине и резко выступила сперва на партийном собрании во Франкфурте, а затем и на страницах печати, подвергнув тактику Центрального Комитета весьма резкой критике.

С этого момента ее разрыв с руководящими партийными инстанциями продолжает все более и более расти.

Продолжая упорно и настойчиво защищать свою точку зрения, она тем самым шла на разрыв, как с Центральным Комитетом партии, так и со своим бывшим учителем и авторитетом К. Каутским, с которым ее до тех пор соединяла многолетняя самая тесная дружба; последний в своих статьях «Стратегия наступления или стратегия истощения» поддержал точку зрения Центрального Комитета и тем самым окончательно восстановил против себя Р. Люксембург, не знавшей пощады и по отношению к друзьям, раз дело касалось исповедуемых ею убеждений.

В следующем 1911 г. на Иенском партейтаге Р. Люксембург пришлось выдержать настоящее сражение по поводу ее последних выступлений.

На нее обрушился сам А. Бебель, целиком поддер-

живавший Центральный Комитет с.-демократической партии, который Р. Люксембург обвиняла чуть ли не во всех смертных грехах.

А. Бебель, продолжавший пользоваться недосягаемым авторитетом партии, резко обрушился на свою бывшую любимицу, чуть ли не требуя ее исключить из партии. Розу Люксембург на этом партейтаге поддерживала лишь небольшая группа ее сторонников, подавляющее же большинство партийного съезда сперва не хотело, было, вовсе слушать ее оправданий.

Но Роза Люксембург умела заставить себя слушать. Она подняла перчатку, брошенную Бебелем, храбро приняла бой и сумела заставить и этот партейтаг, резко настроенный против нее, считаться с ее аргументацией в защиту революционной тактики и заветов Интернационала.

«Мне думается, что вы подпишитесь под словами Бебеля, заявила Р. Люксембург большинству партейтага, напоминая ему выступление А. Бебеля по вопросу о всеобщей стачке в 1905 г., вы, однако, забываете, что эти слова и ныне имеют все тот же смысл, что и в 1905 году. Но было бы ошибочно думать, что раз на съезде прошел вопрос о всеобщей забастовке, то с этим делом покончено для рабочих масс. В самом деле, как вы представляете себе нашу задачу, когда я вам читаю слова Бебеля, что для того, чтобы осуществить массовую забастовку, необходимо, чтобы в ней приняли участие сами массы? Так неужели вы думаете, что для рабочих масс все сделано, раз партийный съезд вынес резолюцию? Неужели вам надо разъяснять, что для масс этот вопрос должен быть детально разъяснен на массовых собраниях. Ибо ведь здесь на съезде мы не обращаемся к массам, мы лишь формулируем тезисы, которые должны быть продуманы и переварены всеми членами партии после съезда... Разумеется, массовая забастовка в Германии, как и повсюду, если мы желаем, чтобы она имела успех, должна исходить от самих масс. Вот почему мы

и говорим в своей резолюции, что массовая забастовка не может, как некоторые это воображали, быть назначена на сегодня, или, скажем, на завтрашний день по команде руководителей профсоюзов или партийных организаций. Но точно также она не может быть и отменена руководителями, раз она исторически созрела» [1]).

Трудно было что-либо возразить на эту аргументацию Р. Люксембург, умевшей защищать с железной логикой свою позицию.

К тому же ход общественного развития Германии также как будто склонялся в пользу ее тактики. То временное благополучие, которое принесло германскому пролетариату необычайно быстрое развитие промышленности в конце XIX столетия, теперь, в начале XX столетия, сменилось резким ухудшением в положении рабочих масс. При таких условиях и для рядовых рабочих становилось постепенно очевидным, что прежняя чисто парламентская тактика заводит рабочее движение в тупик и не может принести осязательных результатов. Но этот процесс полевения самого рабочего класса Германии протекал не так быстро, как это казалось, или вернее хотелось Р. Люксембург и ее сторонникам. Руководящие центры партии также не могли не замечать известного изменения настроений масс, но пока эти настроения еще недостаточно оформились, они предпочитали итти по старому проторенному пути, с которым так свыкся и весь партийный аппарат.

Роза же Люксембург с этим никоим образом не могла помириться. Раз полевение рабочего класса Германии началось и притом, как она справедливо могла считать, не без ее самого живого участия, она считала необходимым прилагать все силы, чтобы ускорить процесс воспринятия пролетариатом новой тактики массовых выступлений.

---

[1]) „Protokol“ 1913 г., § 293.

Поэтому она не уставала повторять и подчеркивать, что, оставаясь на почве одной парламентской борьбы, немецкий пролетариат не сможет добиться никаких серьезных уступок от германского правительства и господствующих классов, что добиться дальнейшей демократизации Германского государства и проведения серьезных социальных реформ возможно только с помощью активного выступления самих рабочих масс.

И, не взирая на травлю, не прекращавшуюся в эти годы по отношению к ней со стороны руководителей с.-демократической партии, она продолжала отдавать все силы самой широкой агитационной деятельности.

Утешением для нее прежде всего являлось то, что, не взирая на эту травлю, рабочие массы даже в центрах ревизионизма любили ее боевые выступления и даже оппортунистически настроенных рабочих заражал ее увлекательный ораторский талант и вкладываемый в каждое выступление революционный темперамент. Неоднократно во время этих выступлений рабочие заявляли своим партийным организациям требование о приглашении Р. Люксембург для целого цикла лекций и дискуссий по интересующим их партийным вопросам.

Теперь она почти открыто выступала против оффициальной политики партии, бичуя ее половинчатость, указывая на ошибки и особенно резко ополчаясь против всех оппортунистических уклонов Центрального Комитета.

Особенно энергично Р. Люксембург нападала на с.-демократическую фракцию рейхстага, когда последняя решилась вдруг вотировать правительству чрезвычайный военный налог. Это было незадолго уже до европейской войны, когда зловещие тучи приближавшейся империалистической бойни уже не раз обволакивали горизонт, когда воздух был насыщен настолько угаром шовинизма, что, казалось, не достает только небольшой вспышки, чтобы разразилась самая ужасная гроза. Для Р. Люксем-

бург это голосование фракции послужило зловещим предзнаменованием будущих измен ее заветам Интернационала и она не находила достаточно сильных слов, чтобы заклеймить ее перед сознательным пролетариатом Германии.

Предчувствуя, что в ближайшем будущем немецкому пролетариату предстоит пройти через тягчайшие испытания, она напрягала последние силы, как бы надеясь своим самопожертвованием предотвратить приближение исторической Немезиды. Когда же 4-го августа 1914 г. с.-демократическая фракция уже совершенно открыто порвала с былыми заветами, голосуя за военные кредиты и стараясь прикрыть отступничество громкими фразами, Р. Люксембург не находила слов, чтобы достаточно резко заклеймить это позорное голосование и дальнейший отказ партии и профессиональных союзов от классовой борьбы во время войны.

«4 августа 1914 г., писала она на страницах организованного ею журнала «Интернационал», было днем политической смерти Германской социал-демократии».

«В истории человечества, говорит она в другом месте, в своей статье «Восстановление Интернационала», с тех пор как существует борьба классов, с тех пор как существуют политические партии, никогда еще не было такого прецедента, чтобы партия, непрерывно развивавшаяся в течение 50-ти лет, выросшая в крупнейшую политическую силу и сплотившая под своим знаменем миллионные массы, в течение 24-х часов превратилась в качестве политического фактора в нечто совершенно невесомое, как это произошло с Германской с.-демократией... В истории не было случая, чтобы политическая партия с таким пламенным рвением сожгла все, чем она была и чем владела, на алтаре того дела, бороться против которого до последней капли крови она бессчетное число раз клялась перед лицом всего мира».

Уже в конце 1914 г. на страницах швейцарско-не-

мецкой с.-д. газеты («Бернер Тагвахт») появился ее протест против попыток Центрального Комитета немецкой с.-демократии, делегировавшего своих членов в Швейцарию, оправдать ссылками на «белые книги» германского правительства свое поведение 4-го августа и доказать факт «нападения на Германию».

Между оффициальной партией и Р. Люксембург, возглавлявшей небольшую группу немецких с.-демократов, оставшихся верными знамени Интернационала, теперь все было порвано, если не формально, то по существу.

9. Роза Люксембург и Карл Каутский.

Выше уже нами упоминалось о той роли, какую труды К. Каутского и основанный им журнал «Neue Zeit» сыграли в духовном развитии Р. Люксембург. Для нее тогда это был непререкаемый авторитет, «непогрешимый папа», к голосу и словам которого она привыкла прислушиваться если не с трепетом, то уж во всяком случае с всепоглощающим вниманием. Даже еще в 1896 г. и 1897 г., когда после долголетних научных трудов, она заканчивала свою серьезную работу о «Промышленном развитии Польши», когда она уже успела составить себе определенное имя в экономической литературе и в качестве политического деятеля, она как-то робко и не вполне уверенно себя чувствует, когда ей пришлось предложить редакции «Neue Zeit» свои первые статьи о новом националистическом уклоне польского социализма.

Она подробно пытается обосновать важность затрагиваемой ею темы не только для польского рабочего движения, но и за его пределами. Десятками доводов пытается она возразить «многоуважаемой редакции» против требуемых последней сокращений, убеждает редакцию отказаться от намерения поместить к ее статье примечание, но в конце-концов соглашается со всеми требованиями той же «многоуважаемой редакции».

Читатель, вероятно, уже сам догадался, что за многоуважаемой редакцией скрывался ни кто иной как К. Каутский, но благоговение Р. Люксембург к его имени так велико, что она как будто не решается произнести его даже тогда, когда говорит в одном из своих писем в редакцию о его собственной статье.

К. Каутский, редактирующий «Neue Zeit», представляется для нее чем-то недосягаемым, а сама редакция зеленого журнала чем-то вроде «святая святых», куда проникать простым смертным воспрещено.

Можно поэтому представить, с каким трепетным чувством переступала Р. Люксембург два года спустя после переезда в Германию порог этой самой редакции, чтобы завязать личное знакомство с К. Каутским.

Спешим, впрочем, оговориться. К. Каутский в то время пользовался вообще большим уважением в кругах международной с.-демократии и писать для его журнала считалось честью для лучших публицистов-социалистов. Тем большим авторитетом должен был он представляться для 26-летней Розы Люксембург, делавшей свои первые шаги в рядах Германской с.-демократии.

Притом же в тех же ее первых письмах, адресованных «многоуважаемой редакции», о которых говорилось выше, наряду с благоговением перед авторитетом К. Каутского, довольно ярко выступают и черты самостоятельного и уверенного в себе характера Р. Люксембург.

Она, например, хотя и подчиняется с известным уважением его редакционным указаниям, но делает это далеко не безропотно и чем дальше развивалась ее переписка с К. Каутским, тем больше в каждом ее письме чувствуется ее уверенность в занятой позиции, тем более поражает острота ее аргументации, ее умение владеть словом, ее мастерство, как публициста, глубина и богатство мысли.

Питая к К. Каутскому глубокое уважение, Р. Люк-

сембург постепенно в процессе этой переписки и личного общения с ним, начинает чувствовать себя равной и умеет с достоинством и настойчивостью отстаивать свою точку зрения.

Особенно рельефно это проглядывает в одном из ее писем, относящихся к 1901 г. и вызванному следующим эпизодом:

На Любекском партейтаге Р. Люксембург подверглась резким нападкам Рихарда Фишера, который уже в ее отсутствие выступил с обвинением Розы, выражаясь мягко, в литературных передержках. Роза Люксембург, разумеется, вскипела и хотела опубликовать против Р. Фишера такое же резкое заявление, но К. Каутский старался всячески уговорить ее отказаться от этого шага, чтобы не поднимать ненужных дрязг.

В конце-концов она позволила К. Каутскому уговорить себя и на этот раз; но, отказываясь от своих прав на защиту литературного имени, она решается прочесть пару нравоучений и своему «дорогому учителю».

«... Вы сами признаете, пишет она в письме от 3 октября 1901 г. из Фриденау, что вы, как редактор, имеете в данном случае предо мной обязательство. Но признавая это, вы одновременно приставляете к моей груди пистолет дружеских увещаний, предупреждений и просьб, чтобы я отказалась от моего права и освободила вас от обязательства.

Ну, чтож, мне претит пользоваться моим правом, когда мне его преподносят с таким оханьем и страхом и одновременно не только при каждой попытке к самозащите хватают меня за руки, но и всячески стараются уломать меня совсем отказаться от своего права.

Вы достигли того, к чему стремились,—я вас освобождаю в данном случае от вашей обязанности по отношению ко мне. Но по всем признакам вы впадаете еще в одно заблуждение, когда совершенно серьезно думаете, что в этом случае вы действовали из дружелюбия ко мне

и в моих интересах. Разрешите мне разрушить ваши иллюзии. *Как друг*, вы должны были бы сказать приблизительно следующее: «Я советую вам непременно, чего бы это не стоило, выступить в защиту вашей литературной чести, так как и более выдающиеся писатели и люди с репутацией, созданной десятилетиями литературного труда, как Маркс и Энгельс, писали целые брошюры, вели в печати целую войну, когда кто-нибудь осмеливался упрекнуть их в малейшем «подлоге». Тем более энергично должны в данном случае реагировать вы, так как вы — молодая и имеющая много врагов писательница». Так должны были вы сказать, как друг...»

Появившись в доме Каутского в 1899 г., вскоре же после переезда в Берлин, Роза Люксембург быстро сходится не только с ним, но и со всей его семьей.

«В доме Каутского удовлетворены все мои потребности», говорила неоднократно Роза Люксембург и уже несколько недель спустя после первого знакомства она поспешила перебраться из студенческого квартала, где первоначально поселилась во Фриценау, чтобы быть ближе и иметь возможность постоянного общения с семьей Каутских. Об ее отношениях с женой К. Каутского ниже будет сказано более подробно. С самим К. Каутским Роза Люксембург вела бесконечные дебаты о политике; часами упражнялась с ним в разрешении сложнейших теоретических проблем, всегда чутко прислушиваясь к мнению своего учителя, хотя и сама могла поспорить и отстоять защищаемую точку зрения.

В воскресные вечера, когда в доме Каутского собирался интимный круг близких ему людей, Р. Люксембург никогда не отсутствовала, если была в Берлине и шутливо и торжественно называла себя «воскресным приложением» к «Neue Zeit». В этот круг близких к Каутскому людей она постепенно привлекла и своих польских товарищей: Л. Тышко, А. Варшавского, Ю. Марх-

левского и др. Но это общение с К. Каутским удовлетворяло только одну сторону ее души. Ее же многосторонность, по свидетельству Луизы Каутской, была так же поразительна, как ее духовная эластичность, остроумие и дар быстро приноравливаться к любому человеку и положению.

«И если она только что была занята с Каутским разрешением сложнейших теоретических проблем, тотчас после этого она бесновалась с мальчуганами, как отпущенная на свободу школьница, или садилась и рисовала на перегонки со вторым нашим сыном, так как она обладала исключительными способностями к рисованию, или она появлялась в кухонном департаменте и внимала с самой серьезной миной кухонной мудрости Цензи на своеобразном швабском диалекте, причем Роза сама стыдливо намекала, что и ей Лукулловские тайны не совсем чужды и мечтательно рассказывала о легендарном «гусарском жарком», которое она, будто бы умела готовить, как никто» [1]).

Особенно сильная привязанность у Р. Люксембург создалась с молодым поколением в доме Каутских.

Когда она появилась там, это поколение состояло из малышей, которым она с большой энергией таскала всевозможные замысловатые игрушки и притом умела сама так увлекаться этими детскими забавами, что могла часами с пылающим от радости лицом просиживать с мальчуганами над всякого рода механическими тележками и волшебными фокусами, сама она в это время превращаясь в ребенка, искренно радуясь каждому удачному опыту.

Точно также она была большим мастером на изобретение и организацию всякого рода игр, умела всегда увлечь детвору, заражая и их той жизнерадостностью, которую она сама в таком избытке сохранила со времен своего золотого детства. На ее возню с детьми было

[1]) Р. Люксембург, Письма к Каутским, стр. 29.

радостно всегда смотреть, а детвора в доме Каутских и подавно не чаяла души в Розе, так как последняя, превращаясь сама в ребенка во время возни с ними, добивалась этим того, что дети переставали в ней чувствовать взрослого, а видели такого же шалуна и веселого сотоварища их игр и забав.

Рождество без Розы в доме Каутских трудно было себе и представить; для младшего поколения ее случайное отсутствие в этот день было настоящим трауром. Когда весной в 1900 г. К. Каутский вместе с женой уехал на время в Париж, Роза Люксембург осталась с детьми одна, заменяя им мать и помогая готовить уроки.

«При этом, рассказывает Л. Каутская, по сообщениям обеих сторон, дело доходило до горячих схваток, и был случай, когда обоим школярам—Феликсу и Карлу, удалось обратить в бегство этого бесстрашного борца,—редкий триумф» [1]).

Отношение к К. Каутскому у Р. Люксембург в течение долгого ряда лет продолжало оставаться попрежнему восторженным, таким, какое создалось у нее еще в далекие годы студенчества, когда она с необычной для других студенток смелостью позволяла себе нападать на заплесневевших в буржуазной премудрости профессоров.

Каутский и его зелененький журнал был для нее тогда путеводной звездой, научавшей ее диалектически отчетливо мыслить, помогал ей ориентироваться в переплетающихся социальных взаимоотношениях, разлагая сложные явления жизни на простейшие основные факторы и этим путем добираясь до их материалистической сущности и устанавливая их экономическую закономерность.

Даже в годы личного общения с К. Каутским, когда сама Р. Люксембург после долгой плодотворной теоретической работы, начала самостоятельно выступать в международной партийной литературе по очередным во-

[1]) Роза Люксембург, Письма к Каутским, стр. 31.

просам тактики и программы, когда она не боялась самолично переходить в наступление и храбро скрещивала шпаги с вождями оппортунизма и ревизионизма, как Эд. Бернштейн и др., она все же еще долго каждый раз считала возможным выпускать в свет то или другое свое ответственное произведение только после тщательного обмена мнений с К. Каутским, к возражениям которого она считала необходимым внимательно прислушиваться, проверив с ним правильность намеченной ею линии.

Даже еще в 1906 г., когда она издала свою работу о тактике профессиональных союзов и о необходимости, основываясь на опыте российского пролетариата, включить массовые всеобщие стачки в одно из средств борьбы международного пролетариата, Р. Люксембург с большим беспокойством ожидала оценки этой работы со стороны своего учителя и личного друга.

Эту брошюру Р. Люксембург спешно писала в России и поэтому привычный для нее обмен мнений с Каутским в самом процессе работы не мог состояться. Поэтому по возвращении из России, вручая своему «непогрешимому папе» эту работу уже в напечатанном виде, Роза Люксембург пытливо добивалась от него одобрения основной мысли всей брошюры: необходимости идейного подчинения профессиональных союзов влиянию и руководству с.-демократической партии.

К этим выводам Р. Люксембург пришла под влиянием атмосферы революционной борьбы, царившей в России; она сама являлась активной участницей этой борьбы, на ее примерах расширились ее собственные горизонты, с высот этой борьбы для нее яснее открылись многие слабые стороны профессионального и партийного движения в Германии.

Но верно ли она оценила эти события? правильно ли анализировала всю обстановку социальных отношений в моменты общественного кризиса; не увлек ли ее боевой

темперамент слишком далеко; подтвердит ли спокойный мыслитель-исследователь эти выводы? Вот на какие вопросы она добивалась ответа от К. Каутского.

К. Каутский тогда поддержал правильность основных выводов Р. Люксембург, но по свидетельству А. Коллонтай, случайно присутствовавшей при этой их беседе, было очень похоже на то, что ученица Р. Люксембург сама тащит за собой своего бывшего учителя, заставляя его итти в этом вопросе дальше, чем ему, может быть, хотелось.

К. Каутский, по словам А. Коллонтай, во время этого обмена мнений «больше слушал и лишь поддакивал». И надо действительно признать, что позиция, занятая К. Каутским, как в оценке событий русской революции 1905 г., так и в вопросах применения нового метода массовой борьбы в Германии на Мангеймском и Иенском партейтагах отражает известное влияние на него Р. Люксембург.

Ученица, таким образом, сама начала влиять на своего бывшего учителя. Личное же ее участие в русской революционной борьбе дало ей богатый материал для переоценки всех прежних методов с.-демократической работы, развивавшихся исключительно в мирной обстановке. Поэтому, когда русская революция заставила и германскую с.-демократию взяться за пересмотр своей тактики, Роза Люксембург в этих вопросах международного рабочего движения должна была почувствовать себя тверже, чем кто бы то ни было, так как она в данном случае опиралась не на одни теоретические доводы, а на собственный революционный опыт и собственные наблюдения, подвергнутые тщательной критике.

В качестве весьма талантливой ученицы такого крупного теоретического ума, каким несомненно является К. Каутский, Р. Люксембург сумела ко всем вопросам, выдвинутым русской революцией, подойти вполне самостоятельно, как самобытный мыслитель, склоняясь к ради-

кальному изменению и расширению революционной тактики марксизма.

Но на этой почве, по свидетельству Л. Каутской, во взаимоотношениях Р. Люксембург с К. Каутским, уже начиная с 1906 г., стали обнаруживаться некоторые шероховатости, трения, известная напряженность, которые до поры до времени еще сглаживались глубоким чувством личной дружбы, но чем дальше, тем больше давали себя чувствовать.

Позаимствовав из знакомства с русской революцией критику революционной борьбы, расширившую прежние ее горизонты, Р. Люксембург уже не могла мириться с традиционной тактикой германской с.-демократии; со всею страстностью своей натуры, со всею мощью своего светлого ума и проницательной мысли она набрасывалась на прежние методы партийной работы, настаивая на перенесении в Германию богатого опыта революционной классовой борьбы русского пролетариата.

Прежней тактике парламентаризма она противопоставляла новую тактику массового движения, тактику массовых выступлений и в особенности массовых забастовок.

Не следует, однако, думать, что эта новая тактика была позаимствована Р. Люксембург из русской революции без всякого критического анализа германской экономической обстановки.

Р. Люксембург не только инстинктивно чувствовала, что в недрах самого германского пролетариата назревает нечто новое, огромное, неспособное уже укладываться в рамки прежней мирной борьбы. Она не только отмечала это во время своих многочисленных выступлений во время объездов Германии, когда рабочие массы активно реагировали на ее страстные призывы к борьбе по новым методам; для обоснования правильности той новой тактики, первые приемы которой были подсказаны ей русской революцией, Р. Люксембург снова принимается

за изучение динамики промышленного развития Германии.

А это изучение привело ее к выводу, что прежние производственные отношения и прежние формы народного хозяйства, которые клались в основу при выработке партийной программы германской с.-демократии постепенно начинают уступать место новым формам хозяйственного развития, новым явлениям финансово-производственного характера, порождаемым высшей ступенью развития капитализма — империализмом, который в свою очередь должен был по неумолимой логике общественного развития породить еще более острые и более решительные конфликты между трудом и капиталом.

К. Каутский поддерживал Р. Люксембург в основных положениях этого анализа изменяющейся общественной обстановки.

Еще в своей работе «Путь к власти», вышедшей в 1909 г., К. Каутский ясно предвидит всю неизбежность и близость грядущего переворота и учитывает вытекающую из этого необходимость изменения пролетарской тактики.

Расходясь с Р. Люксембург в отдельных частностях и деталях, в основном он вполне еще солидарен с ней и вместе с ней отстаивает необходимость в приближающейся пролетарской борьбе применять тактику массовых выступлений.

Но это единомыслие учителя и его талантливой ученицы продолжалось недолго.

Уже в следующем 1910 г., когда Р. Люксембург выступила с проектом изменения методов избирательной борьбы в Пруссии, ей пришлось на этом вопросе резко столкнуться с К. Каутским.

В то время как Р. Люксембург от этого изменения избирательной тактики ожидала перехода классовой борьбы немецкого пролетариата в чисто революционные формы,

К. Каутский стал высказывать опасение, что новые методы поведут к полному разгрому пролетарских организаций.

Но Р. Люксембург была непреклонна и продолжала отстаивать свою позицию. Настроение рабочих масс в Пруссии было возбужденное; местами начались даже уличные выступления, как бы подчеркивая правильность тактики, выдвигавшейся Красной Розой. Но стоило только администрации запретить уличные выступления, как все возбуждение быстро улеглось и рассеялось, точно его и не было. Центральный комитет с.-демократической партии, на сторону которого стал и К. Каутский, не решился итти на открытый разрыв с властью, а рабочие массы оказались не настолько революционными, чтобы выступить вопреки центральному комитету.

При наличности страстности, с которой Р. Люксембург умела отстаивать защищаемые ею положения и взгляды, это резкое расхождение по одному из основных вопросов тактики послужило для нее основанием, чтобы порвать долголетнюю ценную для нее личную дружбу.

Надо припомнить, сколь многое связывало ее и с самим К. Каутским, которому она была обязана первыми шагами своего теоретического развития и близость к которому была закреплена десятилетием крепкой испытанной дружбы и с его семьей, в которую она за эти годы буквально вросла, как ее составная часть, чтобы понять, как тяжело Р. Люксембург было рвать эти давние крепкие связи.

Но она осталась верной себе самой и в этом случае.

Побуждения душевной привязанности не могли в ней заглушить обязанностей политического борца, как она сама их понимала. А раз эти последние обязанности требовали защиты новой тактики пролетариата, Р. Люксембург неизбежно должна была отдать им предпочтение и пошла на разрыв даже с самим К. Каутским.

Правда, разрыв и на этот раз был еще не окончательным. Вплоть до начала мировой войны выпадали моменты, когда и учитель и его ученица снова оказывались на одной и той же платформе по тому или другому вопросу и умели находить общий язык. Так случилось, например, почти перед самой войной, когда в июле 1914 г. в Международном Социалистическом Бюро Р. Люксембург рука об руку с К. Каутским отстаивала необходимость сохранить единство российской с.-демократической организации.

Но чем дальше, тем такие моменты совместной работы случались все реже, а с началом европейской войны, когда Германская с.-демократическая партия обесславила себя позорным выступлением с защитой военных кредитов, прекратились и вовсе.

Р. Люксембург и ее друзья ожидали, что немецкий пролетариат на всякое объявление войны ответит немедленной революцией. Каутский же заявлял, что пролетарские массы слишком слабы, чтобы даже воспрепятствовать войне, а тем более, говорил он, они не могут ответить на объявление войны переворотом. Действительность подтвердила эти опасения Каутского, но Р. Люксембург в этом поведении рабочих масс видела результат половинчатой тактики руководящих органов партии, и на них, а в том числе и на Каутского склонна была возложить всю вину. Она выступила тогда активно против той самой партии, в рядах которой она боролась до этого момента, агитируя за ускорение раскола внутри ее и в этом вопросе еще более обострила свои расхождения с К. Каутским.

Наконец, когда в России осуществился октябрьский переворот и власть перешла в руки коммунистической партии, с К. Каутским у Р. Люксембург не осталось более никаких точек соприкосновения.

Почти в каждом выходившем из под ее пера произведении она всячески клеймила его измену, ренегат-

ство, его социал-патриотизм, обзывала его «шейдемановцем» и т. п. эпитетами.

Разрыв старой и давней дружбы завершился таким образом полнейшим отчуждением и взаимной непримиримой борьбой, в которой Р. Люксембург принадлежала главная роль. Он проявился даже как-то болезненно с ненужным, но неизбежным обострением и личными выпадами.

10. Р. Люксембург в кругу друзей и близких.

Умея много брать от всей окружающей жизни, по отношению к своим друзьям Роза Люксембург проделывала это так, что никогда не могла быть в тягость кому-либо из близких.

Вечно веселая, жизнерадостная, всегда как бы переполненная до края каким-то особым жизненным эликсиром, заставлявшим у всякого, кто его только отведывал, быстрее пульсировать кровь, она в кругу друзей являлась еще более обаятельной.

По свидетельству К. Цеткин, у ней «за ее кажущейся холодностью и замкнутой обособленностью таилось нежное, глубокое и в высшей степени содержательное чувство».

В дружбе она была сама воплощенная верность и преданность и проявляла редкую самоотверженность и нежную заботливость; чужие заботы и печали причиняли ей более сильную боль, чем ее собственные страдания.

Живя в довольно замкнутом кругу партийных взаимоотношений, Р. Люксембург всегда умела привлекать в орбиту своего влияния и дружеской привязанности все наиболее крупные фигуры из этого мира, с которыми ей приходилось ближе всего сталкиваться. К. Каутский,

В. Либкнехт, А. Бебель, К. Цеткин, Ф. Меринг, Л. Иогихес, К. Либкнехт, Л. Каутская—это далеко не полный список имен ее близких друзей, говорящих каждое за себя.

Но она всегда порывалась не ограничиваться в сближении исключительно кругом партийных товарищей, а самой итти навстречу дружескому общению с крупными людьми современности. К сожалению, только те же партийные обязанности не всегда позволяли ей осуществлять это.

Так, например, сидя в 1917 г. в Бреславской тюрьме, она мечтала совершить с Л. Каутской совместное путешествие в Париж, чтобы познакомиться там с Р. Ролланом, произведения которого произвели на нее сильное впечатление.

«Ведь на свете живешь только один раз, мотивировала она при этом Л. Каутской свое желание, а хороших людей такого калибра немного. Почему же отказывать себе в роскоши личного знакомства и духовного контакта с ними?» [1]).

Обладая даром быстро приноравливаться к любому человеку и положению, Р. Люксембург могла поразительно быстро сходиться с людьми и также быстро умела подчинять их целиком своему влиянию. Но опять-таки выходило как-то так, что никто не только не тяготился этим подчинением, но находил в общении с Розой всегда какую-то особую прелесть и как-то по иному начинал воспринимать окружающую жизнь. Характерна, например, сценка, которую она сама вспоминает в письмах к Л. Каутской, обрисовывающая ее отношение к К. Либкнехту, с которым Роза сблизилась уже в годы войны; попутно она дает меткий и незабываемый облик фигуры своего сподвижника:

«Этот бедняга, пишет она, всегда ведь жил ventre ä

[1]) Р. Люксембург, Письма к К. и Л. Каутским, стр. 180.

terre, галопом, в вечной суете, спешил на свидания со всем светом, на заседания в комиссии, всегда окруженный пакетам и газетами, с карманами, полными записных книжек и бумажек, прыгая из автомобиля в трамвай, из трамвая в железнодорожный вагон, с душой и телом, покрытыми уличной пылью... Это был его жанр, хотя этот человек, как немногие; был в душе глубоко поэтичной натурой и мог радоваться, как дитя, каждому цветку.

«Я заставила его пару раз пойти со мной погулять и немножко насладиться весной. Как он ожил при этом».

Когда Р. Люксембург писала эти строки, К. Либкнехт разделял ее участь, приговоренный к 4½ годам отсидки за свое первомайское выступление во время войны. И Р. Люксембург добавляла: «А теперь передо мной его портрет и сердце мое судорожно сжимается от боли каждый раз, когда я смотрю на него» [1]). И она не уставала посылать ему через С. Либкнехт «большие, большие приветы» и просила передать ему от нее сквозь все запреты тюремщиков: «Ça ira» («это будет»), т.-е., что великая долгожданная революция грядет... К. Либкнехт отвечал ей тем же вниманием. В письме к своей жене в июле 1918 г. он пишет: «Как поживает Роза? Каждый раз, когда ты у нее бываешь; или пишешь ей, передавай сердечный привет от меня. Она должна быть здорова».

Это чувство заботливости и глубокого переживания чужого горя, как мы уже имели случай говорить, характеризовало отношение Розы не только к близким, но и к совершенно посторонним людям, с которыми ее сталкивала судьба.

В общении же со своими друзьями, она, казавшаяся со стороны «неприступной фанатичкой», была так чарующе увлекательна, столько жизни и ума искрилось в

---

[1]) Р. Люксембург, Письма к К. и Л. Каутским, стр. 170

каждой ее фразе, что даже такие ветераны революции как В. Либкнехт и А. Бебель не могли не разделять общего обаяния ее личности. Первый из этих стариков— В. Либкнехт всегда восторгался ее активностью, подвижностью и пылом ее полемических выступлений.

Незадолго перед своей смертью, встретившись с Р. Люксембург в редакции «Vorwäts'a», он, тепло прощаясь с ней, шепнул ей:

«Я для вас всегда буду делать, что могу. Я вас совершенно серьезно предложил в редакторы и был бы рад вас иметь. Но если у вас будет что-нибудь ошеломляющее, дайте его для «Vorwärts»,—там это производит все-таки больше впечатления, чем в «Leipziger Volkszeitung» [1]).

Эта черта В. Либкнехта, всегда ставить на первом месте интересы партийного движения, поступаясь в пользу их своими личными симпатиями, была особенно понятна Розе и она отвечала ему самой искренней привязанностью.

Когда спустя несколько дней после приведенного разговора, внезапная смерть вырвала В. Либкнехта из рядов германской с.-демократии, Р. Люксембург прилагала все усилия, чтобы достойно почтить уход с поста заслуженного ветерана рабочего движения.

Р. Люксембург была также в очень дружеских отношениях с другим стариком, А. Бебелем, которого она высоко ценила за его простоту, революционный инстинкт и крупные заслуги в прошлом. Она охотно присоединялась к Каутским, когда они часто уходили ужинать к Бебелю и не стеснялась появляться там запросто в своем домашнем платье, хотя бы и ожидала встретить там большое общество.

Она очень любила с ним шутить и при этом забывала обо всех условностях. Так, во время Любекского партейтага, когда они с Бебелем остановились в одной

[1]) Р. Люксембург, Письма к К. и Л. Каутским, стр. 58.

гостинице, она однажды, полная задора и жизни, проходя мимо его номера и видя перед дверью выставленные его ботинки, сунула в них анонимную записку на простонародном немецком диалекте: «Август, я тебя люблю». А. Бебель неизменно отвечал ей тем же чувством, всегда восторгался ее шуткам, остроумию и находчивости и всегда защищал ее от нападок остальных партийных товарищей, сплошь и рядом возмущавшихся дерзостью Р. Люксембург, с которой она позволяла себе нападать на признанные партийные авторитеты.

На высказываемое по этому поводу возмущение, Бебель, снисходительно улыбаясь, говорил: «Оставьте мне только Розу в покое,—такая щука очень полезна среди карасей в нашем пруду».

Отношения Р. Люксембург к Кларе Цеткин также были проникнуты глубокой нежностью, заботливостью и содержательностью чувства.

Хотя она сама почти не уделяла внимания и энергии специально женскому пролетарскому движению и только во время войны собиралась однажды совместно с К. Цеткин выступить по этим вопросам в Голландии, но она все же умела отдавать должное деятельности своего друга.

Но К. Цеткин находила в Р. Люксембург не только партийного товарища, но и человека, близко принимавшего к сердцу ее заботы и горести, как матери.

На этом примере особенно рельефно выступает как чутко и вдохновенно-человечно умела Роза постигать чужое горе.

Уже в самом конце войны под влиянием собственного нервного настроения и вызванных последним предчувствий, она писала в сентябре 1918 г. Луизе Каутской:

«Можешь ли ты мыслью охватить, что это было бы, еслибы с одним из ее мальчиков, или даже обоими, что-нибудь случилось? Оба теперь на фронте, и там теперь

тяжелые дни... Я все готова встретить мужественно, что, касается меня лично, но перенести горе других людей, в особенности Клары, еслибы «боже сохрани», что-нибудь случилось,—на это у меня не хватает ни мужества, ни силы. Все это только мои думы, призраки» [1]).

О том как Р. Люксембург переживала свое собственное горе, можно судить на основании дошедших до нас ее писем все к той же Л. Каутской, когда умер их общий друг Ганнес Дифенбах.

Получив первое известие о его смерти на войне, Роза Люксембург была поражена как громом этой потерей.

«Только-что узнала, что Ганнес убит. Я в данный момент не в состоянии больше писать», кратко сообщала она Луизе К. и в этих двух отрывочных фразах чувствуется вся сила переживаний страстной по натуре Розы, обычно умевшей оттеснять внутрь пламенность своей натуры, скрывая ее под обликом наружной сдержанности и спокойствия.

Позднее, объясняя Луизе Каутской вынужденную краткость своего первого сообщения, Роза оправдывала себя тем, что она является в подобных случаях наибольшим милосердием, как при тяжелой операции. «Меня несказанно раздражает, говорила она, когда, щадя меня, меня стараются подготовить к страшному известию и собственными жалобами думают меня «утешить»... Меня оскорбляет, что мои ближайшие друзья все еще так мало знают меня и так не дооценивают, что не понимают, что самое лучшее и самое тонкое в таких случаях сказать мне сразу, но коротко и просто два слова: он умер... [2]). О своих собственных переживаниях она сообщала: «Я и думать не должна о том, что случилось, иначе я не перенесу этого. Напротив, я продолжаю жить той мыслью,

---

[1]) Р. Люксембург, Письма к К. и Л. Каутским, стр. 187.
[2]) Р. Люксембург, Письма из тюрьмы, стр. 37.

что он здесь, я вижу его живым перед собою, я беседую с ним мысленно обо всем; во мне он продолжает жить...».

«Я все еще не могу притти в себя, говорит она в другом месте, от глубокого изумления: неужели это возможно. Точно слово, замолкшее посреди фразы, или внезапно прерванный аккорд, все еще звучащий в моей душе. Мы строили тысячу планов на время после войны; мы хотели наслаждаться жизнью, путешествовать, читать хорошие книги, восхищаться весной, как еще никогда... Непостижимо для меня; неужели это возможно? Точно сорванный и растоптанный цветок...» [1]).

Но среди друзей и близких Р. Люксембург было одно лицо, отношение к которому как будто не вполне подходит под общую мерку. Это Лео Иогихес (Тышко). Тесная дружба и близость, закрепленная более чем двадцатипятилетней работой рука об руку, связывали ее с Тышко.

Роза Люксембург первая увлекла Тышко на революционную работу среди польского пролетариата, но он сам был достаточно крупной и оригинальной личностью, чтобы проявлять и в дружбе с Розой свою самостоятельность и индивидуальность.

Охотно уступая Р. Люксембург принадлежавшее ей по праву место теоретика и публициста партии, он мог поспорить с ней своей проницательностью, вдумчивостью и логичностью мышления. Но он никогда не позволял себе на этом основании хотя бы в малой степени подавлять личность Розы, или же расценивать ее с точки зрения дефектов женского интеллекта. Наоборот, он подходил к ней как равный к равному. И быть может благодаря этому его влияние на Розу было очень велико.

К его голосу она всегда прислушивалась наиболее

[1]) Р. Люксембург, Письма к К. и Л. Каутским, стр. 174.

чутко как в проблемах теории и мышления, так и в вопросах тактики и чисто житейских. Наиболее близкий из всех окружающих ее, он был всегда критической совестью Розы.

Но в их взаимоотношениях всегда было много странностей, оставшихся неразъясненными даже для таких близких Розе лиц, какой была для нее Луиза Каутская. Вот что говорит последняя по этому поводу:

«С Л. Тышко у нее были совсем особенные отношения, но я никогда не дерзала говорить с ней об этом. И может быть ничто не скрепляло так нашей дружбы, как то обстоятельство, что я никогда не задавала ей вопросов, никогда не контролировала ее жизни и поступков. Ибо при всей ее жизнерадостности, общительности и кажущейся открытости, она, собственно говоря, была натурой замкнутой, любила жить своею жизнью для себя, не любила быть преследуемой навязчивым любопытством. Она охотно набрасывала на себя густой вуаль таинственности, который должен был защитить ее от любопытных глаз, и немного конспиративной романтики было ей необходимо, чтобы жизнь не казалась ей слишком плоской и «мещанской». И хоть сама она хотела и даже требовала от своих друзей, чтобы те делились с ней всеми переживаниями, о которых она, кстати сказать, умела мастерски молчать, самой ей не было дано быть открытой до конца.

«Мне вспоминаются отдельные моменты, когда я знала, что она находится в тяжелом душевном состоянии. Рука об руку со мною она могла долго просиживать в тщетных поисках слов, чтобы облегчить свое горе, но в большинстве случаев она не могла ничего произнести, кроме нескольких жалобных звуков и обрывков фраз. И затем она говорила беспомощно, подергивая плечами: «Я не могу...», клала свою голову на мое плечо и отводила душу в молчании. В таких случаях у нее была только потребность в тихом понимании и сочувствен-

ной нежности. Пожатия руки, тихой ласки было достаточно, чтобы сделать ее веселой и вновь привести в состояние душевного равновесия» [1]).

Л. Каутская, мастерски обрисовавшая в вышеприведенном отрывке своих воспоминаний один из уголков души своей подруги, к сожалению, так и не приподняла завесы над этими взаимоотношениями Розы и Л. Тышко.

Мы лишены также возможности сделать это и в настоящем очерке, не располагая достаточными данными и хотим лишь иллюстрировать одним примером, какого рода горе и боль мог причинить Р. Люксембург один из самых близких ее соратников, разделивший ее трагическую судьбу два месяца спустя после смерти Розы.

Этот пример, правда, весьма случаен и не может характеризовать общий фон их взаимоотношений, но он достаточно выпукло обрисовывает черты как Р. Люксембург, так и Л. Иогихес и указывает ту грань, на которой они должны были сталкиваться.

Сидя в тюрьме во Вронке в январе 1917 г., Р. Люксембург, получив в подарок от Каутских альбом чудных гравюр, лучшую из них послала Л. Иогихес. Каково же было ее и удивление и негодование, когда через несколько дней картина должна была вернуться в альбом с ответом: «отклонено с благодарностью».

«Это вандализм!.. восклицала она по этому поводу в одном из своих писем: «не правда ли, как это похоже на Лео! Я были возмущена, так как и тут я согласна с Гёте:

„Если Балх, Коканд, Бухара
Мне порой придут на ум,
Дам любимая в подарок
Я тебе их блеск и шум.
Но спроси у шаха: не дал
Он тебе-б и города?
Шах могуч, и все-ж не ведал
Он, как любят, никогда...“
(Из западно-восточного Дивана).

[1]) Р. Люксембург, Письма к К. и Л. Каутским, стр. 32. Предисловие Л. Каутской.

«Лео не царь и не «мудрец», но и он тоже не знает, «что значит любить»... Но мы двое это знаем,— не правда ли, Лулу? И если мне когда-нибудь захочется снять с неба пару звезд, чтобы подарить их кому-нибудь на запонки, то пусть не мешают мне в этом холодные педанты и пусть не говорят, грозя мне пальцем, что я вношу путанницу во все школьные астрономические атласы» [1]).

Подобного рода столкновения у Розы с Тышко были, повидимому, довольно часты, но они не помешали им сохранить близкую дружбу до конца.

Хотя каждый из них ревниво отстаивал свое личное «я», но в то же время оба они умели считаться и с личностью другого, а общая платформа борьбы в рядах левого течения заставляла их постоянно объединять усилия и сглаживала возникавшие шероховатости.

Совершенно иного рода отношения сложились у Розы Люксембург к жене Карла Каутского—Луизе К. и к жене Карла Либкнехта—Соне Л.

Здесь все ясно, просто и в то же время чарующе-привлекательно. Взаимоотношения эти различны в зависимости от личности той и другой, но на общем фоне обычных человеческих связей, они сверкают такими яркими лучами лучших сторон человеческого духа, благоухают таким тонким ароматом задушевной интимности, что невольно приковывают к себе внимание, зачаровывают своим содержанием и могут воистину служить прообразом тех будущих взаимоотношений людей друг с другом, к которым должно привести изменение современного общественного уклада.

С Луизой Каутской Розу соединяла почти двадцатилетняя дружба, начавшаяся вскоре же после того, как она по переезде в Германию, робко и неуверенно переступила порог редакции «Neue Zeit».

---

[1]) Р. Люксембург, Письма к К и Л. Каутским, стр. 164.

Из года в год это чувство дружбы и самой искренней привязанности друг к другу двух женщин, значительно разнившихся между собой складом характера и внутренним содержанием, неизменно росло и развивалось и только в последние месяцы жизни Розы на нем сказалось расхождение политических взглядов и симпатий обеих подруг.

Вот что сообщает сама Луиза Каутская о начале этой дружбы:

«В начале она приходила, правда, лишь только к партийному товарищу, редактору и теоретику Каутскому, спорить с которым она никогда не уставала. Как она сама потом смеясь мне призналась, я для нее, привыкшей к быту русских студенток, была большим разочарованием. «Жена Карла Каутского носит передник»! Какая неожиданность, какое ужасное открытие! Значит, тоже одна из тех ограниченных немецких хозяек! Или, как она тогда называла, «глупая индюшка, корова»! Но недолго этот передник разделял нас. По прошествии немногих недель, она уже так привыкла к нему, и к той, которая его носила, что говорила: «В доме Каутского удовлетворены все мои потребности» [1]).

Дружба Розы с Луизой К. становилась все крепче, распространившись на всю семью Каутских и Р. Люксембург скоро стала самым необходимым человеком в этой семье, принимая участие во всем, что ее касалось, как в радостях, так и в треволнениях.

Чтобы иметь возможность более частого общения, Р. Люксембург даже перебралась поближе к Каутским и старалась проводить в этой семье все свои досуги и в особенности вечера; когда молодое поколение укладывалось в постель, сам К. Каутский, соблюдавший определенный режим, к десяти часам также отправлялся спать, обе подруги

[1]) Р. Люксембург, Письма к К. и Л. Каутским, стр. 28. Предисловие Л. Каутской.

проводили вдвоем, без чьей-либо помехи долгие часы в дружеских беседах, строя планы на будущее и делясь впечатлениями от пережитого или прочитанного. Эти беседы затягивались обычно за полночь и были полны для обеих таким интересом, что им буквально трудно было расстаться даже на несколько часов.

Обычно Л. Каутская провожала Розу домой и при этом они обе долго бродили, возвращаясь обратно и снова провожая друг друга.

Роза очень часто забывала ключ от ворот и поэтому почти каждую ночь они стояли в ожидании сторожа у дверей ее дома, заполняя минуты ожиданий веселой болтовней и неиссякаемыми шутками, на которые она была большим мастером. Любила она также во время этих прогулок вдруг нарушить полупочную тишину громким пением, что приводило в ужас местных блюстителей порядка, а Розе доставляло еще большее удовольствие их подзадоривать. В своих письмах она дважды вспоминает эти ночные путешествия и приключения с Луизой Каутской. Запечатлелись они и у спутницы Розы. В своем предисловии к изданию писем Р. Люксембург, Л. Каутская в следующих красках рисует настроения Розы во время этих ночных похождений: «Ее задору тогда не было предела, и она сама бывала оглушена своим брызжущим и таким заразительным весельем. В такие моменты я инстинктивно чувствовала то, что мне после стало очевидно,—что она была богато одаренной поэтической натурой. По ее собственному всегдашнему выражению, ей казалось, «будто мы выпили шампанского и жизнь играет у нас в кончиках пальцев».

Если Луизу Каутскую привлекал к Розе ее задор, ее бьющая через край жизнерадостность и импульсивность, то в свою очередь Розу Л. влекла к ней цельность и нетронутость ее натуры, ее отзывчивость и глубокое понимание психологии другого. «Я смотрела на твое милое лицо, пишет она из тюрьмы Луизе Каутской, и думала:

как молоды эти серо-голубые глаза, в них столько беспокойного и неудовлетворенного искания, столько беспомощной муки. Эти глаза на 20 лет моложе, чем ты выглядишь. Они говорят, что внутренне ты еще осталась робкой, ищущей, ощупью идущей девушкой. Как люблю я тебя именно за эту внутреннюю неуверенность...» [1]).

«Милая, не унывай, не живи как раздавленный лягушенок», успокаивает Роза свою подругу в конце того же письма. «Мне недостает лишь тебя, чтобы болтать и смеяться, как только мы одни умеем это. Ты говорила мне, что всегда, когда мы бываем вместе, ты чувствуешь себя немного охмелевшей, точно выпила шампанского. Именно это я и люблю в тебе, что всегда могу привести тебя в шампанское настроение, когда жизнь играет в нас в кончиках пальцев и мы способны на всякое дурачество... Мы можем три года не видаться, а потом через полчаса совместного пребывания нам кажется, будто мы вчера лишь расстались» [2]).

Но помимо перечисленных качеств Луизы Каутской, в ней было и еще нечто, что влекло к ней постоянно Розу.

«Я абсолютно не согласна с тобой, признавалась она сама Луизе К., когда ты смиренно пишешь, что ты «для меня ничто». Нет, ты есть и должна быть для меня пристанью, где я могу укрыться, когда у меня на душе скребут кошки, где бы мы могли с тобой поболтать и посмеяться» [3]). И в другом письме еще с большей иронией Роза говорит про себя: «Мне ведь нужно иметь кого-нибудь, кто поверил бы мне, что я лишь по ошибке попала в водоворот мировой истории и в сущности рождена пасти гусей».

---

[1]) Р. Люксембург, Письма к К. и Л. Каутским, стр. 175
[2]) Ibid., стр. 161.
[3]) Ibid., стр. 148.

Роза Л., казалось, немного требовала от своего друга, но чтобы дать ей это немногое, чтобы не оттолкнуть от себя ее чуткую натуру каким-либо неуклюжим жестом, этот друг сам должен был обладать такой же, если не большей чуткостью и душевной деликатностью.

«Когда я снова буду у вас, пишет она Луизе из тюрьмы, ты опять, как бывало, возьмешь меня на руки в твоем большом глубоком кресле. Я зароюсь головой в твое плечо, а Ганс будет играть нам лунную сонату или часть патетической симфонии. Тогда опять все будет хорошо» [1]).

Сидя в тюрьме, Р. Люксембург неоднократно возвращается к этим мечтам о будущей встрече, о бесконечных беседах с глазу на глаз, «сидя обнявшись на диване».

Каждое письмо Л. Каутской в тюрьму она встречала радостным приветом и по-царски награждала за них Луизу Каутскую своими полными чарующей поэзии ответными письмами. Еще более благодарна она была как ей, так и С. Либкнехт за частые посещения ее в тюрьме, горячо протестуя, если посетителям казалось, что их приезд не приносит ей удовлетворения.

«Ты очень ошибаешься, обращалась она к Луизе К., если думаешь, что посещение твое не освежило и не обрадовало меня сердечно, так же, как и тебя».

Точно также не выносила она сомнений в искренности дружбы. Она при этом либо сама вполне искренно огорчалась, либо же, будучи всегда очень склонна к иронии, начинала высмеивать как бесмыслицу всякое подобное сомнение.

«Как это возможно, глупенькая, заявляет она в одном из писем к Луизе К., что время от времени ты все еще сомневаешься в моей дружбе: Я была поражена этим, зная, как прочны наши отношения... Что же это такое, что вновь и вновь возбуждает в тебе сомнение? Я пишу

---

[1]) Р. Люксембург, там же, стр. 168.

тебе редко, но ты ведь знаешь, конечно, что исключительной причиной этого является внешнее принуждение, которое мешает мне писать и делает самое писание тягостным для меня. Я не могу отдаваться, как я хотела бы, если при писании всегда должна думать о том, не вышло ли письмо за дозволенные пределы, не слишком ли оно длинно и т. п.» [1]).

Сама же она, сидя в тюрьме, интересуется буквально всем в жизни своего друга: «мелочи для меня не существуют, когда дело касается тебя: все для меня важно и имеет величайший интерес» [2]).

Когда Л. Каутская, делясь с Розой своими переживаниями, жаловалась ей на тяжести жизни, последняя ее неизменно подбадривала и заражала новой энергией, советуя своей подруге философски подходить к жизни. «Посмотри, говорит она Луизе, с каким холодным спокойствием возвышался Гёте над событиями дня. Подумай только, что пришлось ему пережить: великая французская революция, которая вблизи несомненно представлялась кровавым и совершенно бесцельным фарсом; затем, с 1793 по 1815 г. непрерывная цепь войн, в течение которых мир представлялся просто сумасшедшим домом. И с каким спокойствием, с какой душевной уравновешенностью продолжал он в то же время свои исследования о метаморфозе растений, о теории красок, о тысяче других вещей. Я не требую, чтобы ты писала стихи, как Гёте, но его жизнепонимание, универсальность интересов, внутреннюю гармонию—каждый может усвоить себе, или, по крайней мере, должен стремиться к этому. Если ты скажешь, что Гёте не был политическим борцом, то я думаю, что именно политический-то борец как раз и должен стремиться возвыситься над повседневностью. В противном случае он погрязнет в пустяках» [3]).

[1]) Р. Люксембург, Письма к К. и Л. Каутским. стр. 177.
[2]) Ibid., стр. 153.
[3]) Ibid., стр. 163.

«Дорогая, писала она в другом письме: не поддавайся малодушию! Побольше мужества, и что бы ни случилось, мы и впредь будем вести борьбу нашу с жизнью. Поверь мне: рука об руку друг с другом мы пробьемся и никогда не пропустим случая с благодарностью насладиться малейшей крупицей добра и красоты, еще оставшейся на свете» [1]).

Когда в апреле 1914 г. Л. Каутская тяжело захворала тифом в Риме и должна была почти два года провести в больнице, Р. Люксембург, не будучи в состоянии навестить ее там, чтобы дежурить у ее койки, в своих письмах выказывала к ней массу самой теплой заботливости, желания хоть чем-нибудь скрасить ее томительную болезнь. А когда пришло первое известие, что Л. Каутская поправляется, она встретила это известие такой бурной радостью, что невольно заражала ею и больную: «Столько бодрости, теплоты и жизненной энергии! Такой знаю я мою Лулу и такою я люблю ее. Ты, значит, опять выкарабкалась и так великолепно,—как я рада... Против революционного вмешательства в твой желчный пузырь я тоже высказывалась самым решительным образом; в данном случае и я стою за «стратегию измора»... И затем ты права: что такое человек без желчного пузыря. И особенно теперь, теперь жить без желчного пузыря! Нет, на это не способен даже ангел, а мы ведь с тобой никогда и не желали быть ангелами» [2]).

Постепенное расхождение Р. Люксембург с К. Каутским непосредственно не затронуло ее отношений к Луизе К. И когда еще в 1910 г. из-за этих разногласий Роза стала избегать встречь со своим бывшим учителем и другом, а Луиза К. упрекала ее и выражала скорбь по этому поводу, Р. Люксембург отвечала ей на

[1]) Р. Люксембург, Письма к К. и Л. Каутским, стр. 188.
[2]) Р. Люксембург, Письма к К. и Л. Каутским, стр. 147. Письмо от 18/IX—15 г.

это: «со всем тем, что считаешь правильным я согласна. Что я не изменилась к тебе, ты знаешь... Мне тяжелее всего, что не могу на этот раз тебя утешить и развеселить [1])».

И подруги, хотя и реже теперь встречались, но сохраняли неизменным свое отношение друг к другу. Тюрьма также не изменила их взаимоотношений, но даже, наоборот, казалось, еще больше усиливала их взаимное влечение и окрыляла надеждами на будущие встречи после тяжелой перенесенной разлуки. Но судьба распорядилась иначе, чем они обе предполагали, и после выхода Розы из тюрьмы в 1918 г. они уже больше не встречались.

Вот что сообщает по этому поводу сама Луиза Каутская:

«Выйдя из тюрьмы, Роза с первой же минуты была захвачена бурным вихрем, и судьба не дала ей опомниться ни на один момент, не предоставила ей ни малейшей передышки после всего того тяжелого, что было пережито ею. С головой окунулась она в революционное движение, вместе с К. Либкнехтом, всегда находясь там, куда я никогда не могла следовать за ней при всей моей любви к Розе и при всем моем преклонении перед ней.

«Если до сих пор политические разногласия, которые, собственно говоря, всегда разделяли нас в известной мере, никогда еще не отражались дурно на наших личных отношениях, если до этого мои возражения Роза отстраняла добродушным замечанием: «ты, глупая, ничего в этом не понимаешь», то теперь положение было таково, что приходилось делать выбор в ту или другую сторону» [2]).

«Но вместо свидания, продолжает Луиза Каутская свои воспоминания о последних днях Розы, которого я

---

[1]) Р. Люксембург, Письма к К. и Л. Каутским, стр. 135.
[2]) Ibid., стр. 192.

ожидала с такой надеждой, наступил тот день, который еще и сегодня представляется мне страшным невероятным кошмаром.

«Холодный ужас охватывает меня и бесконечная боль наполняет мою душу при воспоминании о нем в бессонные ночи».

Если в дружбе с Луизой Р. Люксембург искала для себя «пристань», то в отношении ее к Соне Либкнехт скорее проглядывает стремление самой быть такой пристанью; к ней она питает почти материнское чувство, выливающееся в нежной заботливости, в стремлении руководить ее развитием, чтением, показать ей всю красу окружающей жизни, научить понимать как ее, так и сущность человеческих взаимоотношений.

Мы уже имели случай привести две наиболее яркие картины из переживаний Розы, так четко воспринимавшей окружающий ее мир. Но таких или подобных, дышащих жизнью образов в переписке Розы Л. с С. Либкнехт многие десятки; они глядят буквально с каждой страницы маленькой книжки ее писем, обнажая неисчерпаемое богатство ее сердца.

Как она сама определяла С. Либкнехт, у нее внутренне сростание с окружающей природой принимало почти болезненные формы, в особенности в отношении органической природы.

Она готова плакать настоящими слезами над избитым буйволом, над холодным жаворонком, над умирающим или искалеченным навозным жуком.

«Напрасно я говорю себе, пишет она Соне Л., что это смешно, что я не могу быть ответственной за всех голодных хохлатых жаворонков на свете и не могу плакать о всех избитых буйволах... это мне не поможет и я положительно больна, когда слышу или вижу что-нибудь подобное» [1]).

---

[1]) Р. Люксембург, Письма из тюрьмы, стр. 56.

Но за то и наслаждаться красотой природы она умела как никто и находила ее буквально на каждом шагу.

Вот, например, какими штрихами она описывала Соне Л. свои переживания во время грозы:

«Меня в 6 часов, как всегда, снова заперли и я грустно сидела у окна с тупой болью в голове, так как было душно, и смотрела вверх, где на пастельном голубом фоне с белыми пушистыми облаками в головокружительной вышине весело носились ласточки и точно разрезали воздух своими заостренными крыльями, как ножницами. Но вскоре небо потемнело, все смолкло и началась гроза с сильным местным дождем и двумя оглушительными ударами грома, от которых все задрожало.

«Вслед за этим была такая картина, которой я не забуду. Гроза вскоре прошла дальше, небо стало густым, одноцветно-серым, внезапно спустились на землю глухие, бледные, призрачные сумерки, казалось, что свисали густые серые завесы; дождь совсем тихо и равномерно струился по листьям, зарницы раз за разом вспыхивали пурпурно-красным цветом посреди свинцово-серого неба и отдаленный гром все время громыхал, как последние слабые волны прибоя.

«И вдруг посреди всего этого призрачного настроения на клене перед моим окном запел соловей. Посреди всего этого дождя, молнии и грома он звенел, как светлый колокольчик, он пел, как в опьянении, как под влиянием навождения, как будто он хотел заглушить гром, осветить сумерки,—я никогда не слышала ничего до такой степени прекрасного. Его пение на фоне меняющегося свинцового и пурпурного неба действовало как светящийся серебристый блеск. Это было так таинственно, так несказанно прекрасно и я невольно повторяла последнюю строчку Гётевского стихотворения: «О если бы ты была здесь»... [1]).

[1]) Р. Люксембург, Письма из тюрьмы, стр. 27.

Но Роза Люксембург умела находить и описывать красоту жизни даже в таких условиях, где, казалось бы, нет даже и намека на нее и, поучая Соню Либкнехт, стремилась и в ней пробудить способность повсюду радостно воспринимать жизнь. При этом ей самой казалось непостижимым и странным собственное умение приспосабливаться ко всякой обстановке и повсюду отыскивать материал для радостных восприятий.

«Вчера я думала, рассуждает она по этому поводу, как странно, что я постоянно живу в радостном опьянении—без всякой особенной причины. Так, например, лежу я здесь в темной камере, на твердом, как камень матраце, вокруг меня в доме царит обычная кладбищенская тишина, кажется, что находишься в могиле; из окна на одеяло падает свет фонаря, который всю ночь горит перед тюрьмой. Изредка глухо слышится отдаленный шум проходящего поезда или совсем близко под окном откашливание часового, который со своими тяжелыми сапогами медленно делает несколько шагов, чтобы размять отекшие ноги. Песок так безнадежно скрипит под его шагами, что кажется будто звучит в сырую темную ночь вся пустота и безысходность существования. И я тихо лежу одна, окутанная этими разнообразными черными покровами темноты, скуки, неволи, зимы — и при этом мое сердце бьется от непонятной, неведомой внутренней радости, как если бы я шла по цветущему лугу при сияющем солнечном свете.

«И я в темноте улыбаюсь жизни, как будто бы я знала какую-то волшебную тайну, которая изобличает во лжи все злое и печальное и живет только в свете и в счастьи. И при этом я сама ищу причины для этой радости, ничего не нахожу и снова смеюсь сама над собой. Я думаю, что тайна не что иное как сама жизнь; глубокая ночная темнота — прекрасна и мягка, как бархат, если только правильно взглянуть; и в скрипе сырого песка под медленными тяжелыми шагами часового тоже поется ма-

ленькая прекрасная песнь о жизни, если только уметь правильно слушать.

«В такие моменты я думаю о вас. Я бы так хотела поделиться с вами этим волшебным ключем, чтобы вы всегда и во всяких положениях находили красоту и радость жизни, чтобы вы тоже жили в опьянении и как бы переходили через пеструю лужайку. Я не думаю кормить вас аскетизмом, надуманными радостями. Я предоставляю вам все настоящие чувственные радости. Я хотела бы только ко всему этому передать вам мою неисчерпаемую внутреннюю радостность, чтобы я была спокойна, что вы проходите сквозь жизнь в шитом звездами плаще, который охраняет вас от всего мелкого, тривиального и страшного» [1]).

Какой вдохновенной проникновенностью надо обладать, чтобы так глубоко воспринимать жизнь, как делает Роза в вышеприведенных строках.

Или вот еще одна картина: Р. Люксембург описывает в письме, как на тюремный двор въезжает несколько телег, через меру перегруженных разного рода имуществом. Груз так тяжел, что животные-буйволы, вывезенные из румынских степей, никак не могут перевалить телегу через порог при въезде в ворота. Погонщик-солдат, грубоватый парень, нещадно бьет их, так что у одного животного даже пошла кровь. На возмущенный вопрос одной из надзирательниц, неужели ему не жалко животного, он злобно отвечает: «нас ведь тоже никто не жалеет!»

«Сонечка, пишет по этому поводу Роза, буйволиная кожа вошла в поговорку за свою толщину и крепость и она была разорвана. Животные при разгрузке стояли совершенно тихо, измученные и одно из них, то, у которого шла кровь, стояло с таким выражением черного лица и кротких черных глаз, как у заплаканного ребенка.

---

[1]) Р. Люксембург, Письма из тюрьмы, стр. 43—44.

«Это было прямо выражение ребенка, который был жестоко наказан и не знает за что, почему, не знает, как уйти от муки и грубого насилия...

«Я стояла перед ним и животное смотрело на меня, у меня текли слезы,—это были его слезы; нельзя с большим страданием переживать горе любимейшего брата, чем я в своем бессилии переживала эту немую боль. Как далеки, как безвозвратно потеряны свободные, сочные, зеленые пастбища Румынии! Как по другому там светило солнце, дул ветер, как по иному звучали красивые песни птиц или мелодичные призывы пастухов! А здесь этот черный, страшный город, душное стойло, вызывающее отвращение, перепрелое сено, смешанное с гнилой соломой, чужие страшные люди и—удары, кровь, которая течет из открытой раны... О, мой бедный буйвол, мой бедный любимый брат, мы оба стоим здесь такие бессильные и покорные и объединены страданием, бессилием, тоской. Тем временем арестанты деловито копошились вокруг телеги, сгружали тяжелые мешки и таскали их в дом. А солдат, засунув обе руки в карманы, прогуливался большими шагами по двору, улыбался и тихонько насвистывал частушку. И вся великолепная война прошла передо мной...» [1]).

К вопросу о войне Р. Люксембург возвращается в своих письмах к Соне Либкнехт несколько раз и мысли, высказываемые ею попутно при этом, не могут не поражать ее глубоким проникновением в тайну социальных процессов, назревавших где-то в глубине.

«Я чувствую, пишет она в письме из Бреславля в мае 1918 г., как вы страдаете от того, что годы безвозвратно проходят, а мы «не живем». Но терпение и мужество! Мы еще будем жить и переживем великие события. Теперь мы видим, как целый старый мир проваливается, каждый день новый провал, новое гигантское

---

[1]) Р. Люксембург, Письма из тюрьмы, стр. 47.

падение... и самое смешное, что большинство этого не замечает и думает, что оно стоит на твердой почве» [1]).

Она не ограничивалась, однако, рассуждениями о войне и неоднократно, отвечая на недоуменные вопросы Сони Л. об окружающем неустройстве жизни, Роза давала ей такие глубокие своим внутренним содержанием ответы, что мы не можем удержаться, чтобы не привести на выдержку хотя бы два из них.

«Сонюша, пишет она в апреле 1917 г., вы спрашиваете в вашей открытке: «почему все так?» Дитя, «так»—это жизнь, издревле она приносила с собой страдание, разлуку и тоску. Нужно всегда принимать ее со всем и находить *все* красивым и хорошим. Я по крайней мере так делаю. Не из надуманной мудрости, а просто так по своей природе. Я инстинктивно чувствую, что это единственный правильный способ принимать жизнь и поэтому чувствую себя действительно счастливой во всяком положении. И я бы не хотела ничего вычеркнуть из своей жизни и что-либо пережить иначе, чем оно было и есть. Если бы я только могла довести вас до такого жизнепонимания...» [2]).

В другом письме она снова возвращается к «проклятым» вопросам Сони Л., которая спрашивала, «каким образом одни люди могут распоряжаться другими людьми? К чему все это?»

«Простите меня, отвечала ей Роза, но я при чтении громко расхохоталась... Птичка моя, вся культурная история человечества, которая по скромным оценкам продолжается уже двадцать тысячелетий слишком, основана на том, «что одни люди распоряжаются другими людьми», что глубоко коренится в материальных условиях жизни. Лишь дальнейшее мучительное развитие сможет изменить это и мы как раз теперь являемся сви-

---

[1]) Ibid., стр. 56.
[2]) Ibid., стр. 14.

детелями одного из таких мучительных периодов, а вы спрашиваете: «К чему это все?» — «К чему» — вообще не является понятием для жизни в целом и для ее форм. К чему есть синички на свете? Я право не знаю, но я радуюсь, что они есть и чувствую сладостное утешение, когда внезапно через стену, издалека, прозвучит торопливое «ци-ци-бэ».

II. На борьбу с империализмом.

Уже с самого начала XX столетия Р. Люксембург в своей агитационной деятельности постоянно уделяла должное внимание вопросам войны и империализма.

Выступая перед рабочими массами, она не забывала повторять своим слушателям о задачах пролетариата в борьбе с империализмом—увеличивать силу своих организаций и выковывать ясность своего сознания, чтобы быть готовым на случай возникновения мировой войны.

И чем больше затягивался узел дипломатического соперничества капиталистических наций Европы из-за рынков, тем тревожнее звучал голос Р. Люксембург, которая раньше многих других предвидела неизбежность всеевропейской империалистической войны; она определенно предостерегала о ее приближении уже тогда, когда еще никто и не думал о ее близости, а некоторые, в том числе и К. Каутский, даже вообще оспаривали ее возможность.

В 1907 г., выступая на Штутгартском интернациональном конгрессе, как делегатка польской с.-демократии, она совместно с представлявшим русскую с.-демократию тов. Лениным внесла в резолюцию о войне предложенную Бебелем поправку, принятую конгрессом и ставшую центральным пунктом всей штутгартской резолюции о войне,

так как она с полной ясностью выявила революционно-марксистский взгляд на задачи рабочей партии в случае возникновения войны.

Эта поправка гласила, что в случае войны необходимо вести борьбу за ее скорейшее прекращение и в то же время «подымать массы использовать созданный войной кризис для ускорения краха всего капиталистического строя».

Вместе же с тов. Лениным она принимала участие в работах подкомиссии конгресса по выработке этой резолюции, отстаивая еще более резко направленную против войны редакцию и только энергичные возражения Бебеля, который заявил, что при наличности подобной резолюции прокурорская власть немедленно же распустит все с.-демократические организации Германии, заставили ее пойти на уступки.

Позиция Р. Люксембург совместно с русской делегацией конгресса резко отличалась от точки зрения большинства немецкой и французской делегаций.

В немецкой делегации определенно и явно проглядывал оппортунистический уклон и отказ от прежних позиций Интернационала. Отдельные представители ее вроде Фольмара, Бернштейна и др. выступали даже с заявлениями, что рабочий класс не должен отвергать колониальной политики, а лишь должен стремиться проводить ее в «культурных» формах, насаждая культуру в колониях.

Даже Бебель определенно колебался и склонялся к правому крылу Интернационала, делая ему ряд уступок, предлагая в качестве примирительного выхода оставить все по старому.

Гедисты практически солидализировались с Бебелем, заявляя, что заниматься вопросами войны вовсе не следует, ибо они входят, как составная часть в общий вопрос борьбы с капитализмом. Позиция же Жореса хотя и была революционна, но только на словах: он предла-

гал бороться против войны всеми возможными средствами вплоть до всеобщих стачек и восстания, но наряду с этим готов был отречься от слов коммунистического манифеста, что пролетариат не имеет отечества.

Роза Люксембург, выступая на самом конгрессе против этих шатаний социалистической мысли, указывала, что колониальная политика неизбежно влечет за собой империалистические войны и что поэтому задачей социал-демократии ни в коем случае не может быть одобрение подобной катастрофической политики, наоборот, она должна стремиться использовать экономические и политические кризисы, вызываемые войной, чтобы вести рабочие массы на приступ капиталистического строя. Попытки ревизионистов отмахнуться от борьбы с империализмом ссылкой на то, что пролетариат бессилен противодействовать начинающейся войне, она разбивала ссылками на русскую революцию 1905 г.

«На последнем конгрессе в Амстердаме, говорила она, подвергался обсуждению вопрос о массовой стачке и... было принято решение, объявившее нас несозревшими и неподготовленными для массовой стачки. Но материалистическая диалектика, на которую так охотно ссылался тов. Адлер, очень скоро осуществила то, что мы объявляли невозможным.

«Я должна выступить против Фольмара и, к сожалению, также против Бебеля, которые заявляли, что мы не способны сделать больше, чем делали до сих пор. Но русская революция не только вышла из войны, она сама послужила к прекращению войны, ибо царизм иначе несомненно повел бы последнюю дальше.

«Историческую диалектику мы понимаем не в том смысле, чтобы «со скрещенными руками ждать, пока она принесет нам зрелые плоды. Я убежденная сторонница марксизма и именно поэтому я вижу великую опасность в том, чтобы марксистским взглядам придавать такую неподвижную фаталистическую форму».

Начиная с 1910 г. для Р. Люксембург не оставалось уже сомнений в самой реальной близости европейского пожара.

Вся обстановка бешеной международной конкуренции капитала, все возраставшая вакханалия роста вооружений—ясно говорили, что катастрофа неизбежна и Р. Люксембург, предчувствуя все ужасы возможной войны, целиком уходит в борьбу с империалистическим угаром и шовинизмом.

Она отдается этой работе и теоретически и практически.

Теоретически эта борьба выразилась в создании самого крупного ее исследования экономических проблем—«Накопление капитала»; практически—в ее непрерывных самых решительных выступлениях против милитаризма. За 1912—13 гг. Роза Люксембург изъездила буквально всю Германию вдоль и поперек. Никем не поддерживаемая из признанных вождей с.-демократии, она ведет энергичную агитацию, выступая на многочисленных митингах и собраниях против милитаризма и призывая рабочие массы Германии к массовым демонстрациям против империалистической политики правительства, к борьбе за республику.

Она надеялась своей агитацией заставить сдвинуться с мертвой точки и с.-д. партию тем более, что ее выступления почти повсюду встречались рабочими массами очень сочувственно. Во время авантюры в Марокко Р. Люксембург открыто выступила против Ц. К. с.-дем. партии с обвинениями в бездеятельности и выдвигала массовую стачку, как единственное средство борьбы против нависшей угрозы войны.

Осенью 1913 г. она выступала со своей обычной темой во Франкфурте на-Майне, призывая пролетариат энергичнейшим образом противодействовать той опасности, навстречу которой его толкал капитализм и правительство Гогенцоллернов, и в своей речи она, между прочим, сказала: «если нам предложат стрелять в наши

французских братьев, мы скажем: «нет, этого мы не сделаем!»

Правительство, давно косившееся на ее агитационную деятельность, решило тогда ее устранить. Прокуратура немедленно придралась к этому выступлению, усмотрев в нем наличность недопустимого для буржуазного благополучия преступления — призыв солдат к неповиновению и предала ее за эту речь суду.

Классовый же суд, несмотря на блестящую защитительную речь, произнесенную ею в защиту, во время которой она бесстрашно кидала судьям в лицо обвинения против «прусского режима», приговорил Р. Люксембург к году тюрьмы.

Но Красная Роза не думала уступать или падать духом. Воспользовавшись отсрочкой исполнения судебного приговора в виду поданной ею апелляции, она немедленно же снова принялась за прерванную работу, выступая с новыми речами против бесчеловечного обращения, практикуемого в германских казармах.

Прокуратура привлекла ее немедленно к суду вновь, расчитывая добиться усиления наказания, но на этот раз ее ожидания не оправдались.

Новое дело должно было слушаться в Берлине почти накануне начала европейской войны. Но на защиту Р. Люксембург в первый же день суда явилось несколько сот свидетелей, готовых подтвердить ужасы казармы, а защита заявила суду, что у нее таких свидетелей записано несколько тысяч человек.

Правительство испугалось столь внушительной антимилитаристской демонстрации, да еще накануне решающих событий, поспешило отложить процесс, и последний больше не возобновлялся.

Приговор же по первому делу был утвержден последней инстанцией в феврале 1915 г. и Роза Люксембург немедленно же была заключена в тюрьму, хотя по точному смыслу указа об амнистии ее должны были освободить от наказания.

Воспользовавшись этой отсрочкой, Р. Люксембург с первых же дней войны поспешила сорганизовать вокруг себя всех оставшихся верными заветам Интернационала.

Измена Германской оффициальной с.-демократической партии, голосовавшей 4-го августа за военные кредиты, ее, конечно, сильно потрясла, но не явилась для нее уже полной неожиданностью. Ей все же казалось, что среди партии найдется достаточное количество популярных среди рабочей массы лиц, чтобы за их подписью можно было немедленно опубликовать манифест с протестом против войны и поведения с.-демократической фракции рейхстага.

Но она жестоко ошиблась. На ее призыв откликнулось всего два человека (Ф. Меринг и К. Цеткин); и еще один-два сперва соглашались подписать манифест, но затем взяли свое согласие обратно. Разумеется, с тремя подписями выпускать манифест было немыслимо и эту мысль пришлось оставить.

Но Р. Люксембург все же не унывала. Отказавшись от мысли о выпуске манифеста и ясно видя, что в атмосфере шовинистического угара, охватившего не только рабочие массы, но и с.-демократическую партию, не приходится думать о легальной работе против войны, она немедленно же принялась за организацию подпольной группы для осуществления той же работы конспиративным путем.

В эту группу вошли Ф. Меринг, Ю. Мархлевский, Л. Иогихес, супруги Дункер, Ланге, Э. Мейер, В. Пик, Эберлейн и немногие др.

Положение этой подпольной организации вначале было не из важных: не было ни средств, ни партийного аппарата, а у большинства участников ее кроме того не было ни малейшей подготовки к конспиративной деятельности.

Но тем не менее дело все же понемногу пошло и Р. Люксембург приложила все усилия, чтобы, не ограничиваясь одной этой группой, охватить подобными организациями сторонников Интернационала по возможности всю Германию.

При ближайшем содействии Л. Иогихеса была оборудована типография; при помощи его же и ряда других деятельных членов подпольной группы было налажено распространение нелегальной литературы, которую группа начала выпускать в виде листков против войны.

Кроме того, она совместно с Ф. Мерингом попыталась также организовать издание легального журнала «Интернационал», но первый же его номер был конфискован, а самый журнал закрыт. Перу Р. Люксембург в этом единственном номере «Интернационала» принадлежала статья «Восстановление Интернационала». В ней, заявив, что 4-ое августа было днем крушения Социалистического Интернационала, она считала, что «Интернационал либо и после войны останется кучей обломков, либо начнет возрождаться на основе классовой борьбы... Он воскреснет к новой жизни не под звуки вновь заведенной после войны старой шарманки, на которой станут бойко и непринужденно, как будто бы ничего не случилось, наигрывать старые мелодии, пленявшие до 4-го августа весь мир. Восстановление Интернационала может начаться только путем сурово-беспощадного осмеяния и отрешения от собственной половинчатости и собственных слабостей—своего собственного нравственного падения со дня 4-го августа». При этом она беспощадно высмеивала шатания К. Каутского, который пытался спасти положение, заявляя, что Интернационал представляет собой «в сущности орудие мира, но не аппарат, применимый во время войны». Указывая Каутскому, что он стало быть диктует пролетариату два различных правила поведения: одно для мира, а другое для войны, она предлагала ему быть последовательным до конца и перефразировать исторический призыв коммунистического манифеста: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь во время мира и перегрызайте друг другу глотки во время войны!»

Так же зло насмехалась она и над В. Адлером, который на страницах австрийского журнала «Борьба»,

старался обосновать ту мысль, что политикой пролетариата во время войны должно быть молчание и что деятельность социализма должна возобновиться лишь после благовеста мира.

«Как теория добровольных евнухов, отвечала ему Р. Люксембург, считающих возможным охранить добродетель социализма только путем устранения его, как фактора, в решительные моменты мировой истории, эта теория страдает основным пороком всех расчетов политической импотенции: в ней расчет сделан без хозяина».

Беспощадно бичуя в этой статье позицию «центра» Германской с.-демократии, его бесхарактерность и лакейство перед оппортунизмом, Р. Люксембург давала в ней вполне выдержанное изложение позиции революционного марксизма.

Уже к февралю 1915 г., благодаря усилиям Р. Люксембург, удалось собрать в Берлине представителей небольших подпольных групп, работавших над пробуждением пролетариата от угара шовинизма.

Подпольная работа немецких интернационалистов понемногу начинала становиться на прочные рельсы, но самой Р. Люксембург почти не пришлось в дальнейшем участвовать в этой работе самолично, так как германское правительство, как только узнало о созыве этого тайного съезда, тотчас же поспешило вдохновителя и инициатора его—Красную Розу упрятать в тюрьму, воспользовавшись для этого утверждением приговора по старому делу и не считаясь с тем, что Роза еще совершенно не оправилась от только-что перенесенной тяжелой болезни.

Но и сидя в тюрьме, Р. Люксембург находила способы помогать делу своих товарищей: она умудрялась там составлять и пересылать на волю боевые листовки, которые печатались в тайной типографии.

Сидя же в тюрьме на Бирнимштрассе, Р. Люксембург подготовила и выпустила в свет один из наиболее

ярких своих трудов—брошюру «Кризис социал-демократии».

При исключительно тяжелых условиях пришлось ей писать этот труд: «работы политического характера были ей строго запрещены. Потихоньку, с большими трудностями, под строгим наблюдением надзирающего глазка, излагала она под видом дозволенных научных и литературных занятий свои глубокие основные расхождения с с.-демократией, скупо используя на это каждую минуту времени, каждую искру света. Усталость, болезнь исчезали перед силой внутреннего убеждения. Она переносила самое тяжелое, самое мучительное: бесчисленное количество раз приходилось ей прерывать ход своих мыслей, она не была уверена, что не будет захвачена при работе и что у нее не будет отнята возможность довести свою работу до конца» [1]).

Но она все же довела ее до конца и сумела переправить рукопись товарищам на волю.

В этой брошюре, посвященной не столько «кризису с.-демократии», сколько оценке войны и опровержению патриотических утверждений о ее национальном, оборонительном характере, Р. Люксембург с редкой выпуклостью вскрывала ее империалистический характер и ее цели. Историю этой войны она излагала не с июля 1914 г., а десятки лет назад, когда только начинал завязываться тот клубок экономических противоречий, разрубить который мировой империализм пытался этой войной. Срывая с войны окружавшую ее патриотическую оболочку и обнажая ее сущность, «как голый факт капиталистического предприятия, как торговлю международного капитала жизнью и смертью», она также беспощадно обрушивалась на Германскую с.-д. партию, которая своей политикой 4-го августа стала поддерживать эту войну.

---

[1]) Р. Люксембург, Кризис с.-демократии. Предисловие К. Цеткин, стр. XIII—XIV.

Поведение с.-д. партии она называла предательством интересов пролетариата и игрой на руку господствующих классов. Она ясно и определенно говорила о неизбежности развала II Интернационала и высказывалась за необходимость воссоздания его на совершенно новых основаниях.

Задавая вопрос, чем должен быть новый Интернационал, Р. Люксембург отвечала:

«Классовая борьба в буржуазных государствах против правящих классов и международная солидарность пролетариев всех стран это—два нераздельных правила рабочих в их всемирной борьбе за свободу... В Интернационале лежит центр тяжести классовой организации пролетариата. Интернационал определяет во время мира и во время войны тактику национальных секций в вопросах милитаризма, колониальной политики, торговых договорах, майского праздника и общую тактику в случае войны. Обязанность исполнять решения Интернационала стоит выше всех иных организационных обязанностей. Национальные секции, не подчиняющиеся этим решениям, ставят себя вне Интернационала».

Появление этой брошюры, изданной нелегально в начале 1916 г., было подобно ослепительному блеску молнии среди политических сумерек, предвещавшей наступление освежающей грозы. В затхлую атмосферу подавляющей отчужденности рабочих масс, о которую первые месяцы разбивались все усилия интернационалистов, эта брошюра внесла первую оздоровляющую струю свежего воздуха и положила прочное начало пробуждению германского пролетариата от чудовищной летаргии патриотического гипноза. Несмотря на ряд ошибок, допущенных в этой брошюре Р. Люксембург, внутренние достоинства ее работы настолько значительны, что долго сохранят за ней значение редкого по силе и остроте оружия для пролетариата в его борьбе за торжество революционной теории и практики.

К ошибкам же ее надо отнести следующее. Она почему-то умалчивает о внутренней связи немецкого социал-патриотизма с оппортунизмом, тогда как именно здесь лежат корни «предательства» фракции в исторический день 4-го августа, как это и было выявлено на страницах журнала «Интернационал», редактировавшегося той же Р. Люксембург.

Затем она повторяет здесь свою старую ошибку недооценки национального вопроса, заявляя, что в эпоху разнузданного империализма «не может быть никаких национальных войн». Это тем более странно, что тут же рядом Р. Люксембург признает с полнейшей определенностью «за каждым народом право на независимость и свободу, на самостоятельное распоряжение своими судьбами». Исчерпывающая критика этой ошибки Р. Люксембург была проделана тотчас же после выхода в свет ее брошюры тов. Лениным, который на ряде примеров иллюстрировал полнейшую возможность национальных и притом победоносных войн и в эпоху разнузданного империализма.

Наконец, третьей ошибкой Р. Люксембург является то, что она, признавая, что «с.-демократы обязаны защищать свою страну в момент большого исторического кризиса» противопоставляет при этом империалистическим призывам не революционные лозунги социализма, а утопическую национальную программу, предлагая пролетариату повернуться лицом к прошлому и бороться за осуществление программы К. Маркса и Энгельса, выдвинутой ими 70 лет тому назад при совершенно иных социально-политических условиях.

Закончив эту брошюру и переправив ее из тюрьмы на волю, Р. Люксембург настаивала, чтобы товарищи издали ее непременно под ее собственной фамилией, но друзья ее этому категорически воспротивились, так как отлично понимали, что за издание подобной брошюры ей грозит долголетнее заключение в каторжной тюрьме. По-

этому работа эта, изданная к тому же нелегально, появилась под псевдонимом «Юниус».

Выйдя из тюрьмы по окончании года отсидки, Роза Люксембург как бы старалась наверстать упущенное время и отдалась всецело революционной деятельности.

Теперь с ней рядом работал также и Карл Либкнехт, который при объявлении войны сперва колебался и только через несколько месяцев определенно примкнул к левому течению.

Работа теперь также шла уже в широком масштабе; немецкий пролетариат во многих местах уже освобождался от патриотического угара первых месяцев войны и 1 мая 1916 г. удалось даже организовать первую майскую демонстрацию за время войны. Правда, за участие в этой демонстрации К. Либкнехт должен был заплатить $4^1/_2$ годами тюрьмы, но зато во время суда над ним в Германии демонстративно прекратили работу большинство заводов, работавших на оборону.

Таким образом агитация Р. Люксембург и ее левых друзей начинала приносить уже плоды.

Но самой Красной Розе пришлось не долго поработать на воле. Как ни старалась она конспирировать в своей работе, все же она всегда оставалась на виду у прусской полиции. Последняя же расправлялась со всеми, выступавшими против общегражданского мира с беспощадной суровостью.

С Р. Люксембург поступили даже проще, чем с К. Либкнехтом. Не располагая достаточными данными, чтобы снова привлечь ее к суду, в июне 1916 г., т.-е. всего три месяца спустя после первой отсидки, ее арестовали снова, но уже в административном порядке и продержали в тюрьме около $2^1/_2$ лет, т.-е. до самого начала германской революции.

Сидя и в новой тюрьме, Р. Люксембург не порывала связи со своими политическими друзьями, продолжая снабжать их статьями для листовок, которые появлялись

под заглавием «Писем Спартака», и занимаясь выработкой директив и лозунгов для начавшего уже возрождаться широкого пролетарского движения. Брошюры и листки, выпускавшиеся ими, буквально засыпали всю страну. Многие из них выходили в 300.000 экз. Листки и прокламации печатались на следующие темы: «Кто виноват в войне?», «Мир на земле», «Главный враг—в собственной стране...».

Эта работа Р. Люксембург и ее сподвижников сказалась и на с.-демократической партии Германии: в ней также повеяло новым духом и уже в марте 1915 г. при голосовании военных кредитов 18 депутатов демонстративно покинули зал заседания, а летом 1915 г. в президиум с.-демократической фракции стали поступать заявления с требованиями отказа от тактики гражданского мира и возобновлении классовой борьбы по всей линии. В числе подписавшихся в количестве нескольких сот были члены рейхстага, члены ландтагов, редакция «Vorwärts'a», «Лейпцигской Народной Газеты» и др. В июне того же года на страницах «Лейпцигской Народной Газеты» Каутский, Гаазе и Бернштейн выступили с воззванием, подчеркивавшим несовместимость с программой партии поддержки завоевательной войны и требовавшим изменять тактику как в парламенте, так и вне его. В декабре 1915 г. уже 23 чел. покинули зал заседания во время голосования военных кредитов и 20 человек голосовало против них. К средине 1916 г. тактику Шейдемана фактически поддерживало уже меньшинство партии и только условия военной обстановки мешали большинству партийных организаций проявить свою волю. В низах партии заметно возрастало крайнее левое течение и хотя к концу 1916 г. борьба этого течения с оффициальной партией начинала принимать все более резкие формы, но левое крыло не спешило формально порвать с с.-демократической партией, пользуясь ее организационным и агитационным аппаратом для усиления своего влияния в рабочих массах.

12. Новая теория накопления капитала и империализма, выдвинутые Р. Люксембург.

Крупнейшим теоретическим трудом Р. Люксембург является ее книга «Накопление капитала», написанная ею почти перед европейской войной в 1913 г.

Толчком для Розы Люксембург к этой работе послужили ее занятия над составлением популярного введения в политическую экономию, которое она подготовляла для издательства «Vorwärts» еще значительно раньше. Взявшись в январе 1912 г. за окончание этой работы, от которой ее отвлекали постоянно агитационная деятельность и работа в партийной школе, она вдруг натолкнулась при этом на неожиданное затруднение: ей никак не удавалось изобразить с достаточной ясностью «совокупный процесс капиталистического производства в его конкретных отношениях, а также его объективные исторические границы». После сложного и вдумчивого анализа всего материала, имеющегося у К. Маркса по этому вопросу, Р. Люксембург пришла к выводу, что в данном случае она имеет дело не с вопросами изложения, но с новой проблемой, теоретически тесно связанной с вопросами, затронутыми К. Марксом во II томе «Капитала» и попыталась сама взяться за ее разрешение.

В первых шести главах своего труда она дает достаточно ясное изложение теории Маркса о простом и расширенном воспроизводстве; при этом изложение настолько убедительно, что для читателя является совершенно неожиданным ее переход в последующих главах к столь же ясной и остроумной критике этих теорий. Попутно в ряде глав ею дано также достаточно яркое изложение истории проблемы кризисов и теории рынков, при этом особенно рельефно изображены те теоретические схватки, которые вспыхивали вокруг вопроса о рынках и обрисована длинная вереница экономистов XIX века с их бесплодными и беспомощными попытками над разрешением проблем, связанных с реализацией капиталистической прибавочной ценности.

Эта часть работы выполнена Р. Люксембург, можно сказать, с исчерпывающей полнотой. И, наконец, в последней части своего исследования она останавливается на изучении исторических условий накопления капитала и больше всего внимания уделяет «практике» империализма. Отдельные места этой части «Накопления капитала» по силе и образности изложения напоминают главу К. Маркса о первоначальном накоплении, вписанную огненно-кровавыми буквами в историю человечества. К критике «самого» К. Маркса Р. Люксембург подходит очень осторожно и начинает ее с того, что устанавливает на основании свидетельств самого Ф. Энгельса, какой предварительный характер носили заметки К. Маркса, положенные в основание выпуска II тома его «Капитала». Затем, подчеркивая, что сам К. Маркс на всем протяжении II тома неоднократно возвращается к вопросам воспроизводства капитала, она усматривает в изложенных им схемах «недостаточный способ доказательства» и допущенную им основную методологическую ошибку: «Сама постановка вопроса у Маркса была все время неправильна. Нет никакой, сколько-нибудь осязательной цели ставить вопрос, откуда берутся деньги для реализации прибавочной стоимости. Вопрос должен

гласить, откуда берется спрос на прибавочную стоимость, где платежеспособная потребность в ней?» [1]).

Эта работа целиком увлекла и захватила Р. Люксембург. Позднее, вспоминая в одном из своих писем к Луизе Каутской, она так характеризовала свои настроения во время создания этого труда:

«Как в опьянении писала я ее, — клянусь тебе, что эта книга от начала до конца является первой моей работой, которую я сдала в печать, *не читая:* до такой степени она захватила меня. Но потом, когда книга была написана, с ней было покончено и я совершенно позабыла о ней. Теперь я специально прочитала ту часть, о которой ты пишешь, чтобы посмотреть, что могло там понравиться тебе; совершенно чуждой показалась она мне. Это наверное потому, что работа над книгой была для меня таким сильным переживанием» [2]).

В своем чистом виде развиваемая Р. Люксембург в «Накоплении капитала» теория представляется в следующем виде:

Для капитализма является характерным не простое, а расширенное воспроизводство, т.-е. накопление капитала, для чего требуется наличность платежеспособного спроса на излишек произведенных товаров.

Но этот все время возрастающий спрос не может исходить ни из класса капиталистов, для которого прокучивание всей прибавочной стоимости являлось бы, по образному выражению Р. Люксембург, «экономическим самоубийством» или «смертным грехом против святого духа капитала», ни из рабочего класса, так как покупательная способность последнего резко ограничена минимумом, необходимым для воспроизводства рабочей силы.

Не может этот спрос на излишек товаров исходить

---

[1]) Р. Люксембург, Накопление капитала, стр. 108.
[2]) Р. Люксембург. Письма к К. и Л. Каутским, стр. 148.

и от естественного прироста населения, так как этот прирост обычно учитывается размерами заработной платы.

«Чисто капиталистическое общество, говорит по этому поводу Р. Люксембург, которым оперировал Маркс, приводит нас таким образом в тупик, из которого нет выхода; пока мы остаемся в предположении, что общество состоит лишь из буржуазии и пролетариата, капиталисты, как класс, не в состоянии сбыть всей своей прибавочной ценности, они не в состоянии превратить ее в деньги, а следовательно накоплять» [1]).

Придя таким образом к выводу, что в обществе, состоящем только из капиталистов и рабочих «реализация прибавочной ценности с целью накопления представляет собой... неразрешимую задачу» [2]), Р. Люксембург считает необходимым для разрешения этой задачи обратиться к некапиталистическим слоям и странам. Только своеобразный «обмен веществ» между капитализмом и некапиталистическими слоями и странами дает, по ее мнению, возможность капиталистическому обществу сбывать ту часть прибавочной ценности, которая назначена к накоплению. И подобно тому, как немыслима органическая жизнь в безводной пустыне, точно также немыслимо развитие капитализма при отсутствии некапиталистических слоев и стран, которые являются питательной почвой для его развития.

И Р. Люксембург рисует яркую картину «питания» развивающегося капитализма, который, вступая в обмен с некапиталистическими элементами и сталкиваясь при этом с значительными затруднениями, которые ему ставит не знающее обмена натуральное хозяйство, не останавливается перед самыми героическими средствами для завоевания необходимого рынка. Он насильственным путем

[1]) Р. Люксембург, Накопление капитала, стр. 321.
[2]) Там же.

разрушает в отсталых странах первобытные натурально-хозяйственные и патриархально-крестьянские отношения, вводит взамен их товарное хозяйство, превращающее прежних самостоятельных хозяев в покупателей капиталистических товаров. Чудовищным, ничем не прикрытым грабежом миллионов порабощенных жителей колоний, капитал с чрезмерной быстротой ускоряет собственное накопление, а оно вновь стремительно толкает его на поиски все новых и новых элементов, необходимых для нового «обмена веществ».

Но чем больше участие капиталистических стран в погоне за новыми рынками и чем меньше становятся те некапиталистические районы, которые открыты для него еще, тем ожесточеннее ведется конкурентная борьба вокруг этих сфер накопления, тем в большей мере его «экскурсии на мировой арене превращаются в цепь экономических и политических катастроф: в мировые кризисы, революции и войны».

Империализму таким образом Р. Люксембург дает чисто экономическое объяснение, но совершенно иное, чем принятое в марксистской литературе до того и наиболее выпукло изложенное в «Финансовом капитале» Гильфердинга.

В то время, как Гильфердинг, отыскивая корни империализма, переносит центр тяжести своего исследования на изучение специфического характера экономической структуры капитализма последних десятилетий, с его стремлением «обезличивать» капитал, с его гигантскими частно-предпринимательскими монополиями, охватывающими сплошь и рядом целые отрасли промышленности, с присущим ему «сращиванием» промышленного капитала с банковым, создающим своего рода единый хозяйственно-оперативный штаб, безраздельно владычествующий над целыми странами и материками, Р. Люксембург находит присущие империализму признаки не в своеобразной структуре новейшего капитализма, а в экономике капи-

талистического общества вообще и тесно связывает его с проблемой накопления капитала.

Труд Р. Люксембург при появлении в свет вызвал много толков в особенности в Германии и породил целую критическую литературу.

Только отзывы Ф. Меринга и Ю. Карского отмечали достоинства ее исследования; вся же остальная марксистская критика отнеслась к ее книге прямо враждебно (обширные статьи А. Паннекука, О. Бауера, Г. Энштейна и др.); редакция центрального органа с.-демократической партии сочла нужным даже оффициально высказать свое осуждение книге Р. Люксембург.

Но справедливость требует признать, что насколько эта критика была порою резка, настолько же она была и поверхностна и была продиктована не столько объективным анализом научных достоинств труда, сколько стремлением свести фракционные счеты с его автором.

И для Р. Люксембург поэтому не представило большого труда уже во время войны, сидя в тюрьме, дать обстоятельный ответ своим критикам в брошюре «Накопление капитала, или что эпигоны сделали с теорией К. Маркса», и едко высмеять их критические эксперименты.

Эта брошюра была издана только после смерти Розы ее друзьями, так как своевременно редакция «Neue Zeit» под вежливым предлогом отклонила ее.

Несколько более содержательна критика «Накопления капитала», появившаяся уже в самое последнее время в русской марксистской литературе (статьи Ш. Дволаицкого, Л. Крицмана), но и они все же страдают слишком поверхностным отношением к попыткам Р. Люксембург разрешить одну из серьезнейших проблем политической экономии.

Что Р. Люксембург не совсем права в своей основной концепции о роли третьих лиц (некапиталистических элементов) при расширенном воспроизводстве, это русской

критике удалось осветить, противопоставив ее теории точку зрения Н. Ленина, достаточно определенно выявленную им еще во время теоретических схваток русского марксизма с народничеством в 90-х годах истекшего столетия.

Здесь не место вдаваться в детальный критический разбор теории Р. Люксембург о накоплении капитала и корней современного империализма. Но все же следует отметить, что этот труд ее, являющийся смелой попыткой исправить и продолжать анализ К. Маркса, прерванный им буквально на полуслове, заслуживает более вдумчивого и внимательного отношения к себе, чем какое было проявлено к нему до сих пор. Если Р. Люксембург и не удалось вполне справиться со всей сложной задачей, перед которой останавливался и могучий аналитический ум Маркса, то все же ее достаточной заслугой является уже то, что она выдвинула во весь рост вопрос о роли третьих лиц в развитии и судьбах капитализма, теоретически еще почти не разработанный, но имеющий весьма важное значение в переживаемую эпоху пробуждения сознательности среди населения колониальных стран.

Революционное чутье Р. Люксембург правильно подсказало ей все значение этой проблемы, стоящей на очереди и требующей разрешения, которая оказалась гораздо более сложной, чем предполагала она сама.

В упрек ей, пожалуй, можно поставить лишь то, что, пытаясь разрешить эту проблему, она, увлеченная найденным решением вопроса, не сочла нужным более основательно проверить свои выводы, взвесив их со всевозможных сторон; как она сама признавалась, работа была сдана в печать даже без вторичного просмотра, а между тем дело шло о теме, перед трудностями которой, по ее же собственному указанию, останавливался сам К. Маркс, снова и снова пытаясь найти исчерпывающее решение при подготовке II тома своего «Капитала».

Некоторые из критиков пытались упрекать Р. Люк-

сембург и в том, что будто бы выдвинутая ею теория фаталистична, так как создает будто бы научное оправдание для отказа от активной борьбы за социализм.

Но подобного рода упреки, равно как и целый ряд неосновательных ссылок критики, будто бы она проглядела особенности современного ей империализма, не учла влияния государства, кредита и т. п. при разрешении вопроса о накоплении капитала, является не более как плодом сплошного недоразумения.

Разве можно хоть на минуту представить себе склонной к фатализму Розу Л., которая говорит в одном из своих писем к Л. Каутской:

«Мне думается, подле моря господствующим чувством должно быть чувство собственного ничтожества перед лицом этой вечности, неизменности, величайшего спокойствия. У меня было это чувство при виде Рейнского водопада в Швейцарии, и его непрерывный шум, не прекращающийся ни днем, ни ночью, переживая столетия, наполнил меня смутным уничтожающим чувством... похожее действие оказывает миросозерцание, при котором о всех событиях говорится, как у Бен-Акиба: «так всегда было», «все само собой образуется» и пр., и человек со своей волей, умением, знанием становится таким ненужным. *Я поэтому ненавижу такую философию* и остаюсь при убеждении, что лучше броситься в Рейнский водопад и исчезнуть в нем, как скорлупа, чем дать ему и дольше шуметь, мудро покачивая головой, как он шумел при наших предках и будет шуметь после нас» [1]).

Сама пламенный борец до мозга костей, не останавливающийся ни перед какими препятствиями, Р. Люксембург не могла бы органически явиться защитницей какой бы то ни было фаталистической теории. И подобной защиты, разумеется, и нельзя отыскать на страницах ее «Накопления капитала». Наоборот, она неоднократно

[1]) Р. Люксембург, Письма к К. и Л. Каутским, стр. 54—55.

подчеркивает, что развиваемая ею тенденция империалистического капитализма настолько резко обостряет классовые противоречия, что восстание пролетариата должно покончить с господством капитализма задолго до того момента, когда наступит его естественная смерть.

13. Роза Люксембург в тюрьме.

Четыре раза пришлось Розе Люксембург изведать тюрьму.

Впервые она попадет туда в сентябре 1904 года по постановлению суда, приговорившего ее к тюремному заключению за оскорбление величества.

Ее посадили в одиночную камеру окружной тюрьмы в Цвикау, лишив совершенно свиданий и ограничив ее переписку одним письмом в месяц.

Но Роза Люксембург сразу же ушла в занятия и довольно легко переносила вынужденное одиночество.

Когда ее друзья и родные, обеспокоенные суровыми условиями ее заключения, пытались добиться смягчения их, Р. Люксембург поспешила их успокоить.

«Мне очень хорошо, писала она Луизе Каутской: воздух, солнце, книги и человеческое внимание окружают меня».

Впрочем, ей пришлось пробыть в тюрьме в первый раз недолго, всего полтора месяца.

Совершенно неожиданно по случаю вступления на престол Фридрих-Августа Саксонского была объявлена амнистия и ее применили к Розе против ее собственного желания.

Она даже сперва не хотела подчиниться приказу о досрочном освобождении, демонстративно заявляя, что не

желает принимать ненавистную ей амнистию, но все ее протесты ни к чему не повели.

Эти полтора месяца тюремного заключения Р. Люксембург провела за книгами, мечтая о предстоящей работе после выхода из тюрьмы, о предстоящей новой борьбе с ревизионизмом, которому она только-что давала бой в Амстердаме. Впрочем, настроение ее во время отсидки не всегда было ровное и радостное. Моментами на нее нападала тоска, с которой ей трудно было справиться.

«Ах, Бецнельхен, жалуется она своему маленькому другу—сыну Каутских, в такой маленькой камере можно даже потерять большой предмет. Со мной это раз случилось, когда я потеряла терпение. Это был мрачный, дождливый день и я напрасно искала потерянное по всей камере» [1]).

Во второй раз Роза попадает в тюрьму в России, как бы в наказание за свою попытку приобщиться активно и непосредственно к борьбе польского пролетариата.

Царское самодержавие, расценивавшее подобные стремления революционно настроенных личностей, как тягчайшее преступление, готово было жестоко расправиться с Р. Люксембург и только счастливая случайность помогла тогда Розе избавиться от предназначенной ей каторжной тюрьмы.

За свои три месяца напряженной революционной работы в Варшаве Р. Люксембург заплатила только тремя месяцами предварительного заключения, сперва в арестантском отделении при полицейской части, а затем была переведена в варшавскую политическую тюрьму Павиак на Дельной улице.

Условия сидения в полицейской части были прямо анекдотичны по своему безобразию.

Охранка неистовствовала во всю, хватая и виновных

[1]) Р. Люксембург, Письма к К. и Л. Каутским, стр. 77.

и правых и наполняла ими тюрьмы и полицейские части до отказа. В камере, куда попала Р. Люксембург, расчитанной в нормальное время только на одного заключенного, оказалось 14 политических; и все считали это еще сносным, так как все могли по крайней мере одновременно спать, устилая своими телами пол камеры. В соседних же камерах переполнение было еще больше; сплошь и рядом число обитателей такой «одиночки» достигало 30—60 человек, так что спать приходилось посменно, по 2—3 часа в день, в то время как остальные «гуляли».

Второй, еще более тяжелой стороной заключения в полицейской части было то, что туда сажали в одну кучу всех: и политических, и уголовных, и душевнобольных, и проституток. Легко вообразить, каково было вообще сидеть в такой обстановке, но атмосфера заключения еще более сгущалась, когда в такую переполненную камеру попадал буйный «мишугине» (сумасшедший). Тогда теснота и сутолока еще более усугублялись напряжением всей нервной системы и дело нередко кончалось массовыми истериками и нервными заболеваниями.

На Р. Люксембург, однако, эта обстановка мало действовала. Даже отдавая себе ясный отчет, что арест грозит ей серьезными последствиями; предвидя, что ее инкогнито рано или поздно будет раскрыто и царская охранка не погладит ее по головке за активное участие в руководстве революционной борьбой, она все-таки не унывает, полна энергии, сил, полна еще пыла борьбы...

«Да здравствует ре..., со всем, что она несет», несколько раз повторяет она в своих письмах из тюрьмы к Каутским, так наивно конспирируя свое бьющее через край чувство упоения революцией.

Она все время продолжает надеяться, что хотя «в общем дело серьезно, но мы ведь живем в неустойчивое время... я вообще не верю в долгосрочные векселя и обязательства...».

Варшавские друзья Розы настойчиво уговаривали ее, когда ее инкогнито уже было открыто, немедленно телеграфировать русскому премьер-министру гр. Витте и обратиться за содействием к германскому консулу в Варшаве. Но Р. Люксембург категорически отвергла эти советы.

«И не подумаю об этом, говорила она: эти господа могут долго ждать, прежде чем социал-демократка попросит у них защиты и права».

Не имея возможности систематически заниматься и работать в только-что описанной нами кошмарной обстановке заключения при полицейской части, Р. Люксембург умудряется все же и оттуда вести самую оживленную конспиративную переписку.

Своим уцелевшим товарищам по работе в Варшаве она шлет свои указания и советы, отсюда же она направляет Каутскому ряд распоряжений, как поступить ему с польскими партийными фондами, которые при отъезде в Россию она предусмотрительно перевела на его имя и поручает тому же Каутскому взять на себя представительство с.-демократии Польши и Литвы в Международном Бюро.

Словом, и в душной атмосфере полицейского застенка Роза остается верной самой себе и своим революционным заветам.

Впрочем, помимо чисто партийных дел, здесь, в полицейском участке на нее самой администрацией тюрьмы была возложена еще одна не менее хлопотливая обязанность—успокаивать вышедших из равновесия душевнобольных заключенных.

«Я обнаружила в себе талапты», иронически сообщает по этому поводу о себе самой Р. Люксембург, «укротительницы строптивых и должна поэтому ежедневно появляться на арене, чтобы несколькими спокойными словами укрощать неистовую ораторшу, могущую довести мир до отчаяния. (повидимому, эта дань невольного ува-

жения перед еще более совершенной «говорильной машиной»)» [1]).

Как только охранная полиция окончательно установила личность Р. Люксембург, ее из полицейской части перевели в тюремный замок Павиак.

Здесь условия заключения уже были совершенно иные. Правда, и эта тюрьма, как, впрочем, и все места заключения в революционные годы, была переполнена и на тюремном дворе с раннего утра до 9 ч. вечера, по уверению Розы, стоял «во всем здании и на дворе—ад кромешный: уголовные вечно бранятся и кричат, а «мишугине» впадают в припадки ярости, которые, естественно, у прекрасного пола находят себе выход преимущественно в изумительной работе языка».

Но за то здесь Роза Люксембург располагала отдельной камерой и могла по крайней мере по вечерам без особых помех заняться литературной работой. И она действительно как бы стремится наверстать потерянное время.

Неизвестность положения ее мало тяготила и она оставалась совершенно спокойной даже тогда, когда в местных газетах появилась заметка, что ее собираются предать военному суду.

Так же мало внимания обращала она и на заверения своих друзей, что ее удастся скоро освободить; она примирилась с неизбежностью ссылки в Сибирь и только расчитывала, что оттуда удастся довольно быстро организовать побег. А пока что, она продолжала усердно работать и в первые же две недели заключения в Павиаке успела составить несколько агитационных брошюр; последние переправлялись из тюрьмы на волю и там немедленно шли в печать.

Настроение у нее во все время заключения более чем бодрое; она продолжает жить переживаниями революционных дней; постоянное общение с близкими това-

---

[1]) Р. Люксембург, Письма к К. и Л. Каутским, стр. 100.

рищами по работе дает ей возможность и самой быть в курсе дела. Сведения о развитии революционных событий заражают ее бесконечной бодростью.

«Да здравствует революция!.. На воле работа идет хорошо, я уже читала новые номера газеты. Ур-ра!», пишет она К. Каутскому [1]).

При случае она не прочь и позлословить и, например, по адресу того же адресата однажды разразилась следующей шуткой:

«Знаете ли вы, чье имя чаще всего упоминается в ратуше, в «политической» 3-ей камере? Каутский. Дело в том, что в камере имелось несколько переводных брошюр этого господина, и так как пятнадцать жаждущих душ спорили о них, то не проходило и четверти часа, чтобы в каком-нибудь углу не раздавалось:

«Не знаете ли вы, где лежит Каутский»?

«Так как этому не было конца, то меня часто подмывало воскликнуть»: перестанете ли вы, наконец, говорить об этом болване Каутском».

«Но я молчала. Только раз, когда этот вопрос был задан на 5 минут позже 10 часов вечера, я не могла удержаться и воскликнула. «О, вы, молодые дурачки, я знаю, где лежит Каутский: он лежит сейчас в кровати, и храпит так, что стены дрожат» [2]).

Единственно, что огорчало Розу Люксембург во время заключения в Павиаке—это хлопоты ее родных о ее освобождении, стремившихся всех поднять на ноги.

«Мне крайне тяжело, писала Р. Люксембург, по этому поводу тому же К. Каутскому, что родственники мои сделали из моего случая такой казус и даже затормошили наших patres conscripti; я бы не позволила этого. Но как известно, «сидящий» человек объявляется несовершеннолетним не только начальством, но и собственными друзь-

[1]) Ibid., стр. 99.

[2]) Ibid., стр. 102. Намек на привычку Каутского рано ложиться спать.

ями... Во всяком случае, я настоятельно прошу тебя, мой милый Карл, не допускай обращения к Бюлову; ни в каком случае я не хотела бы быть ему чем-либо обязанной, так как это связало бы мою свободу в агитации и я не смогла бы говорить о нем и о правительстве так, как это нужно» [1]).

Во время заключения в варшавской тюрьме Розе пришлось перенести 6-ти дневную голодовку во время одного из очередных протестов политических заключенных. Она так ослабела, что когда после этого ее позвали на свидание, то пришлось ее почти нести на руках; свидание происходило в клетке с двойной решеткой и Роза все время должна была обеими руками держаться за проволоку, чтобы не упасть.

Расчитывая быть скоро высланной, а оттуда также быстро удрать, Р. Люксембург предполагала затем вернуться сразу же в Германию, но ее при этом смущало то, что там ей тоже угрожал процесс за одну из очередных ее политических речей и по некоторым отрывочным сведениям, доходившим до Розы во время ее заключения, немецкие власти выражали пожелание, чтобы она была освобождена, но одновременно доставлена к границе, но, во всяком случае, *до начала сессии рейхстага*. Такого рода оговорка звучала очень определенно, угрожая Розе немедленным арестом в Германии.

Поэтому после неожиданного для нее освобождения из тюрьмы под залог, прежде чем направиться в Германию, она постаралась разузнать о действительных размерах грозившей ей опасности, запрашивая об этом своего адвоката и семью Каутских.

«Я, конечно, не думаю, писала она последним, избегать встречи с Веймарским дядюшкой [2]), чем бы он мне ни угрожал, если только, как это обычно бывает, он

---

[1]) Ibid., стр. 103.
[2]) Т.-е. процесса.

оставит меня на некоторое время в покое и отсрочит финал. Но так просто пасть в его дружеские объятия,— для этого у меня теперь слишком мало времени, к тому же есть занятие и поважнее. Поэтому, друзья мои, попытайтесь через мудрых фиванцев разузнать не то, что мне в конце-концов угрожает, так как это мне в высокой мере безразлично, а то, не буду ли я немедленно, как только кончик моего носа проникнет в сферу королевско-прусской свободы (ибо нос мой проникает повсюду прежде всего) схвачена за этот самый нос и посажена в мешок. Это единственно интересует меня» [1]).

Вследствие этих неожиданных осложнений попасть в Германию сразу ей не удалось и она некоторое время должна была, выжидая ответа на свои запросы, провести в Финляндии, где в то время еще чувствовалась относительная свобода и где благодаря этому находили себе приют многие из активных революционных деятелей России.

Здесь, находясь в постоянном общении с людьми, принимавшими непосредственное участие в революционных событиях 1905—1906 г.г., Р. Люксембург могла пополнить свои собственные наблюдения над настроениями и поведением революционных партий, проверить свои выводы и подвергнуть критике ошибочную, с ее точки зрения, тактику русских товарищей.

Ее приводило в смущение и обескураживало то общее впечатление растерянности, дезорганизации и путаницы в понятиях и тактике, на которые она при этом наталкивалась среди русских с.-демократов.

«Ей богу, ре(волюция) велика и могуча, только бы с.-д. ее не погубила», иронически восклицает Р. Люксембург по этому поводу.

Не взирая на то, что в Куоккала, маленькой финляндской приграничной станции, где поселилась Роза,

[1]) Ibid., стр. 101.

за нею все время производилась усиленная слежка, она все же, бравируя явной опасностью снова быть арестованной, несколько раз выбиралась оттуда в Петербург, между прочим и для того, чтобы добиться свидания с сидевшими там в тюрьме и ожидавшими отправки в далекий Туруханский край Л. Дейчем и Парвусом.

Петербург 1906 г. ее разочаровал своим внешне спокойным и казенным видом с обыденной житейской сутолокой, в особенности по сравнению с Варшавой:

«Там на каждом шагу грозит непосредственная опасность для жизни, что меня, конечно, подстрекает немедленно же поехать туда. Там в десять раз более интересно, чем в этом сонном Петербурге, где на улице даже не видно, что происходит революция» [1]).

Около месяца должна была Р. Люксембург провести в Финляндии в вынужденном бездействии, с которым не хотела мириться ее деятельная натура. Но сказать, что она ничего в это время не делала, можно только относительно: ее письма за этот период полны планов литературных работ и подготовки к будущим выступлениям среди германской с.-демократии.

Был момент, когда она решилась «просто упаковать свои чемоданы и пуститься в путь, что бы из всего этого ни вышло». Но, наконец, все опасения были устранены и Р. Люксембург, покинув пределы негостеприимной России, благополучно добралась через Швецию до Германии, попав прямо с корабля на... Мангеймский партейтаг, чтобы скрестить там шпаги по вопросам новой тактики массовых выступлений.

Третий и четвертый раз Р. Люксембург попадает в тюрьму уже во время мировой войны.

С февраля 1915 г. по февраль 1916 г. она должна была просидеть в берлинской женской тюрьме на Бирминштрассе по судебному приговору за полную нападок

---

[1]) Р. Люксембург, Письма к К. и Л. Каутским, стр. 113.

на германский империализм речь, произнесенную ею во Франкфурте на-Майне.

А едва она успела выйти из тюрьмы в феврале 1916 г. после первой отсидки, как над ней уже повисла вторая. Как ни старалась она законспирировать свою подпольную работу, направленную против войны и патриотического угара, она всегда оставалась на виду у прусской полиции, которая расправлялась с беспощадной суровостью со всеми, кто осмеливался выступать против общегражданского мира.

С Р. Люксембург на этот раз поступили еще проще, чем по предыдущему делу. Не располагая достаточными данными, чтобы расправиться с нею снова в судебном порядке, ее в июле 1916 г., т.-е. всего три месяца спустя после выхода из тюрьмы, арестуют снова, теперь уже в порядке охраны и предварительного заключения, которое, однако, оказалось более продолжительным, чем предыдущий суровый судебный приговор: Роза должна была безвыходно просидеть в тюремном мешке около двух с половиною лет и вышла оттуда благодаря лишь разразившейся в ноябре 1918 г. германской революции.

Правительство Гогенцоллернов прекрасно понимало, какого настойчивого и последовательного врага оно имеет в лице неутомимой Розы; оно, правда, убедилось на опыте, что ее энергии и революционного пыла нельзя сломить и долгим тюремным заключением, но оно также прекрасно видело, что едва только выпущенная на волю Р. Люксембург тотчас же начинает объединять вокруг себя всех последовательных сторонников борьбы с империалистическим угаром, охватившим большинство с.-демократической фракции рейхстага. И оно поспешило снова упрятать неутомимую Розу за толстые тюремные стены, чтобы совершенно отрезать ее от внешнего мира и лишить всякой возможности воздействия на рабочий класс Германии, одна часть которого безропотно погибала на полях сражений, в то время как другая, также безро-

потно, забыв о традициях своей полувековой классовой борьбы с этим правительством, отдавала свои силы тому же Молоху войны, без устали и отдыха выковывая ружья, снаряды, пушки, удушливые газы и прочие средства истребления таких же пролетариев, как и они сами. С 10 июля 1916 г. по 10 ноября 1918 г. должна была на этот раз провести Р. Люксембург в тюрьмах Берлина, Вронке и Бреславля.

На этот раз власти побоялись доводить дело до суда и связанной с ним неизбежной огласки и постарались создать для нее обстановку, еще более изолировавшую ее от внешнего мира, чтобы, по возможности, ни одно слово революционного борца не могло бы проникнуть за пределы толстых тюремных стен.

Свидания с нею были ограничены одним разом в месяц, да и то под строгим надзором тюремной стражи; книги и письма допускались к ней только после самой строгой цензуры.

Но все усилия тюремщиков заставить замолчать бичующий и вещий голос Розы должны были разбиться о ее стальную волю и неослабную энергию.

Она и в тюрьме продолжала работать над пробуждением германского пролетариата от шовинистических настроений. Несмотря на все ухищрения тюремных властей, Р. Люксембург сумела и в обстановке сурового тюремного режима найти десятки способов, чтобы продолжать общение со своими единомышленниками. Но она не только поддерживала в последних дух протеста и борьбы, она и сама принимала, сидя в тюрьме, активное участие в этой борьбе и ее голос порой звучал в Германии вопреки всем цензурным рогаткам с такой силой и мощностью, точно это происходило в предреволюционную эпоху, а не в годы глухой империалистической реакции.

Как бы забывая о всей окружавшей ее обстановке, Р. Люксембург неустанно продолжала звать немецкий

пролетариат на борьбу; из своей камеры она продолжала влиять на революционное пробуждение немецких рабочих и в бесконечно долгие дни и ночи своего одиночного заключения она все силы своего ума и души умела направить и вылить в один мощный протестующий призыв, раздававшийся за стенами тюрьмы, как призывный набат.

Перу Р. Люксембург в этот период принадлежит большинство агитационных листков, появившихся под заглавием «Письма Спартака».

Несмотря на строгости тюремного надзора, все написанное ею попадало на волю благодаря содействию безгранично преданной ей Матильды Якоб и получало широкое распространение благодаря еще более несокрушимой энергии другого ее друга и сподвижника Лео Иогихес.

Но долгие годы строгого тюремного режима не прошли, разумеется, для Р. Люксембург бесследно; они отразились на всем ее организме, подорвали ее физические силы и без того очень скромные, а в последний год заключения стало ухудшаться и ее психическое состояние.

Уже полгода спустя после вторичного заключения в 1916 г. она стала подмечать у себя какую-то повышенную чувствительность; всякое переживание действовало особенно сильно на ее нервы: «я в самом деле, пишет она о себе самой, превратилась до некоторой степени в человека без кожи: маленькая падающая на меня тень приводит меня в содрогание. Повидимому, год на Бирминштрассе, затем 4 месяца бешеной работы, а теперь снова 7 месяцев одиночества на разных этапах, не прошли для меня бесследно» [1]).

Ее начинает выводить из равновесия всякое сколько-нибудь сильное переживание, хотя бы и радостное, вроде,

[1]) Р. Люксембург, Письма к Каутским, стр. 167.

например, получения подарка от друзей; тяжелые же переживания совершенно выбивают из колеи и она уже не в силах быстро справляться с ними и силой собственной воли восстанавливать нарушенное равновесие.

«У меня, сообщает она в декабре 1916 г. Л. Каутской, только-что кончился кратковременный период самой жалкой трусости. В течение нескольких дней дул у нас ледяной шторм и я чувствовала себя такой ничтожной и слабой, что совсем не выходила на воздух, боясь замерзнуть».

«Будучи в таком настроении, добавляет Роза, я, разумеется, страстно ожидала сердечного теплого письма. Но, к сожалению, друзья мои всегда ждут первого толчка от меня» [1]).

«В общем я держусь бодро и хорошо, жалуется она в другом письме, в особенности если я совершенно одна, но при всяком волнении, даже радостном, мои нервы отказываются служить».

И чем дальше, тем эти переживания становятся у Розы все более настойчимыми, отражаясь на ее работоспособности. Физическое ее состояние начинает также сильно хромать. Уже в августе 1917 г. она должна была провести более недели в постели, а после перевода ее в октябре того же года в бреславльскую тюрьму ее на долго свалила желудочная болезнь.

Тщетно старалась она сама себя успокаивать и подбадривать; тяжелый тюремный режим губительно сказывался на ее хрупком здоровьи.

«Не сердись на меня, дорогая, пишет она Луизе К., что за последнее время я стала так скупа на слова. Дело в том, что я чувствую себя совсем не важно, и хуже всего то, что я понятия не имею, почему, так как делаю все возможное, чтобы держаться. Очевидно, болезнь моя

---

[1]) Ibid., стр. 160.

просто недоразумение и надо терпеливо дожидаться лучших дней» [1]).

Сказывалось, конечно, одиночное длительное заключение, которое легко могло бы привести и к трагическому концу, если бы не стойкая, всепобеждающая сила воли Р. Люксембург, помогавшая ей и здесь, в тюрьме, переносить невзгоды и лишения и упорно бороться с начинавшимся у нее расстройством нервной системы.

Она начала страдать бессонницей и подмечала у себя постепенно развивавшуюся боязнь толпы и навязчивые мысли.

«Ужасом веет на меня, жалуется она Луизе Каутской, от всяких коллективных писем, по большей части столько же крикливых и банальных, какими становятся и сами люди, собравшись вместе в большом числе... Знаешь, какая мысль преследует и страшит меня? Я вижу себя в огромном переполненном зале; меня охватывает яркий свет огней и многоголосный шум толпы; меня встречает и сопровождает обычный гром аплодисментов, когда я пробираюсь к трибуне, и вдруг меня охватывает чувство, что мне нужно бежать. Мною овладел страх перед многолюдством, и одна мысль о том, что мне придется быть вместе с 5 или 6 друзьями и может быть слышать при этом громкий смех, приводит меня в подавленное настроение» [2]).

«Когда долго находишься в заключении, делится она с той же Луизой К., то невольно развивается такая психология: время от времени рождаются навязчивые представления; вдруг просыпаешься среди гробовой тишины тюремного склепа с непоколебимой уверенностью в том, что у такого-то или такого-то из любимых людей случилось несчастие. По большей части оказывается скоро,

[1]) Р. Люксембург, Письма к Каутским, стр. 173.
[2]) Ibid., стр. 167.

что это не что иное как фантазия, химера, но иногда — нет...» [1]).

Смерть близких действует на нее гнетуще, но силой воли она отгоняет от себя и мрачные мысли и навязчивые представления и в такие моменты на вас смотрит снова прежняя жизнерадостная Роза с ее умением иронизировать и над своими недугами, с ее редкой скромностью по отношению к себе самой.

Она, приходящая в восторг от всякого внимания друзей, на прямой вопрос Луизы Каутской, не нуждается ли она в чем-нибудь, шутливо отвечает ей: «Один или два фунта конопляных семечек для моих птичек. Помимо этого я не ведаю никаких горестей и вполне довольна нашей планетой. Ибо она все же движется».

И в другом письме: «Для себя самой я хотела бы заказать военное пирожное, которое ты уже раза два посылала мне: вкус его слегка напоминает о рае...».

Каждой весной обычно Р. Люксембург оживала и в тюрьме и набиралась от общения с окружавшей ее скромной природой новых сил.

«Весна всегда влияет на меня, признавалась она сама, прямо чудесным образом. Не знаю, отчего это, но чем дальше я живу, тем сознательнее и глубже переживаю каждый год чудо весны... Каждый день для меня восхитительное чудо и мне жаль лишь, что недостаток свободного времени мешает мне всецело отдаться созерцанию...».

«Я не представляю себе высшего блаженства, как бродить в апреле—мае по полям, или хотя бы по городским улицам, останавливаться перед каждым палисадничком, любоваться на зеленеющие кусты с почками, на каждом из них свернутыми по иному, на распускающиеся клены с их желто-зелеными звездами, выглядывающими из весенней травки. Право же я теперь ни в

[1]) Ibid., стр. 187.

чем так не нуждаюсь, ничего так не жажду, как иметь возможность проводить таким образом часок в день. Не пойми меня ложно; я не говорю, что хотела бы ограничиться этим и отказаться от активной жизни мыслящего существа. Я говорю лишь, что этим моя потребность в личном счастье была бы удовлетворена вполне и что этим одним я была бы вознаграждена за все лишения борьбы и вооружена против всех ее невзгод» [1]).

Но тюрьма подтачивала ее силы с каждым годом и последние месяцы заключения Р. Люксембург была принуждена приостановить свои усиленные занятия. Но, будучи не в состоянии обходиться совершенно без научной работы, она сперва заменяет свои теоретические занятия геологией и вообще естествознанием, а затем взялась за еще более легкий труд, за переводную работу и подготовила в последний год своей отсидки перевод на немецкий язык «Записок моего современника» В. Г. Короленко, снабдив его собственным предисловием о характере творчества этого выдающегося художника.

---

[1]) Р. Люксембург, Письма к Каутским, стр. 169.

14. Роза Люксембург и Октябрьская революция.

Когда в России началась октябрьская революция, Р. Люксембург находилась в тюрьме. Частью из газет, попадавших ей в руки, частью же по письмам друзей она знала о характере и размерах переворота, узнавала об отдельных фактических событиях, об осуществляемых мероприятиях, но, разумеется, всех этих сведений было далеко недостаточно, чтобы возможно глубже осмыслить и правильно осветить события октябрьской революции.

Уже в письмах Розы к Луизе Каутской можно найти ее отклики на развернувшуюся в России титаническую борьбу, завершившуюся переходом власти в руки пролетариата.

Так, например, вскоре же после октябрьского переворота, как только до нее дошли первые известия о событиях в Петербурге и Москве, Р. Люксембург писала своей подруге:

«Радуют тебя россияне? Конечно, в этом шабаше ведьм они не смогут удержаться, не потому, что статистика доказывает отсталость экономического развития России, как высчитал твой ученый супруг, но потому, что социал-демократия высокоразвитого Запада состоит из самых жалких трусов и спокойно будет смотреть, как русские истекают кровью». И все же, несмотря на весь

свой скептицизм, она заявляла: «Но так лучше погибнуть, чем оставаться «жить для отечества», это — акт всемирно-исторического значения, следы которого не исчезнут во веки» [1]).

Немного времени спустя, Р. Люксембург в своих письмах к Луизе К. снова возвращается к глубоко интересующему ее вопросу.

«Да, о большевиках!—писала она,—конечно, они не во всем правы в их фанатическом стремлении к миру. Но в конце-концов *они* не виноваты. Они в безвыходном положении и, выбирая из двух зол, предпочитают меньшее. На *других* лежит ответственность за то, что русская революция идет на пользу дьяволу... Подметем-ка лучше у собственных дверей. События в целом грандиозны и будут иметь еще неисчислимые последствия» [2]).

И, наконец, в третий раз она коснулась октябрьского переворота в переписке с Л. Каутской спустя полгода, когда после некоторого периода затишья стали назревать в России первые признаки самой ожесточенной гражданской войны.

На Р. Люксембург эти известия, дошедшие до нее в передаче буржуазной прессы, произвели гнетущее впечатление, усиленное еще больше болезненным и нервным состоянием, в каком она в это время находилась.

... «Мне вдруг пришло на мысль, говорит она, что я сама себя сознательно ввожу в заблуждение, баюкаю себя мыслью о том, будто живу еще нормальной человеческой жизнью, между тем как вокруг меня царит, собственно говоря, атмосфера гибели мира. Может быть как раз те двести «искупительных казней» в Москве, о которых я вчера прочитала в газете, и вызвали во мне это настроение» [3]).

---

[1]) Р. Люксембург. Письма к К. и Л. Каутским, стр. 176. Письмо от 24/XI—1917.

[2]) Ibid., стр. 182.

[3]) Ibid., стр. 187.

Таким образом у Р. Люксембург на основании доходивших к ней в тюрьму сведений составилось довольно критическое отношение к развертывавшимся в России событиями, когда в сентябре 1918 г. ее посетил в бреславльской тюрьме Пауль Леви, разделявший тогда целиком точку зрения Российской Коммунистической партии; его старания преодолеть критику Розы не имели успеха. Она продолжала настойчиво указывать на ряд допущенных в России ошибок. Но, как и всегда, она не считала возможным в данном случае оставаться пассивной.

Наоборот, отдавая себе ясный отчет о глубоких последствиях этого революционного сдвига и страстно стремясь посильно принять активное участие в борьбе русских коммунистов, чтобы своей критикой повернуть течение событий на более правильный, по ее мнению, путь, она тогда же набросала критический очерк о русской революции.

В своей работе Р. Люксембург прежде всего констатировала, что русская революция явилась не результатом войны и военных поражений царизма, но таилась в тех внутренних противоречиях русской жизни, которые достаточно назрели еще до начала войны.

Затем она переходит к резкой критике Каутского и его сторонников, заявлявших, что «Россия, являясь страной экономически отсталой и главным образом земледельческой, еще не созрела для социальной революции и диктатуры пролетариата», что поэтому в России возможна только буржуазная революция и необходима с неизбежностью исторического закона коалиция пролетариата с либеральной буржуазией.

Р. Люксембург указывала, что эта аргументация явилась результатом стремления «свалить с международного и в первую очередь с германского пролетариата ответственность за судьбы русской революции». Поэтому одной из задач своей критической работы она ставила

выявление того факта, что исход войны и русской революции доказал не отсталость России, а незрелость германского пролетариата для выполнения выпавших на его долю исторических задач.

Точку же зрения большевиков, строивших свою политику целиком на расчете поддержки мировой революции пролетариата, Р. Л. всецело одобряла и считала ее «самым блестящим доказательством их политической дальновидности, их принципиальной твердости и смелого размаха их политики».

Настаивая на том, что рабочим партиям всего мира необходимо возможно ближе подойти к восприятию уроков и опыта русской революции, подвергая их вдумчивой критике, она считала, что «было бы в самом деле безумием ожидать, чтобы при первом всемирно-историческом эксперименте с диктатурой рабочего класса и к тому же при самых тяжелых условиях, которые только можно придумать: разгар мирового пожара и хаоса империалистической бойни народов, в железной петле самой реакционной милитаристической державы Европы, при полном бездействии международного пролетариата, чтобы при эксперименте с рабочей диктатурой в таких ненормальных условиях все до единого, что делалось в России было верхом совершенства».

Переходя затем к критике отдельных мероприятий Советской власти, Р. Люксембург подробно останавливалась на попытке разрешения аграрного вопроса, на выставлении лозунга самоопределения национальностей и на отношении коммунистов к всеобщему избирательному праву и демократии вообще.

Анализируя попытку разрешить аграрный вопрос, она указывала, что хотя лозунг о немедленном захвате крестьянами помещичьих и казенных земель был очень прост и удобопонятен, но он имел и обратную сторону в том, что такой непосредственный захват земель не имел ничего общего с социалистическим хозяйством, приводил

не к созданию общественного достояния, а к «раздроблению сколько-нибудь организованных крупных хозяйств на примитивные мелкие, работающие при помощи техники времен египетских фараонов».

По ее мнению, вопрос о будущей социализации сельского хозяйства, благодаря допущенной ошибке, должен стать непримиримым противоречием между городом и деревней; при более же правильном подходе к делу надо было, с одной стороны, проводить меры в направлении будущей социалистической реформы земельных отношений, а с другой—должно было избегать всего того, что закрывает путь и доступ к подобным мероприятиям.

Так же отрицательно относилась она и к выставленному Российской Коммунистической партией лозунгу права самоопределения народов, указывая, что за этой «фразой в действительности скрывался государственный распад России, что этот лозунг помог буржуазии русских окраин мобилизовать свои силы и закабалить пролетариат». По ее мнению, ошибка состояла в том, что националистическим сепаратистским стремлениям не было своевременно противопоставлено сплочение всех революционных сил на всем пространстве государства, солидарность и нераздельность пролетариата всех национальностей для защиты неприкосновенности революционной территории.

Р. Люксембург, кроме того, указывала, что этот лозунг Советской власти в России находился в резком противоречии как с определенным централизмом ее политики во всех других областях, так и с позицией, какую она заняла по отношению к другим демократическим принципам.

Переходя к последним, она высказывалась в своей критической работе против упразднения большевиками Учредительного Собрания, всеобщего избирательного права и всех важнейших гарантий здоровой общественной жизни и политической активности трудящихся масс.

Вполне соглашаясь с аргументацией Троцкого, что нельзя было вверять судьбы страны собранию, отражавшему в себе вчерашнюю Россию, она все же отвергала его последующий вывод о ненужности какого бы то ни было Учредительного Собрания и вообще о непригодности во время революции представительства, полученного путем всенародных выборов.

Так же критически отнеслась Р. Люксембург к выработанному Советским правительством избирательному праву. Она признавала, что в момент острой борьбы за власть, когда весь средний класс, вся буржуазия и интеллигенция упорно бойкотировали Советское правительство, применение против них всех средств принуждения, в том числе лишение политических прав и даже экономических средств существования, было безусловно необходимо.

Но общее лишение прав широких слоев населения, ставящее их политически вне рамок общества, при невозможности создать экономически для них место внутри этих рамок,—лишение прав «не как конкретная мера для конкретной цели», а как общее постоянное правило—ею решительно отвергалось.

Наряду с Советами, составлявшими остов пролетарской власти, она считала необходимым и созыв Учредительного Собрания.

Точно так же высказывалась Р. Люксембург и против отмены демократических свобод.

Не делая из демократии какого-либо фетиша, рассматривая ее лишь как средство, а не как самоцель, она заявляла, что исторической задачей пролетариата после достижения власти является создание социалистической демократии вместо буржуазной, но отнюдь не отмену всякой демократии. Формальной буржуазной демократии она резко и определенно противопоставляла реальную пролетарскую демократию и заявляла, что только этим путем можно вызвать к жизни наибольшую сумму опыта

и активности широких трудящихся масс в целях удержания пролетариатом власти в своих руках. Она считала ошибкой большевиков противопоставление ими демократии диктатуре.

«Это общеизвестный, бесспорный факт, говорила она, что без свободной, ничем не стесняемой печати и вне условий беспрепятственной свободы союзов и собраний совершенно немыслимо господство именно широких народных масс... Но свобода только для приверженцев правительства, только для членов какой-либо партии, как бы многочисленны они ни были,—не есть свобода! Свобода есть всегда свобода инако мыслящих».

Она особенно подчеркивала необходимость самой широкой активности народных масс, которые должны возможно полнее принимать участие в новой жизни: «Иначе социализм будет декретирован, навязан за зеленым столом кучкой интеллигентов. Безусловно необходим общественный контроль; в противном случае обмен опытом останется только в замкнутом кругу чиновников нового правительства, и развращение их неизбежно».

Признавая, что Советы должны остаться единственным истинным представительством трудящихся масс, Р. Люксембург вместе с тем находила необходимым для активности самих Советов самое широкое сохранение общегражданских прав, ибо, говорила она: «с удушением политической жизни всей страны должна все более и более парализоваться и жизнь Советов. Без всеобщих выборов, без широкой свободы печати и собраний, без свободной борьбы мнений замирает жизнь в каждом общественном учреждении, становится мнимой жизнью, такой, в которой одна только бюрократия остается активным элементом. Действия этого закона никто не избегает. Мало-по-малу засыпает общественная жизнь, а несколько десятков партийных вождей, обладающих неисчерпаемой энергией и безграничным идеализмом, властвуют и царят; от их имени управляет в действительности какой-нибудь

десяток выдающихся голов, а отборная часть трудящихся от времени до времени созывается на собрания, чтобы аплодировать речам своих вождей и единогласно принимать предложенные ими резолюции» [1]).

Такова в общих чертах критика Р. Люксембург коммунистической тактики в октябрьскую революцию.

Эта брошюра была написана ею в сентябре 1918 г., т.-е. всего за один—два месяца до начала германской революции, немедленно освободившей Розу из тюрьмы и позволившей ей самой стать участницей широко развернувшихся революционных событий в Германии. До этого момента критическая работа Р. Люксембург не могла быть выпущена в свет, а вслед за тем уже и сама она была против ее издания, так как с выходом из тюрьмы, получив возможность из первых источников познакомиться с условиями, сопутствовавшими развертыванию революции в России и кроме того начав проверять свои выводы в условиях начавшейся германской революции, она довольно быстро и радикально изменила многое в своих первоначальных взглядах.

Как будет подробнее указано в другом месте, Р. Люксембург вынуждена была сама выдвинуть и в Германии лозунг борьбы с Национальным Собранием, которое, как утверждала она, будет использовано буржуазными классами, как попытка противодействовать власти Советов.

Дальнейшее развитие германской революции пошло иным путем, нежели в России; Р. Люксембург поэтому не приходилось взвешивать на опыте непосредственной борьбы германского пролетариата правильность тактики, примененной в русской революции, но она не переставала повторять и в своих статьях на страницах «Роте Фане», и на рабочих собраниях и на съезде спартаковцев о необходимости бороться за осуществление власти Советов. Ее не смущало при этом и то обстоятельство, что в Гер-

[1]) К. Цеткин, Р. Люксембург и русская революция, стр. 31.

мании идее советской власти приходилось во многих случаях еще только прокладывать путь в пролетарской среде. Она сама признавала, что даже там, «где имеются Советы рабочих и солдатских депутатов, нет сознательного отношения к тому, для чего они существуют. Мы должны сперва утвердить в сознании масс идею о том, что эти Советы должны быть во всех отношениях рычагом всего государственного механизма и что они должны получить в свои руки всю власть... От этого еще неизмеримо далеки даже те рабочие массы, которые уже сорганизовались в Советы»...

Но, как и всегда в своей революционной работе, Р. Люксембург не смущалась грандиозностью стоявшей перед ней и коммунистической партией Германии задачи. «Я не берусь предсказывать, говорила она на съезде спартаковцев, сколько времени потребуется для этого процесса. Да и кто из нас станет это высчитывать, кого это интересует? Хватило бы только нашей жизни довести дело до конца»!

И она упорно продолжала пропагандировать идею Советской власти, так как только в ней видела реальную возможность осуществления социализма в Германии, единственную возможность успеха революции, сохранения единства немецкого государства и т. д.

Точно также должна была изменить Р. Люксембург и свой взгляд на применение пролетариатом террора в революции. Она, разумеется, отвергала это средство как общий метод борьбы и теперь. «Пролетарская революция, говорит она во введении в «Программу Спартака», для достижения своих целей не нуждается в терроре. Она ненавидит и порицает человекоубийство. Она не прибегает к этим средствам борьбы, потому что борется с учреждениями, а не с отдельными людьми, это не отчаянная попытка меньшинства скроить мир согласно своему идеалу, но выступление многомиллионной народной массы, призванной выполнить историческую миссию

и претворить историческую необходимость в действительность». Но наряду с этим принципиальным отрицанием террора в качестве общего метода пролетарской революции она признает его необходимым и неизбежным при сопротивлении буржуазных классов власти пролетариата.

«Это сопротивление, говорит Р. Люксембург в той же «Программе Спартака», должно быть сломлено шаг за шагом железной рукой... Насилию, творимому буржуазной контр-революцией должно быть противопоставлено революционное насилие пролетариата. Ударам и козням буржуазии—непреклонная ясность цели, бдительность и неутомимая активность пролетарских масс».

Наконец, в отношении понимания Розой Л. «подлинной демократии» революция внесла существенные поправки, значительно приблизив ее к практике русской революции. «Демократия, заявляла она теперь, не там, где наемный раб сидит рядом с капиталистом и сельский рабочий рядом с помещиком, где есть лживое равенство и трактуются в парламенте лживые вопросы.

«Она там, где многомиллионная пролетарская масса захватывает в свои мозолистые руки всю власть в государстве, чтобы опустить подобно богу Тору, свой молот на голову господствующих классов: демократия там, где нет надувательства народа».

Если бы германские события привели к власти Союз Спартака, несомненно, что Р. Люксембург сделала бы все выводы из только-что приведенного понимания «подлинной демократии» и точно также вряд ли стала допускать свободу мнений других партий, хотя бы и считающих себя пролетарскими. Таким образом в этом вопросе германская революция совершенно примирила ее с позицией русских коммунистов, заставив отказаться от прежней критики.

Поэтому предпринятая П. Леви после смерти Красной Розы попытка издать ее критическую брошюру,

чтобы использовать ее как доказательство ее расхождения с большевиками—не выдерживает никакой критики.

Статьи Р. Люксембург на страницах «Роте Фане» за время ее активного участия в германской революции не оставляют сомнений в том, как далеко она отошла от основных тезисов своей критической работы, написанной еще за тюремной стеной. Эта брошюра Розы должна поэтому иметь лишь значение исторического памятника, позволяющего довольно точно установить эволюцию ее взглядов за период активного участия в революционной борьбе.

15. Участие Р. Люксембург в германской революции и создании Коммунистической партии.

Наступившая германская революция немедленно освободила Розу Люксембург из тюрьмы.

Дыхание приближавшейся революции сообщалось ей через тюремные стены и уже в октябре 1918 г. она предчувствовала ее скорый приход, когда писала Сопе Либкнехт:

«Долго это уже не может продолжаться. Если Диттман и К. Эйснер выпущены на свободу, меня не могут держать дольше в тюрьме, и Карл Либкнехт скоро тоже будет свободен».

Едва переступив за стены тюрьмы, Роза Люксембург была с головой охвачена развернувшимися в Германии событиями и, не успев передохнуть и набраться сил, должна была целиком уйти в захватывающую революционную работу.

Вместе с Карлом Либкнехтом она немедленно же становится во главе молодого спартаковского движения. Могла ли поступить иначе она, всю жизнь свою стремившаяся к этому этапу пролетарской борьбы, отдававшая беззаветно делу революции все свои силы и помыслы, горевшая надеждой дожить до революции и самой принять в ней активное участие—и в мрачные годы тюрем-

ной отсидки и в долгие годы мирной парламентской борьбы?

Она сразу же заняла роль теоретического руководителя крайнего левого течения в революционном выступлении пролетариата и теперь еще с большей силой и энтузиазмом, чем во время русской революции 1905 г., выдвинула лозунг борьбы за пролетарскую диктатуру.

Идейно руководя всеми революционными выступлениями «Союза Спартака» посредством редактируемого ею центрального органа спартаковцев «Rothe Fahne» (Красное Знамя), она, по свидетельству К. Цеткин, представляла собой «пылающее священным огнем сердце Спартака, его ясное проницательное око, его стальную волю». Действительно, страницы этой газеты за период германской революции 15 ноября—15 января носят на себе яркие следы работы Красной Розы. Не ограничиваясь руководящими статьями, многие из коих были настоящим революционным зовом набата, она следит за выдержанностью всего содержания газеты до мелких репортерских заметок включительно. Роза Люксембург—«это образ самого Спартака, бессмертного вождя-руководителя великого восстания рабов. Вся жизнь ее была сплошной работой и борьбой, вся жизнь ее была обращенным к рабам нашего времени призывом: «Проснитесь! Вспомните, что и вы люди! Поднимитесь из мрачных трущоб к яркому солнечному свету. Грядет ваш день»! Вся жизнь ее—это труд и забота, героизм и самоотвержение, стремление к тому, чтобы эти рабы сами, своими руками написали свою хартию свободы и из смиренных носителей возложенного на них креста, превратились в сознательных, мужественных, самоотверженных борцов... Чтобы они могли привести в исполнение приговор истории над капитализмом» [1]).

[1]) К. Цеткин, Борцы революции, стр. 29.

Но по свидетельству той же К. Цеткин, в другом ее произведении, посвященном памяти Красной Розы, Р. Люксембург и в разгар германской революции скоро пришлось убедиться, что «пролетарские массы в Германии во всем, что касается зрелости, сознательности, воли и готовности к жертвам, не доросли до революционного положения, не достойны его» [1]).

И действительно, в организовавшихся тогда повсеместно в Германии Советах значительно преобладали повсюду социалисты большинства. Ни Р. Люксембург, ни К. Либкнехт даже не попали вовсе на съезд Советов, созванный 16 декабря 1918 г. и даже предложение пригласить их туда с совещательным голосом не встретило поддержки.

Но все это отнюдь не могло поколебать Розу Люксембург в занятой ею крайней левой позиции. Наоборот, это лишь показывало ей, какая колоссальная работа предстоит ее соратникам, если они желают добиться успеха в предпринятой борьбе.

Учитывая всю обстановку развертывавшейся борьбы, она была уверена, что в дальнейшем ходе революции сознательность и зрелость рабочих масс пойдут вперед гигантскими шагами, и объективные условия общественного развития Германии убеждали ее в том, что ее прогноз на социальную революцию вполне правилен.

Поэтому она без колебаний продолжала итти по намеченному пути, стремясь возможно шире развить свою агитацию и охватить ею возможно полнее пролетарские массы Германии. Точно также и в отношении организации рабочих масс она стремилась не ограничиваться объединением верхушек рабочего класса, но сплотить в одну мощную боевую силу всех эксплоатируемых и порабощенных. По ее идее крепко сплоченная партия должна была стать организационным позвоночником и руководя-

[1]) К. Цеткин, Роза Люксембург и русская революция, стр. 9.

щим мозгом массовых содружеств борющихся народных масс. Неустанно строя эту организацию, Р. Люксембург руководила всеми ее выступлениями, бросая стальные лозунги и не смущаясь временными поражениями, ибо, по ее собственным словам, эти поражения должны были в конце-концов довести пролетариат к победе.

Когда правительство Шейдемана на эти выступления Спартаковцев стало отвечать жестокими репрессиями, Р. Люксембург смело бросила лозунг борьбы за низвержение этого правительства и за захват власти.

Захват власти рисовался Розе Люксембург в виде повсеместной передачи ее Советам, которые должны были сосредоточить в своих руках всю законодательную, административную и судебную власть на местах.

В данном случае она, очевидно, в основу своих построений брала целиком опыт русской октябрьской революции. Самый путь этого захвата власти представлялся ей довольно длительным процессом, так как он должен был охватить не только город, но и германскую деревню, где пока еще абсолютно ничего не было предпринято в смысле выявления классовой борьбы и которая благодаря этому продолжала оставаться оплотом контр-революции.

Но Р. Люксембург считала, что переживаемый страной революционный период должен значительно ускорить все процессы и передать выпадающую из рук буржуазии власть всему народу в лице Советов.

Ориентируясь таким образом целиком на пролетарскую революцию, она должна была резко отрицательно относиться ко всем попыткам оффициальной с.-демократии ввести бушующий революционный поток в замкнутые каналы мирной политической реформы, она не могла расценивать эти попытки иначе, как продолжение позорной политики 4-го августа 1914 г., как предательство интересов социализма и переход в лагерь буржуазии. Все предпринимаемые правительством Шейдемана меры встречали с ее стороны самую суровую критику и она

страстно и метко разоблачала все его попытки, направленные к разоружению берлинского пролетариата или же к вооружению буржуазии.

Но не менее резко выступала она и против вождей независимой с.-демократии, хотя формально «Союз Спартака» окончательно не порывал с партией независимых до самого конца 1918 г., продолжая использовать для своих целей ее партийный аппарат. Она бичевала половинчатость и нерешительность независимых с.-демократов, требуя их выхода из состава правительства и присоединения к ее лозунгам—передачи всей власти Советам и борьбы против созыва Национального Собрания.

Выхода независимых из состава шейдемановского правительства ей удалось добиться, но принять остальные лозунги Р. Люксембург категорически отказалась даже наиболее революционная организация независимых—берлинская. Дороги и с этой партией у Р. Люксембург разошлись и к концу декабря 1918 г. совместно с К. Либкнехтом она приступила, наконец, к созданию самостоятельной коммунистической партии. Начало ей было положено назначенной на конец декабря конференцией спартаковских организаций, которая таким образом превратилась в учредительный съезд коммунистической партии. На этом съезде Р. Люксембург выступила с программной речью, в которой детально обосновала, за что должна бороться новая партия.

«Если мы ныне в нашей программе заявляем, говорила она, что непосредственной задачей пролетариата, выраженной в нескольких словах, является воплотить социализм на деле и вырвать с корнем капитализм, то этим мы становимся на ту самую почву, на которой стояли в 1848 г. Маркс и Энгельс и с которой принципиально они не сходили» [1]).

---

[1]) Bericht über den Grundungsparteitag der Kommunist. p. Deutsch, S. 25.

Приведя далее историческую справку, которая должна была подтвердить правильность ее утверждения, Р. Люксембург заявляла:

«70 лет крупно-капиталистического развития привели нас к возможности в серьез выбросить к чорту капитализм. Даже более того: теперь мы не только можем разрешить эту задачу и она является не просто нашим долгом по отношению к пролетариату, но разрешение ее—единственный путь спасения и дальнейшего существования человеческого общества, ибо, что оставила война от буржуазного общества, как не огромную кучу обломков?.. Дело дошло до того, что дилемма, перед которой ныне стоит человечество гласит: или гибель в анархии, или спасение в социализме» [1]).

Съезд принял предложенную Р. Люксембург программу и 62 голосами против 23 вынес решение не принимать участия в выборах в Национальное Собрание, но в то же время использовать избирательную кампанию для борьбы с парламентаризмом вообще и для агитации за передачу власти Советам.

Выступая на съезде спартаковцев против политики социалистического правительства вообще, Р. Люксембург особенно яростно обрушилась на правительство Эберта—Шейдемана за его участие в подавлении коммунистического движения в Прибалтике совместно с балтийскими баронами и войсками союзников.

«Это настолько гнусно, говорила она, что я смело и спокойно заявляю, что немецкие вожди профессиональных союзов и немецкая социал-демократия являются величайшими негодями.

«По немецкому уголовному праву, которого эти господа еще не отменили и по которому они продолжают творить свой суд, они сами достойны арестантских рот.

«В теперешнем германском правительстве сидят не

---

[1]) Ibid. стр. 25.

только изменники пролетарской революции, но и подлинные уголовные преступники» [1]).

Конференция спартаковцев целиком разделила это негодование Р. Люксембург и признала, что:

«Совместные действия германских войск с балтийскими баронами и английскими империалистами означают не только гнусное предательство по отношению к русскому пролетариату и русской революции, но они равносильны присоединению к мировому союзу капиталистов всех стран против борющегося мирового пролетариата».

Не менее резко очерчивала Р. Люксембург и общую политику правительства Шейдемана, бичуя его измену делу пролетариата и противопоставляя его деятельности свою собственную программу—программу коммунистической партии Германии. Она говорила:

«То, что случилось, было скорее крушением глиняного колосса империализма, нежели сознательной революцией. Это было хаотическое движение и лишь создание рабочих и солдатских советов придало ему некоторый пролетарский оттенок.

«И тем, которые теперь изо дня в день совершают предательство по отношению к русской революции, мы должны указать, где собственно немецкие рабочие научились азбуке революции...

«Какие перспективы создаются для дальнейшего развития революции? Мы, само собой разумеется, не хотим пророчествовать, какое направление может принять курс теперешнего социалистического правительства... Оно лишилось своего кредита у буржуазии, потеряло опору в солдатских массах, за ним стоят лишь остатки рабочих.

«Куда направит теперь оно свой путь? Долго разыгрывать комедию социалистической политики ему не придется...

«Надвигается экономическая борьба. Сама природа

---

[1]) „Роте Фане“ от 2 января 1919 г.

революции такова, что экономическая борьба приобретает все более и более преобладающее значение.

«Социализм не создается и не может создаваться декретами правительства, хотя бы и самыми совершенными; он будет осуществлен только в процессе борьбы не на жизнь, а на смерть, только борьбой рабочих против капиталистов...

«Какова намечается внешняя форма этой борьбы? Ответ один: забастовка... Чрезвычайное обострение борьбы в области экономической неизбежно. В этой борьбе мы сталкиваемся с капиталом в том пункте, где он не признает никаких шуток. Он поставит нынешнее правительство перед выбором: или положить конец забастовкам, или признать свою роль законченной...

«Революция до сих пор была только городской и еще не коснулась широких деревенских масс. Но социализм не осуществим без сельского хозяйства, а в этом отношении, к сожалению, еще не сделано почти ничего. Крестьяне и теперь являются резервом контр-революции; мы же должны мобилизовать деревенский пролетариат и сельских батраков. Необходимо развить систему советов и защитить ее от всяких нападок, приобщив к ней сельский пролетариат и деревенских батраков. Этим путем все должно быть подготовлено снизу, чтобы свержение нынешнего правительства явилось заключительном актом нашей борьбы и чтобы, овладев властью, мы сразу могли бы приступить к созидательной работе» [1]).

Не успел закончиться съезд спартаковцев, как в Берлине начали назревать новые революционные события, закончившиеся столь трагической развязкой для Р. Люксембург и К. Либкнехта.

Январьское выступление было вызвано стремлением правительства Шейдемана отстранить от должности берлинского полицей-президиума Эйхгорна—члена партии

[1]) „Роте Фане“ 2-го января 1919 г.

независимых, которые к этому времени уже вышли из состава правительства.

Наиболее революционно настроенная часть берлинского пролетариата приняла это известие как новую попытку разоружить революцию, подняла брошенную ей перчатку и призвала 5-го января рабочие массы к всеобщей забастовке, которая стихийно начала превращаться в настоящее восстание.

Эйхгорн отказался выполнить приказ о сдаче должности. 6-го января восставшими был образован временный революционный комитет, заявивший о низложении правительства и захвативший в свои руки ряд правительственных зданий и редакций газет, в том числе и «Vorwärts».

Во главе движения шли Центральный Комитет берлинских избирательных союзов независимых с.-демократов, совместно с революционными старостами и доверенными промышленных заведений Берлина.

По свидетельству К. Цеткин, «вожди только-что основанной и еще не окрепшей коммунистической партии *совсем не руководили январьским восстанием.* Трезво оценивая положение, они требовали, чтобы рамки выступления были сужены и чтобы вся энергия была сосредоточена на достижении одной, ограниченной этими рамками, цели. Когда же борьба, которая, по их убеждению, была ошибочно задумана и неправильно начата, тем не менее разразилась, они не могли, конечно, нанести борцам удар в спину. Они вынуждены были содействовать тому, чтобы коммунистическая партия поддержала выступивших на борьбу пролетариев постольку, поскольку это позволяли ее принципиальные и тактические взгляды» [1]).

Вряд ли можно заподозреть К. Цеткин в желании уже задним числом выгородить себя и ближайших друзей от руководящего участия в январьском выступлении.

---

[1]) К. Цеткин, Борцы революции, стр. 7.

Тем более, что вся обстановка этого выступления рисуется совершенно одинаково, как ею, так и ее политическими противниками.

Так, она сама по этому поводу сообщает там же: «Все это происходит в такой обстановке, при которой берлинские ударные батальоны революции неминуемо ожидает участь парижских коммунаров. Не говоря уже о широких массах остальной Германии, даже столичный пролетариат не стоит сплоченной массой за этим авангардом. Далее в самый разгар борьбы, вместо решительных действий, ведутся с врагом переговоры, а тем временем восстание теряет свою ударную силу» [1]).

Ту же самую картину, если только не более мрачную в отношении растерянности и нерешительности самих восставших, приводит в своих воспоминаниях Носке, на которого правительство Шейдемана возложило главное командование по ликвидации и подавлению восстания. «То, что произошло в Берлине в понедельник, приводит он, явилось, быть может, самым крупным, совершенным пролетарскими массами актом, когда-либо виденным историей. Мы не думаем, чтобы в России были когда-нибудь подобные грандиозные массовые демонстрации. Пролетарии вплотную стояли один возле другого, сплошной массой от Роланда до Виктории,—даже до Тиргартена. Они принесли с собой свое оружие, их красные знамена развевались. Они были готовы сделать все, отдать все, даже свою жизнь. Это была армия в 200.000 человек, какой никогда не видел ни один Людендорф.

«Но тут случилось нечто невероятное. Массы стояли с 9 часов утра. Было холодно и туманно. Вожди же сидели и совещались. Туман рассеялся, массы продолжали стоять, вожди же продолжали совещаться. Наступило время обеда. Сделалось холодно и голодно. Вожди все продолжали совещаться. Массы лихорадили от возбужде-

[1]) К. Цеткин, Борцы революции, стр. 6.

ния—они жаждали сделать-что нибудь, услышать из уст вождей своих хоть слово, которое успокоило бы их возбуждение. Но никто не знал этого слова, так как вожди продолжали совещаться. Стало опять туманно и наступили сумерки. Печально начали расходиться массы по домам: они хотели совершить что-то великое и ничего не сделали, так как... вожди все еще совещались. Они совещались сперва в кавалерийских казармах, потом они пошли в полицию и там опять совещались. Снаружи на пустой Александровской площади стояли пролетарии с пулеметами и тяжелыми и легкими орудиями, внутри же полиции вожди продолжали совещаться. В полиции шел подсчет орудий, матросы стояли на всех концах улиц, всюду были толпы солдат, матросов, пролетариев. Вожди же все еще продолжали совещаться. Они сидели и совещались целый день и целую ночь, совещались и на другой день на рассвете и потом днем...» [1]).

Приблизительно ту же картину рисуют и другие историки знаменитых январьских дней в Берлине, добавляя разве к этому лишь еще, что и на защиту правительства Шейдемана стекались значительные массы пролетариата. Да и сама Р. Люксембург в своей статье, датированной 7 января 1918 г., на страницах «Роте Фане» писала: «Допускаем, что уполномоченные от трудящихся много и основательно совещаются. Но теперь надо действовать... Действовать! Действовать! Это революционный долг и обязанность революционных выборных и честных социалистических вождей!..».

Все это заставляет признать полную достоверность свидетельства К. Цеткин о характере участия Р. Люксембург в этих событиях. И тем не менее, как только восстание было подавлено гвардией Носке, на руководителей коммунистической партии Германии—на Р. Люксембург и К. Либкнехта в первую голову обрушились

[1]) Г. Носке, Записки о германской революции, стр. 58.

обвинения, что они являлись зачинщиками январьского движения, против них разразилась настоящая буря буржуазной ненависти и была поднята бесчеловечная травля.

«Смерть Розе Люксембург! На фонарь Либкнехта и Р. Люксембург! завывали неистово сотни тысяч листков, в более прикрытой форме этого же требовали благонамеренные газеты, о том же с солдатской прямотой говорили между собой офицеры...» [1]).

[1]) Клара Цеткин, Борцы революции. Гос. Изд. 1920 г.

16. Трагическая смерть Розы.

К 14-му января 1919 г. январьское выступление берлинского пролетариата было уже окончательно подавлено.

Носке удалось сконцентрировать в окрестностях Берлина несколько воинских частей, которые без труда заняли город, освободили захваченные восставшими здания и начали водворять всюду «порядок».

В воцарившейся при этом атмосфере ненависти после только-что пережитого страха, упоения победой и кровавого похмелья вся мстительная злоба блюстителей порядка была целиком направлена на коммунистическую партию и, в первую голову, на ее вождей.

Р. Люксембург в эти дни меньше всего думала о своей личной безопасности. Наоборот, она прежде всего стремилась осмыслить только-что пережитое движение. На страницах «Rote Fane» она писала: «В Варшаве все спокойно»,—заявил министр Себастиани в парижской палате депутатов в 1831 г., когда полчища Паскевича, после страшного штурма предместья Варшавы—Праги, вступили в польскую столицу и начали свою кровавую расправу над восставшим народом.

«В Берлине все спокойно»,—твердит торжествующая буржуазная печать, твердят Эберт и Носке, твердят офи-

церы «победоносной армии», которых буржуазная толпа радостно приветствует на улицах Берлина...

«Слава и честь германского оружия перед мировой историей спасена. Разбитые на полях Фландрии и в Аргоннах, они восстановили свою репутацию, одержав блестящую победу над тремя сотнями спартаковцев в помещении «Форвертс'а»...

«Убитые *парламентеры*, желавшие вести переговоры о сдаче «Форвертс'а», изувеченные до неузнаваемости прикладами; пленные, расстрелянные такими приемами, что стены забрызганы мозгами,—при виде столь славных побед, кто станет вспоминать о позорных поражениях, понесенных в войне с французами, англичанами и американцами?

«Спартак—вот враг, и Берлин—вот место, где наши офицеры могут побеждать, «рабочий» Носке—вот генерал, который умеет одерживать победы там, где оказался неспособным генерал Людендорф...

«В Варшаве все спокойно». «В Париже все спокойно». «В Берлине все спокойно». Таковы сообщения «блюстителей порядка», переходящие через каждые полвека из одного центра мировой революции в другой.

«Торжествующие «победители» не замечают, что «порядок», периодически поддерживаемый кровавой резней, безостановочно катится к своей исторической Немезиде, к полной гибели. Что представляла из себя последняя «спартаковская неделя» в Берлине, что она дала, чему она учит?.. Революция не может терять времени; через открытые могилы, через «победы» и «поражения» она мчится к своим великим целям... Была ли возможна при этом столкновении окончательная победа революционного пролетариата, было ли возможно низвержение Эберта и Шейдемана и восстановление социалистической диктатуры? Конечно, нет, если зрело обсудить все моменты, которые в этом вопросе имеют решающее значение. В данный момент больным местом революции является не-

достаточная политическая зрелость солдатских масс... Деревня, откуда черпается значительная часть солдатской массы, еще почти не затронута революцией. Берлин до сих пор еще почти совершенно изолирован от остальной Германии. Правда, революционные центры в Рейнской области, в Приморской, в Брауншвейге, в Саксонии, в Вюртемберге—телом и душой на стороне берлинского пролетариата, но движению все же недостает еще той планомерности наступления, той мощности действия, которые были бы в состоянии удесятерить удар и натиск берлинских рабочих масс».

Подробно останавливаясь далее на причинах, вызвавших последнее выступление спартаковцев, на революционном инстинкте рабочих масс, ответивших на «грубую провокацию правительства» встречным ударом, Р. Люксембург яркими историческими справками стремится доказать рабочему населению Берлина, что «революция — это единственная форма войны, где конечная победа может быть подготовлена только путем целого ряда поражений».

В конце статьи, задавшись вопросом, чем было обусловлено это январьское поражение рабочих масс, недостаточной ли зрелостью окружающих условий или слабостью и половинчатостью вождей, Р. Люксембург приходила к выводу, что налицо были обе причины поражения.

«Двойственный характер этого кризиса, противоречие между сильным, решительным, боевым выступлением берлинских масс и медлительностью, нерешительностью, половинчатостью руководителей — являются отличительной чертой последнего выступления.

«Руководители оказались не на высоте. Но руководители могут и должны создаваться самою массою и выделяться из ее недр... Массы же всецело были на высоте, превратив это поражение в одно из звеньев тех исторических поражений, которые являются гордостью

и могуществом международного социализма. Из этого «поражения» поэтому расцветет близкая победа.

«В Берлине все спокойно». Вы тупые лакеи. Ваше спокойствие зиждется на песке. Революция уже завтра снова поднимется ввысь и трубными звуками, приводящими вас в трепет, прогремит: я была, я есть, я буду».

Никто тогда не знал, что это будут ее последние слова, обращенные к германскому пролетариату.

15-го января 1919 г., в 9 часов 30 минут вечера она была арестована после домашнего обыска в Вильманстранде — одном из предместий Берлина, причем милиция производила обыск даже без предъявления на это специального приказа. После ареста ее немедленно отправили в отель «Эден», где размещался штаб дивизиона гвардейской кавалерии.

На следующий день появилось оффициальное сообщение, будто бы она при отправке из штаба дивизиона в тюрьму была растерзана возбужденной толпой. «Конвой ни в чем не виноват», — говорилось в этом правительственном сообщении, совершенно искажавшем истинную обстановку события. По словам этого сообщения, какой-то неизвестный, вскочивший на подножку автомобиля, произвел в нее выстрел в упор из револьвера, затем толпа остановила автомобиль, выволокла ее из него полуживую, тут же ее добила, а труп унесла с собой.

Но уже на следующий день самое беглое расследование, произведенное Центральным органом Советов, Берлинским Исполнительным Комитетом, а также родными и друзьями покойной, сразу же установили, что никакой толпы у «Эдена» не было и никто автомобиля не останавливал. Тогда же удалось установить свидетельскими показаниями, что чины кавалерийского штаба не скрывали своего намерения сразу же покончить с вдохновителями восстания.

Уже разоблачения одних этих фактов было достаточно, чтобы взрыв негодования пронесся по рядам берлинского пролетариата, и правительство Шейдемана должно было под давлением общественного мнения отдать распоряжение о производстве расследования всех обстоятельств, сопровождавших смерть Розы Люксембург и также трагически погибшего в этот же самый день К. Либкнехта.

Но, соглашаясь на производство расследования, правительство Шейдемана не решилось сделать это гласно и открыто, а возложило его на военный суд той же кавалерийской дивизии, которая была причастна к этому дикому преступлению.

Конечно, подобное следствие, во главе которого стоял сам командир дивизии генерал Гофман, не могло внушать никому доверия.

Возбужденные рабочие массы открыто обвиняли правительство в соучастии и пособничестве убийству и стали добиваться назначения специальной комиссии для расследования всего дела.

Правительство Шейдемана снова вынуждено было пойти на уступки, предложив Центральному Совету и Берлинскому Исполнительному Комитету делегировать по два члена в помощь следственной власти и для контроля над ней.

Но, разумеется, военные судьи отнеслись к делегированным членам Совета и Исполнительного Комитета, как к помехе в работе, и постарались не допустить их к производству действительно широкого расследования.

Делегаты после безуспешных попыток добиться активного участия в следствии, должны были признать, что их миссия бесцельна. Они отказались поэтому от дальнейшей работы и выступили на страницах печати с заявлением, в котором мотивировали свой уход из комиссии следующим образом:

«С самого начала и неоднократно мы требовали, чтобы была образована особая комиссия со всеми правами

следственного органа. Наше требование было отклонено.

«Мы требовали также, чтобы все дело было передано на рассмотрение обыкновенного, не военного суда.

«Теперь мы заявляем публично, что от всякого дальнейшего участия в судебном следствии мы отказываемся по следующим основаниям:

«1. Имперское правительство упомянутое выше требование наше не удовлетворило.

«2. Несмотря на целый ряд заявлений с нашей стороны, письменных и устных, лица, причастность которых к преступлению установлена свидетельскими показаниями — подстрекатели, соучастники и даже непосредственные виновники — не арестованы до сих пор.

«3. Некоторые из них вследствие этого бежали.

«4. Другие обвиняемые, оставаясь на свободе, имеют возможность сговариваться друг с другом, что не может не повести к затемнению обстоятельств дела.

«Таким образом следствие не только не выясняет истину, но, наоборот, дает полную возможность виновным скрывать следы преступления и уйти от ответственности. В виду этого мы отказываемся от участия в следствии и доводим об этом до сведения пролетариата всех стран».

Правительство и на этот раз ничего не предприняло, чтобы исправить упущения следствия.

Последовавший вслед за тем суд только довершил картину общего попустительства по отношению к виновникам этого гнуснейшего из злодеяний, которыми запятнала себя прусская военщина.

На судебном заседании выяснилась следующая жуткая и леденящая кровь картина убийства Розы.

Никакой толпы перед отелем «Эден» не было, напротив, площадь перед гостиницей была совершенно пуста и только кое-где виднелись отдельные солдаты дивизиона.

Когда Розу Люксембург вывели из главного подъезда

отеля, стоявший тут же егерь Рунге, который только-что перед тем принимал участие в убийстве К. Либкнехта, ударил и Розу в тот момент, когда она выходила из дверей, дважды прикладом по голове; она потеряла сознание и упала. Удары были настолько сильны, что их слышно было в самом помещении отеля. Стоявший тут же рядом начальник конвоя, обер-лейтенант Фогель молча смотрел на это возмутительное избиение беззащитной женщины.

Свидетели из числа конвоя на суде заявляли, что получили указания от полковника Петри, чтобы Роза Люксембург не была доставлена в тюрьму Моабит живою.

Когда бесчувственную Розу втолкнули в автомобиль, справа и слева село по конвойному, один из них — сам Фогель.

Когда автомобиль трогался, сзади подскочил еще кто-то и еще раз ударил Р. Люксембург каким-то тяжелым предметом по голове. По дороге, когда автомобиль ехал по совершенно пустым улицам, обер-лейтенант Фогель выстрелил в неприходившую в сознание Р. Люксембург в голову, после чего тело ее несколько раз судорожно вздрогнуло. Все это произошло между Ландверканалом и Зоологическим садом. У ворот сада стояла группа солдат; здесь автомобиль остановился; солдаты вытащили тело мертвой уже Р. Люксембург и, по приказанию Фогеля, привязав к нему тяжесть, бросили его в канал под мостом Корнелиус. Там тело ее было обнаружено лишь несколько месяцев спустя... офицеры же убийцы, после совершения злодеяния устроили попойку.

Военный суд, происходивший под председательством того же генерала Гофмана, остался верен себе до конца. Всем обвиняемым он поспешил вынести оправдательный приговор, сославшись, как на смягчающее вину обстоятельство, на возбуждение, царившее среди военных против Розы Люксембург и Карла Либкнехта, как главных вдохновителей и руководителей восстания.

Смерть Р. Люксембург явилась тяжелым и незабываемым ударом в спину не только для германского, но и для пролетариата всего мира; в особенности же горячо на нее откликнулся пролетариат России.

Даже среди врагов и политических противников Р. Люксембург нашлось немного, кто бы не преклонился перед трагизмом ее смерти.

«Убийство Розы Люксембург,—писал Э. Бернштейн,—гнусное злодеяние, об этом не может быть двух мнений... Поэт в душе, она взлелеяла в ней абстрактный образ германского пролетария, во многом не отвечавшего действительности и с этим мерилом подходила к происходящему, неудивительно, что она тоже переоценила размер революции. Но ни современники, ни история не поставят ей этого в вину» [1]).

Друзья же и единомышленники поспешили принести ей на могилу лучший венок, запечатлев ее образ в незабываемых воспоминаниях.

«Роза Люксембург исполнила свой долг до конца!» кратко сообщал Л. Тышко Ленину о ее смерти.

«Когда в даль устремленный взор блуждает по безграничному простору моря, — писала К. Цеткин, — глаз останавливается на светящихся вдали гребнях волн, говорящих о вечном движении вод. Но блестящие гребни волн являются лишь верхушкой движущихся водных масс и блеск их проникает тем дальше, чем шире и могуче вздымающийся вал» [2]).

«Мученический венец,—говорит А. Коллонтай,—стал уделом той, которая могла еще обогатить ценными вкладами сокровищницу человеческой мысли... Голова, полная богатого, неисчерпываемого творчества, голова, таившая в себе ценнейшие недосказанные мысли, которые, быть может, помогли бы сократить крестный путь пролета-

---

[1]) Э. Бернштейн, Германская революция, стр. 92.
[2]) К. Цеткин, Борцы революции, стр. 24.

риата, ведущий к коммунизму, эта голова была отдана на растерзание громилам!.. Оборвать нить созидательного творчества на полуслове, остановить работу остроаналитического ума! Разбрызгать драгоценный мозг Розы Люксембург по мостовой!.. Какой кошмар! Какое преступление! Преступление не только перед пролетариатом, — с ним не считаются вдохновители этого злодеяния, но и перед рычагом истории — перед наукой» [1]).

Более эпически-спокойно, но зато и еще более трогательно звучат прощальные слова одной из самых близких Розе подруг — Луизы Каутской, которыми она заканчивает свои полные обаяния, интимной нежности и душевной правды воспоминания:

«И потому представляется мне эта смерть, при всем ужасе внешней обстановки ее, как логическое завершение ее жизненной драмы, как нечто, перед чем мы останавливаемся потрясенные, в немом молчании, как перед воплощением великого и вечного трагизма античной трагедии. —

«О ней можно сказать то же, что сказал Дон-Карлос о своем друге маркизе Поза: ее «прекрасную жизнь» увенчала «великая прекрасная смерть».

«Подобно пламени, она вносила свет и тепло в сердца миллионов людей, пробуждая в них воодушевление; подобно пламени погасла она, но искра, зароненная ею, продолжает тлеть в миллионах сердец» [2]).

Мысль и сердце борющегося пролетариата навсегда сохранят в себе этот светлый образ борца и мыслителя, заплатившего своей жизнью за непоколебимую верность исповедуемому идеалу.

---

[1]) Роза Люксембург, Гос. Изд. Сб. статей. Статья А. Коллонтай, стр. 13.

[2]) Р. Люксембург, Письма к К. и Л. Каутским, стр. 194.

Литература о Розе Люксембург.

А. На русском языке:

Л. Троцкий. Годы великого перелома. М. К-во „Коммунист“ 1919 г. (ст. „Привет Ф. Мерингу и Р. Люксембург“, стр. 116—118 г.)

„Коммунистический Интернационал“ 1919 г. № 1. „На смерть К. Либкнехта и Р. Люксембург“ (возвание спартаковцев), стр. 73—76.

„Коммунистический Интернационал“ № 3, стр. 376. „К убийству Р. Люксембург“ (обращение Исполн. Комит. Коминтерна)

„Творчество“ 1919 г. № 1—3, стр. 19—21, ст. *А. Давильковского*—„Жизнь и смерть Красной Розы“.

„Пламя“ 1919 г. № 38, стр. 608, ст. *М. Лисовского*—„Великие жертвы“.

„Коммунистический Интернационал“ 1919 г. № 2, стр. 219—222, ст. *К. Цеткин*—„В защиту Розы Люксембург“.

„Коммунистический Интернационал“ 1919 г. № 5, стр. 597—600, ст. *К. Цеткин*—„Роза Люксембург“, стр. 715—718—„Судебный процесс по делу об убийстве Карла Либкнехта и Розы Люксембург“.

„Спутник Красноармейца“. М. Лит.-Изд. отд. ПУР. 1920 г., стр. 77—78, ст. *А. Балабановой*—„Роза Люксембург“.

„Коммунистический Интернационал“ № 14, стр. 2847—2862, ст. *В. Быстрянского*—„Р. Люксембург и Л. Тышко перед царской фемидой“.

„Русская Мысль“ 1894 г. № 10, стр. 384—385, рец. о книге Р. Люксембург—„Промышленное развитие Польши“.

„Новая книга“ 1907 г. № 2—3, стр. 19—20, рец. А. Ельницкого о кн. Р. Люксембург—„Всеобщая стачка и немецкая с.-демократия“.

„**Книга**“ 1907 г. № 11, стр. 4—5, рец. *Д. М. З.* о брошюре Р. Люксембург — „Чего мы хотим“ и № 24—25, рец. о книге Р. Люксембург—„Социальная реформа или революция“.

„**Печать и Революция**“ 1921 г., кн. 2-я, стр. 115, рец. *Ф. Штурма* о книге „Письма Розы Люксембург“, стр. 127, рец. *С. Членова* о книге Р. Люксембург—„Накопление капитала“.

„**Народное Хозяйство**“ 1921 г., июль, стр. 234—244, рец. *С. Членова* о книге Р. Люксембург—„Накопление капитала“.

„**Красный Балтиец**“ 1921 г. № 8, стр. 9—14, ст. *Т. Немчиновой*—„Поэзия мирового коллектива“ (творчество Р. Люксембург).

„**Красная Новь**“ 1921 г. № 1, ст. *Ш. Двойлацкого*—„Накопление капитала и проблема империализма“.

„**Вестник Социалистической Академии**“ 1923 г. № 5, ст. *Ш. Двойлацкого*—„На старых позициях марксизма“ и *Л. Кричмана*—„О накоплении капитала и третьих лицах“.

„**Спутник Коммуниста**“ 1923 г. № 21, ст. *Безсонова*—„Коминтерн и теория Р. Люксембург“, стр. 161 — 162, № 22, ст. *М. Шварца* — „Проблема накопления капитала и империализма“, стр. 146—197.

Э. Бернштейн. „Германская революция“. П. Изд. „Мысль“. 1922 г.

Г. Носке. „Записки о германской революции“. М. Гос. Изд. 1922 г.

К. Цеткин. „Борцы революции“. Гос. Изд. 1920 г.

Предательское убийство К. Либкнехта и Розы Люксембург. П. „Коминт.“ 1920 г.

Роза Люксембург. Сборник статей К. Цеткин, Колонтай, Ю. Мархлевского и П. Леви. М. Гос. Изд. 1921.

Цеклин, К. „Борцы революции“. П. Гос. Изд. 1920.

Памяти К. Либкнехта и Р. Люксембург. Статьи Зиновьева, Луначарского, Л. Троцкого, Бухарина, Стеклова, Колонтай, А. Балабановой, А. Иоффе, Ларина, В. Керженцева, М. Бронского и Демьяна Бедного. М. „Советский Мир“. 1919.

Зиновьев и Троцкий. К. Либкнехт и Р. Люксембург. Речи, произнесенные на заседании Петрогр. Совета 18 янв. 1919 г.

Памяти К. Либкнехта и Р. Люксембург. Сборник статей. П. Изд. Петр. Совета. 1919.

К. Цеткин. „Роза Люксембург и русская революция“. М. Гос. Изд. 1923 г.

Б. На немецком языке:

Zetkin, K. Um Rosa Luxemburgs Stellung zur russischen Revolution. Hamburg. 1922.

Der Meuchelmort an K. Liebknecht und R. Luxemburg (Tatsachen material) Petrograd. Komintern. 1920.

Der Mord an K. Liebknecht und R. Luxemburg Zusammenfassende Darstellung des gesamten Untersuchungs materials. Berlin. Freiheit. 1920.

Zetkin, K. Revolutionäre Kämpfe und revolutionäre Kämpfer R. Luxemburg, K. Liebknecht, Leo Jogiches, Eugen Levine, Franz Mehring und all. den treuen Rühnen revolutionären Kämpfern und Kämpferinen des Jahres 1919 zum Gedächtniss. Stuttgart 1919.

Den Märtyrern des Kommunismus Rosa Luxemburg und Karl Liebknecht. Berlin. K. P. D. 1919.

Faktios Johannes. Rosa Luxemburg (Ihre Menschlichkeit). Leipzig. O. Müller.

Zetkin, K. R. Luxemburg und K. Liebknecht. Berlin. Rote Fahne. 1919.

Becher Johan H. Hymne auf Rosa Luxemburg. An alle, S. 24. Berlin. Die Aktion. 1919.

В. Сочинения Р. Люксембург, напечатанные на русском и немецком языках.

— Neue Strömungen in der polonischen sozialislischen Bewegung in Deutschland und Österreich. Neue Zeit. A. XIV, 2, S. 176, 206.

— Der Sozialpatriotismus in Polen. N. Z. XIV, 2, S. 459.

— Von Stufe zu Stufe. N. Z. A. XVI, I, S. 164.

— Sozialreformen oder Revolution. Leipzig, Vulkan. 1919. (Социальная реформа или революция. II. „Век", 1907).

— Die sozialistische Kriese in Frankreich. N. Z. XIX, I, S. 495, 516, 548, 618, 676.

— Intermezzo. N. Z. A. XIX, II, S. 666.

— Zum französischen Einigungs kongress. N. Z. XIX. II, S. 202.

— Nach dem französischen Einigungs kongress. N. Z. XIX. II S. 299.

— Die sozialistische Einigung in Frankreich. N. Z. XIX, II S. 698.

— Der Abschluss der Sozialistishen Kriese in Frankreich. N. Z. A, XX, I, S. 710, 751.

— Koalitionspolitik oder Klassenkampf. Berlin. 1920.

— Коалиционная политика или классовая борьба. Под ред. и с предисл. Ф. Ротштейна.

— Das belgische Experiment. N. Z. XX, II, S. 105.

— Und zum driettenmall das belgische Experiment. N. Z. XX, II, S. 203, 274.

— Rede in der Discussion über die Dresdner Resolution gehalten an *Internationalen Sozialistische Kongresse zu Amsterdam 14—20 August 1904. S. 73.*

— Resolution zu internationalen Regeln der sozialistischen Taktik. Angenomen von dem *Internation Sozialischen Kongresse zu Amsterdam 14—20 August 1904,* und von dem *Parteitage der S. P. D. zu Dresden 13—20 September 1903.* S. Internationaler Sozialistischen Kongress zu Amsterdam. S. 31. Berlin. „Vorwärts". 1904. Und Protokol des Parteitages der S. P. D. zu Dresden 13—20 Sept. 1903. Berlin. „Vorwärts" 1903.

— Massenstreik, Partei und Gewerkschaften. Leipzig. Vulken. 1919.

— Всеобщая забастовка и немецкая с.-демократия с предисл. автора к русскому изданию. Киев. Горский. 1906.

— Organisations fragen der russischen Sozialdemokratie. N. Z. XXII, II, S. 184, 529.

— Die Revolution in Russland. N. Z. XXIII, I. S. 572.

— Nach dem ersten Akt. N. Z. XXIII, I. S. 611.

— Das Problem der „Hundert Völker". N. Z. XXIII, I. S. 643.

— Der Bitigang des Proletariats. N. Z. XXIV, I. S. 711.

— Rede, gehalten in der Diskussion über den politischen Massenstreik an dem *Parteitage der S. P. D. zu Iena 17—23 September 1905. Protokoll.* S. 260. Berlin. „Vorwärts" 1905.

— Rede, gehalten in der Diskussion über den politischen Massenstreik an dem *Parteitage der S. P. D. zu Mannheim 23—29 September 1906, Protokoll.* S. 260. Berlin. „Vorwärts". 1906.

— Немецкий рабочий класс и русская революция. „Темы дня", стр. 75. II. „Новь". 1907 г.

— Die deutsche Arbeiterklasse und die russische Revolution. „Vorwärts" zentralorgan der S. P. D. 1907 № 136.

— Rede, gehalten in der Diskussion über den politischen Massenstreik an dem *Internationalen Sozialisten-Kongresse zu Stuttgart 18—24 August 1907. Protokoll.* S. 96. Berlin. „Vorwärts". 1907.

— Ermattung oder Kampf. N. Z. XXVIII, II. S. 257, 291.

— Die Theorie und die Praxis. N. Z. XXVIII, II. S. 564, 626.

— Zur Richtigstellung. N. Z. XXVIII, II. S. 756.

— Rede, gehalten in der Diskussion über den Massenstreik an dem *Parteitage der S. P. D. zu Iena 14—20 September 1913. Protokoll.* S. 288. Berlin. „Vorwärts". 1913.

— Die Akkumulation des Kapitals. Ein Beitrag zur Ökonomischen Erklärung des Imperialismus. Berlin „Vorwärts". 1913.

— Die Akkumulation des Kapitals, oder Was die Epigonen aus der Marxschen Theorie gemacht haben. Eine Antikritik. Leipzig, Franke.

— Накопление капитала (к вопросу об экономическом объяснении империализма). Пер. Ш. Двойлацкого, под ред. Н. Бухарина. М. Гос. Изд. 1921.

— Накопление капитала или что эпигоны сделали из теории Маркса (Антикритика). Пер. Ш. Двойлацкого. М. Гос. Изд. 1922.

— Militarismus, Krieg und Arbeiterklasse, Ausführlicher Bericht über die Verhandlungen der Frankfurter Stratkammer am 20 Febr. 1914. Berlin. 1920.

— Die Kriese der Sozialdemokratie (Junius broschure) mit einer Einleitung von Klara Zetkin. Leipzig. Franke. 1919.

— Кризис с.-демократии. С предисл. К. Цеткин. С прилож. статьи Н. Ленина. М. „Кр. Новь". 1923.

— Die Internationale. München. Futurusferlag.

— Интернационал. Ежемесячн. журнал, основ. Р. Люксембург и Францем Мерингом. Единственный номер, вышедший в 1915 г. П. Гос. Изд. 1923.

— Briefe aus dem Gefängniss. Berlin. Junge Garde. 1920.

— Письма из тюрьмы. М. 1923.

— Die russische Revolution. Eine kritische Vürdigung. Hg. und Eing. von Paul Levi. Berlin. 1922.

— Rede zum Programm. Gehalten auf dem Gründungsparteitag der K. P. D. (Spartakusbund) am 29—31 Dezemb. 1918 zu Berlin. Berlin. Rote Fahne. 1919.

— Письма к Карлу и Луизе Каутским. М. „Кр. Новь". 1923.

Речь Розы Люксембург на съезде спартаковцев (Известия

В. Ц. И. К. 1919 г., № 11, „Петроградская Правда“ 1919 г. № 14, „Северная Коммуна“ 1919 г. № 14.

Р. Люксембург. „В. Г. Короленко“ („Красная Новь“. 1921 г. № 6, стр. 183—203.

— „Русская революция“ (речь, произнесенная на народном собрании в Мангейме 25 сентября 1906 г.). Изд. „Мир“. Спб. 1906 г.

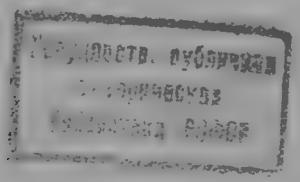
— „Чего мы хотим“. Пер. с польского. (Комментарий к программе польской с.-дем.). Спб. Изд. „Эпоха“. 1906 г.

— „К. Марке“, критический очерк его учения. Перевод с польского. Киев. Изд. „Труд и Знание“. 1906 г.

— „Памяти Карла Маркса“ (в сборнике „Памяти К. Маркса“. Спб. Изд. О. и М. Кедровых).

К. Каутский и Р. Люксембург. Введение к книге: „Положение рабочего класса в главнейших государствах Европы, Северных Американских Соедин. Штатах и Австралии“, т. I. Спб. Изд. Глаголева. 1905 г.

— „Spartakus briefe“. Berlin. 1920.



ОГЛАВЛЕНИЕ.

		стр.
1.	Общая характеристика Розы Люксембург	3
2.	Детство, юность и студенческие годы Розы . . .	16
3.	На службе польскому пролетариату	29
4.	В рядах германской с.-демократии	43
5.	Первые выступления Р. Люксембург на международной арене	57
6.	Участие Розы в польском революционном движении в 1905—06 гг.	65
7.	Р. Люксембург и русская революция 1905—06 гг.	72
8.	В оппозиции Центральному Комитету с.-д. партии.	79
9.	Р. Люксембург и К. Каутский	90
10.	Роза Люксембург в кругу друзей и близких . . .	103
11.	На борьбу с империализмом	127
12.	Новая теория накопления капитала и империализма, выдвинутых Р. Люксембург	140
13.	Роза Люксембург в тюрьме	149
14.	Р. Люксембург и Октябрьская революция	165
15.	Участие Р. Люксембург в германской революции и создании коммунистической партии	176
16.	Трагическая смерть Розы	188
17.	Литература о Розе Люксембург	197

ИЗДАТЕЛЬСКОЕ ТОВАРИЩЕСТВО „КНИГА“

Существует с 1916 г.

МОСКВА, Тверская, 38, тел. 2-64-61.
ЛЕНИНГРАД, Пр. 25 Окт., 74, тел. 134-34.

Адлер, Виктор. Статьи, речи и письма. Выпуск первый: Виктор Адлер и Фридрих Энгельс. Перевод С. Санитан. Стр. 205. Ц. 1 р. 40 к.

Адлер, Макс. Марксизм, как пролетарское учение о жизни. Перевод с немецкого, под редакцией и с предисловием И. А. Давыдова. Стр. 54. Ц. 27 к.

Его-же. Маркс, как мыслитель. Перевел со второго переработанного издания В. Н. Козакова, с предисловием проф. М. В. Серебрякова. Стр. 123. Ц. 30 к.

Его-же. Энгельс, как мыслитель. Перевод с немецкого. С предисловием проф. М. В. Серебрякова. Ц. 70 к.

Кори, К. Марксизм и философия.

Беер, М. Всеобщая история социализма и классовой борьбы. Новейшее время с 1800 до 1924 г. Перевод с немецкого К. Михайловой. Ц. 75 к.

Берлин, Н. Очерки по истории немецкой интеллигенции.

Его-же. Русская буржуазия в старое и новое время. Стр. 307. Ц. 1 р. 25 к.

Бернштейн, Э. Фердинанд Лассаль. Заново написанная биография на основании новых материалов, коренная переработка старой работы автора о Лассале.

Биншток, Г. Очерки германской революции. Встречи и впечатления. Стр. 100. Ц. 70 к.

Вендель, Г. Август Бебель. Перевод с 3-го немецкого изд. В. Н. Розанова, с портретом А. Бебеля. Ц. 75 к.

Дас, Раджани Канта, д-р философии. Рабочее движение в Индии.

Дживелегов, А. Крестьянские движения на Западе. Исторический очерк.

Его-же. Армия Великой французской революции. Исторический очерк. Стр. 218. Ц. 1 р.

Жорес, Жан. История Конвента. Сокращенный перевод В. Левицкого, под редакцией В. Дана. 2-е изд. Стр. 191. Ц. 1 р.

Мартов, Л. История российской социал-демократии. Изд. 4-е. Послесловие В. Ежова. Стр. 214. Ц. 1 р. 50 к.

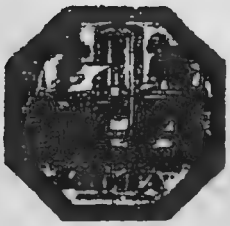
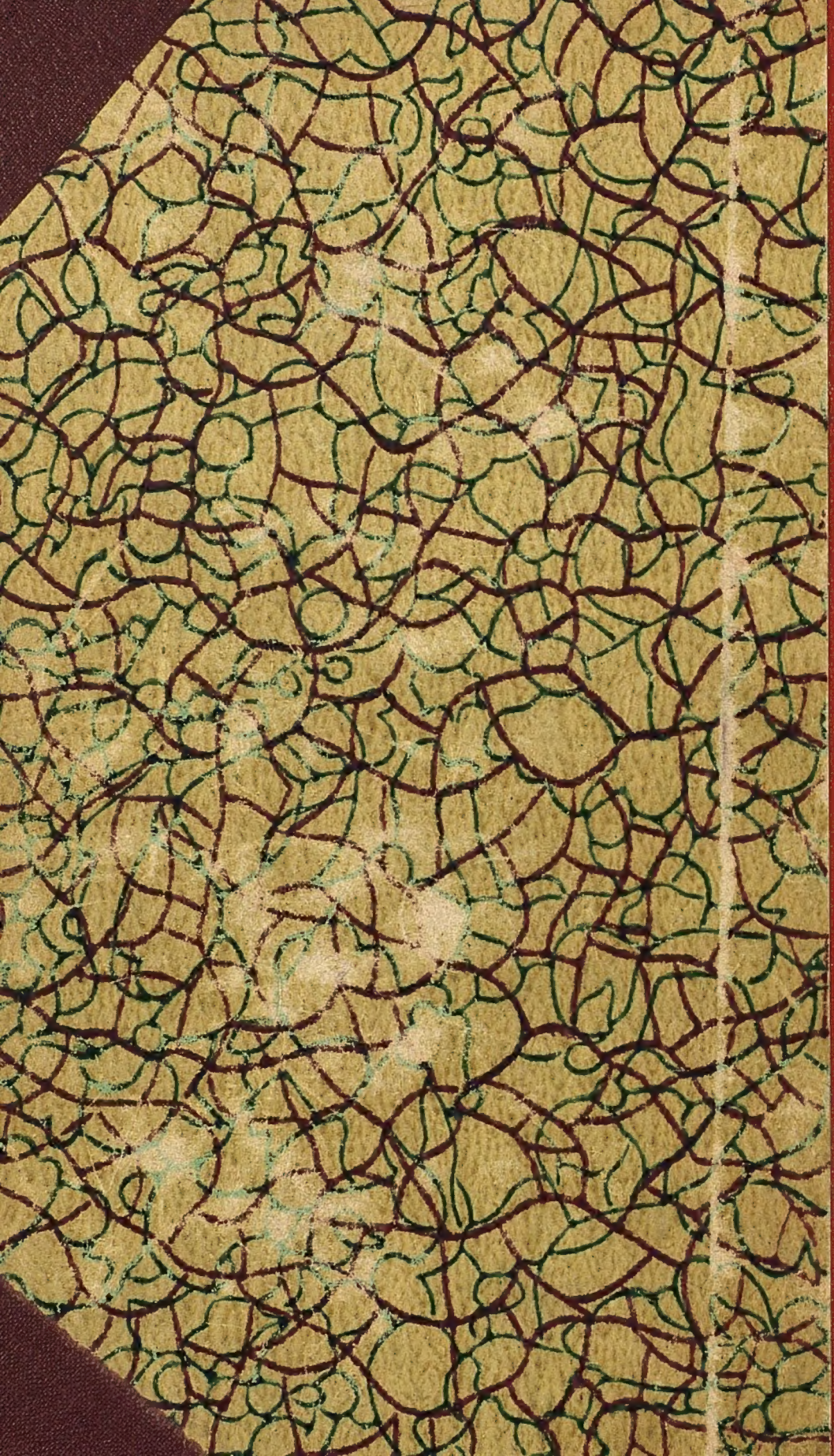
Его-же. Развитие крупной промышленности и рабочее движение в России. Стр. 244. Ц. 1 р. 50 к.

Его-же. Общественные и умственные течения в России 1870—1905 гг.

Розенталь, П. Борьба за колонии и мировые пути. Ч. I. Стр. 252. Ц. 1 р. 70 к.

Тюменев, А. Французский пролетариат в эпоху революций.

Цена 1 р. 15 к.



ИЗДАТЕЛЬСКОЕ ТОВАРИЩЕСТВО „КНИГА“
Ленинград, Пр. 25-го Октября, 74. Тел. 1-34-34 и 1-70-94.
Москва, Тверская ул., 38. Тел. 2-64-61.
1925